

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Academia Rerum Civilium – Высшая школа политических
и общественных наук
Пензенская государственная технологическая академия

**ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО, ПРАВО. ПРОБЛЕМЫ
СООТНОШЕНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы III международной научно-практической
конференции 15–16 октября 2013 года

Прага
2013

Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия : материалы III международной научно-практической конференции 15–16 октября 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – 232 с.

Редакционная коллегия:

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, генеральный директор ООО НИЦ «Социосфера».

Сапик Мирослав, доктор философских наук, доцент, проректор Academia Regum Civilium – Высшей школы политических и общественных наук (Чехия).

Кашпарова Ева, доктор философии, научный сотрудник Высшей школы экономики в Праге.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения аспирантов, соискателей, преподавателей вузов и практических работников. Освещаются психологические и социокультурные аспекты личностного и общественного бытия, роль компетентной администрации и деятелей культуры в обеспечении безопасности и качества жизни населения. Существенное внимание уделяется проблемам функционирования, взаимодействия и развития общества и государства, а также праву как регулятору общественной жизни.

УДК 316:34:32

ISBN 978-80-87786-67-3

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2013.

© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. СОЦИАЛИЗАЦИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Сахнова Н. В. Социализация и самореализация личности.....	7
Семикина М. С. К проблеме социализации детей, находящихся в социально опасном положении.....	9
Ломонова М. Ф., Ткачук И. А. Структурная модель обучения в герменевтическом круге	14
Арингазина Р. А., Саркулов С. И., Нурмагамбет А. Е. Оценка сформированности коммуникативной компетентности выпускника медицинского вуза	20
Столярчук О. С. Роль личности в развитии общества	22
Колобродова Л. И. Концепция личности в рассказах А. И. Солженицына 1990-х годов	26
Кобец П. Н. Особенности личности рецидивиста в условиях России второго десятилетия XXI столетия	31

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНФОКОМУНИКАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ревко-Линардато П. С. Социокультурная детерминация развития византийской философии	35
Енин В. В. Психологические подходы исследования монетарного поведения в современной науке.....	39
Куприна О. А. Психологические аспекты массовой коммуникации.....	42
Краснова Л. Б., Кукарникова Т. Э. К вопросу об использовании информационных и телекоммуникационных технологий в криминалистике	44

Каминченко Д. И.

Перспективные направления политологических исследований технологий «Новых» средств массовой информации 48

III. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: НАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Кукарников Д. Г.

Государство и гражданское общество: взаимосвязь и взаимодействие 55

Кажанов О. А.

Механическая и органическая теории выборов в западной социально-политической мысли XIX века 59

Kucharčík R.

Zákonodarná moc v Slovenskej a Českej Republike 65

Бутова Т. В., Щукин И. А.

Современные методы повышения эффективности государственного управления 77

Бутова Т. В., Елесина М. В.

Особенности практики взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти в Российской Федерации..... 81

Васютин Ю. С.

Институты гражданского общества молодёжи в управлении делами государства 86

Бутырина М. В.

Государство и местное самоуправление: проблемы формирования гражданского общества 91

Ерохин И. Ю.

Многообразие казачьих территорий 94

Керимов Е. А.

Иран как узел международных интересов на Ближнем и Среднем Востоке 100

Мамедкеримова С. Ю.

Сущность и формы проявления политической глобализации..... 103

Багирова Е. Ю.

Социально-политические проблемы глобализации..... 108

IV. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гордеева Е. В.

Право как регулятор общественных отношений: история, современность, тенденции развития..... 113

Войнилова И. Г.

Условия появления и формирования категории «незаконорожденное лицо» в истории государства и права России 117

Балакирева Л. М.

Процедура нотариального оформления юстиц-коллегией сделок и других имущественных актов (I-я четверть XVIII в.) 120

Веретенников Н. Н.

Военные суды российской империи в условиях усиленной и чрезвычайной охраны.....127

Войтенков Е. А.

О деятельности ГАИ НКВД-МВД СССР в советский период (историко-правовой обзор)134

Афанасьева И. Д.

Проблемы правового регулирования прохождения государственной службы 148

Лукманов А. С.

Лоббизм в России: анализ современной специфики.....153

Ломако Н. А.

Некоторые аспекты регулирования дистанционного труда 158

Тихонов И. М.

Политико-правовые основы шведской модели социального государства 161

Куликов Д. А.

Отказ прокурора от государственного обвинения и обязанность суда его удовлетворения 171

Мясина Ю., Казанцева Д. Б.

Исполнение уголовного наказания в зарубежных странах..... 182

Казакова О. С., Казанцева Д. Б.

Проблемы исполнения смертной казни..... 189

Цораев З. О.

Право человека на жизнь (конституционно-правовые аспекты применения смертной казни в РФ)193

Канаева С. А. Проблемы взаимодействия сотрудников пенитенциарной системы с ОВД, органами местного самоуправления и родственниками при подготовке осуждённых к освобождению.....	198
Ивченко А. Н. Освобождение от уголовной ответственности как правовая поощрительная норма в рамках реализации уголовной политики	202
Левашова О. В. Проблемы применения поощрения в нормах особенной части уголовного кодекса РФ	205
Буслаева Л. М. Международное инвестиционное право как регулятор международных экономических отношений	210
Кярканруди М. З. Г. О вопросах урегулирования ядерной программы Ирана в рамках МАГАТЭ	213
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013–2014 годах.....	217
Информация о журнале «Социосфера»	226
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	231

I. СОЦИАЛИЗАЦИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Н. В. Сахнова

Муниципальная казённая общеобразовательная школа-интернат среднего (полного) общего образования № 3, г. Астрахань, Россия

Summary. In the course of a lifetime of socialization requirements may change several times.

Key words: socio-cultural system; social success; values; behaviors; life plans.

Согласно Закону «Об образовании», оно есть воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства. При этом воспитание – та сторона образования, которая связана с присвоением человеком ценностей, ценностного отношения к жизни. И воспитание, и обучение – процессы целенаправленные, а социализация предполагает все разнонаправленные влияния жизни, в результате которых человек усваивает «правила игры», принятые в данном обществе, социально одобряемые нормы, ценности, модели поведения.

Образование обращается больше к разуму человека. Но из многих исследований по психологии восприятия известно, что обращение непосредственно к разуму, аналитическим процедурам – часто более слабый вид влияния по сравнению с обращением к подсознанию, эмоциям и латентным ожиданиям человека. Этот тип обращения использует телевидение и реклама. Получается, что система образования как социальный институт формирует человека в одном направлении, а другие, весьма мощные, всепроникающие средства социализации – в другом. Так возникает внешний конфликт вокруг человека и внутренний конфликт в нём самом. Так возникает двоемыслие, двойные стандарты, разные социальные маски для системы образования с одной стороны и повседневной жизни с другой.

Ситуация усугубляется и скоростью внешних по отношению к человеку изменений, когда через незначительные по меркам истории периоды к человеку предъявляются различные, временами прямо противоположные требования. В течение жизни человека требования социализации могут меняться несколько раз. И здесь есть два варианта ответа, один из кото-

рых осознанно или неосознанно принимает для себя человек. Первый, требующий большого гражданского мужества, чаще всего связанный со многими лишениями, состоит в сохранении верности идеалам, нормам и ценностям, полученным на раннем этапе социализации. Второй, более распространённый вариант, предполагает вторичную социализацию, усвоение новых, ведущих на данном этапе к социальному успеху, норм, ценностей, моделей поведения. Соответственно, мы можем воспитывать человека двух разных типов. Первый тип – человек адаптивный, не обладающий значимым набором морально-нравственных качеств, живущий в парадигме своего личного успеха и благополучия, никак не соотносящего свои поступки с интересами других людей и общества в целом. Однако он успешен в современном, потребительском обществе. Второй тип – человек, живущий в парадигме служения обществу, обладающий высокими нравственными качествами, соотносящий свои действия с интересами других людей. Сегодня, соблюдая всё меньше ограничений, ранее накладываемых культурой и обществом, всё более основывая своё поведение на биологическом, остаётся ли человек человеком в онтологическом смысле?

Жители России уже более тысячи лет назад сделали свой религиозный выбор, приняв христианство. Наши религиозные и социокультурные традиции сформировали представление о мире, о добре и зле, должном и не должном у русского человека. И эти представления, переживая некие исторически обусловленные трансформации, в чем-то живы и поныне. Это наши представления о добре и зле, о праведном и неправедном, нормы, ценности, докапиталистические модели поведения. Следование этим социокультурным традициям собственно и делает человека человеком, создаёт его желаемый, идеальный, вневременной, высший образ творения «по образу и подобию Божию». В России исторически сложилось так, что система образования действует целенаправленно, рефлексирова по поводу своих целей, осознавая их. Она стремится не к произвольной социализации и формированию не «случайного» человека, а человека с определённым набором личностных свойств, в духе гуманистической традиции. В этой системе имманентно заложено стремление к идеальному образу «хорошего человека», разделяющего высокие морально-нравственные нормы, готового к самоограничению в интересах других людей, человека, приближенного скорее к полюсу добра, а не зла. Нам хочется видеть человека альтруистичного по отношению к социуму, согласующего свои жизненные планы и поведение с общественными интересами. В нём проявляются взаимозависимости частей и целого, элементов системы и самой системы. Мы знаем,

что без согласования интересов, соподчинения частей целому система разрушается. Разрушается система природы, социокультурная система, разрушается сам человек. Сегодня дальше в этом направлении дороги уже нет. Человек прошёл эту дорогу до конца, теперь он либо самоуничтожится, либо внутренне переродится на новой, более высокой ступени истории, вернётся к человеческому сообществу, объединённому энергией общего энергоинформационного пространства планеты. А в нём всё просто: хочешь, чтобы было всё хорошо у тебя самого – сделай добро ближнему и дальнему, и твой альтруистический посыл улучшит жизнь человечества, в конечном итоге вернётся к тебе в форме позитивных переживаний.

Библиографический список

1. Никандров Н. Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М. : Гелиос АРВ, 2000.
2. Федотова В. Г. Хорошее общество. – М. : Прогресс – Традиция, 2005

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

М. С. Семикина

**Дальневосточный Юридический Институт МВД России
г. Хабаровск, Хабаровский край, Россия**

Summary. The article studies the problems of the institute of socialization of minors in Russia at the present stage. The article analyzes the concept of socialization of minors in socially dangerous situation. It also describes the specific features of socialization of a minor in the family.

Key words: socialization, minor, upbringing, socially dangerous situation.

Процесс развития и становления личности несовершеннолетнего на любом историческом этапе осуществлялся с присущей ему неповторимостью. Так, в период становления социально-правовых институтов, базировавшихся на положениях Русской Правды, воспитание и приобщение детей к общественной жизни осуществлялось согласно их правовому статусу. Дети холопов и челяди по сути своей являлись имуществом, принадлежавшим хозяину [7, с. 17–18], а соответственно с самого раннего возраста воспитывались в условиях смирения и бесправия. Это показательно проявлялось и несколько веков спустя. Так, принуждение детей к повиновению осуществлялось самим отцом с помощью домашних наказаний [10, с. 248]. Политика государ-

ства в этом случае символизировала невмешательство, делегируя все полномочия по воспитанию среде, где развивался ребенок.

Позднее законодательство оговаривало ответственность лиц, «обязанных иметь попечение о ребенке», оставивших малолетнего в опасной ситуации [12, с. 75]. Скорее норма имела «устрашающий» характер, заставляя родителей воздерживаться от подобного рода деяний. Вместе с тем, в независимости от нахождения ребенка в семье или специальном учреждении, процесс воспитания сопровождался физическими, моральными и нравственными воздействиями.

Однако забота о детях, носила избирательный характер. Еще в древности князья и церковь проявляли заботу только о тех детях, которые в силу различных обстоятельств оставались без попечения родителей. Забота о таких детях считалась богоугодной и обязательной. Данный подход к оказанию помощи детям был характерен для всех этапов развития России. Со временем список детей, нуждавшихся в помощи, расширялся за счет включения в него больных и бедных [4, с. 8]. Исходя из этого, следует отметить, что привилегированной категорией были дети, находившиеся на попечении государства и имевшие возможность получить определенный минимум для последующего существования в обществе.

Спустя века становление и развитие личности несовершеннолетнего стало прерогативой совместной деятельности государства, общества и семьи. Особое внимание стало уделяться формированию её правовой основы. В сентябре 1917 года в России была опубликована Декларация прав ребенка, создавшая предпосылки для разработки Международным союзом защиты детей Декларации прав ребенка, принятой в 1924 году Ассамблеей Лиги Наций в Женеве и получившей известность как Женевская декларация прав ребенка [2, с. 121]. Помимо указанного документа были разработаны многочисленные программы и нормативные акты. Основная их задача заключалась в создании всевозможных условий социализации личности несовершеннолетнего в обществе послевоенного периода. Позже государством провозглашено положение приоритета семьи в воспитании и формировании морально-нравственных ценностей подрастающего поколения.

Современный период наряду с научно-техническим прогрессом характеризуется правовым и нравственным упадком, породившими массовое стремление общества к отстранению от вековых традиций и пересмотру личностных ценностей. Необратимые последствия свободы воли в первую очередь оказали негативное влияние на семью – первичный институт общества, где появились несовершеннолетние, находящиеся в социально

опасном положении. Таким образом, воспитание и социализация подрастающего поколения нуждаются в пересмотре и совершенствовании механизма, отвечающего современным тенденциям и социально-правовым требованиям.

В правовом поле категория социализация несовершеннолетнего не регламентирована. Более того, социализация в качестве одного из базовых терминов употребляется в Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы" [11], однако и здесь отсутствует содержание, затрудняя тем самым применение ряда принципиальных положений.

В свою очередь, социализация как процесс представляет собой совокупность всех социальных процессов, благодаря которым индивид усваивает определенную систему норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве члена общества [1, с. 45]. Таким образом, указанный процесс осуществляется путем восприятия несовершеннолетним правовых, нравственных, духовных и иных социально значимых категорий. Воздействуя на личность, нормы права, обычаи, нравственные идеалы и духовные ценности позволяют сформировать в его сознании правильное представление о системе многоплановых общественных отношений.

М. А. Ерофеева указывает, что именно на этапе становления личности ученые выделяют как позитивные (имитация, идентификация), так и негативные (стыд и вина) механизмы социализации. Так, дети не могут провести точной черты между черным и белым. Они способны лишь усваивать нормы, а взрослые умеют оценивать их путем глубокого анализа. Преобладание позитивных и негативных механизмов социализации при формировании личности, создает предпосылки для эффективной и неэффективной социализации человека [3, с. 81].

Вместе с тем, оценка результата эффективности социализации несовершеннолетнего представляется достаточно относительной. В процессе социализации индивидами по-разному воспринимается информация. Так, если один социализированный несовершеннолетний в повседневной жизни, помимо соблюдения всех морально-правовых требований, будет активно участвовать в общественной жизни, то установки другого могут быть направлены лишь на временное воздержание от совершения противоправных действий. Таким образом, основная цель социализации несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, заключается не только в формировании устойчивого противодействия негативным тенденциям в различных условиях, но и в создании стабильных принципов активной жизненной позиции.

Необходимо особо отметить, что воспитание, в отличие от социализации, происходящей в условиях стихийного взаимодействия человека с окружающей средой, рассматривается как процесс целенаправленной и сознательно контролируемой социализации (семейное, религиозное, школьное воспитание). И та и другая социализация имеют ряд различий в разные периоды развития личности. Одно из самых существенных различий, имеющих место во всех периодах возрастного развития личности – это то, что воспитание выступает своеобразным механизмом управления процессами социализации [8, с. 32].

Традиционно семья рассматривалась как важнейший институт социализации. Однако в последнее время участие семьи в жизни несовершеннолетнего характеризуется ущербной социализацией – искажённым негативным усвоением норм и ценностей, принятых в обществе. Отрицательные последствия насилия над детьми состоят в том, что насилие подпитывает и порождает новое насилие. Подверженные насилию дети могут завтра стать убийцами, насильниками. Когда же они станут родителями, также высока вероятность того, что они будут применять насилие по отношению к своим детям. Подвергшиеся насилию дети нередко убегают из дома, подвергаются другим формам виктимизации [9, с. 44].

Соответственно, семья, рассматриваемая в качестве института первичной социализации ребенка [6, с. 24], в настоящее время не в полной мере способна справиться с возложенными на нее обязанностями. Нередко именно в семье несовершеннолетний впервые сталкивается с тем негативным влиянием, препятствующим развитию.

Так, по мнению М. А. Ковалёвой, социализация мальчиков прямо направлена на проявление агрессии против других людей. Девочек в аналогичных случаях учат терпеть, приспособляться, сохраняя видимость благополучия [5, с. 24]. Речь идет не только о физических и нравственных страданиях, причиняемых в процессе воспитания, насилия или эксплуатации несовершеннолетних, но и о вседозволенности, представляемой родителями в качестве социализирующего фактора. Отсутствие запретов и ограничений, приобщение несовершеннолетних к функциям, не свойственным выполняемой социальной роли, слабый контроль либо полное его отсутствие противоречат институту социализации.

Проблема процесса социализации несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, весьма актуальна. Это связано с тем, что находящимися в социально опасном положении являются не только лица, которые вследствие безнадзорности или беспризорности находятся в обстановке, представляющей опасность для жизни или здоровья [13], но и в

случаях, когда обстановка не отвечает требованиям к воспитанию или содержанию несовершеннолетнего. Соответственно, здесь необходимо учитывать несовершеннолетних, проживающих в семьях со средним либо выше среднего социальным достатком, однако воспитываемых в условиях вседозволенности.

В силу данного обстоятельства социализация, не осуществляемая в отношении несовершеннолетнего лица, приводит к тому, что правовые ориентиры и нравственные ценности не формируют стереотипы правового поведения, что в последующем, как правило, повлечёт нарушение различных запретов. Недостатком является то, что процесс социализации имеет лишь обобщенно-сформированное представление. Отсутствие правовой основы препятствует созданию полноценного механизма развития личности будущего поколения, что в последующем окажет влияние как на интересы государства, так и на национальную безопасность в целом.

Библиографический список

1. Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети США и СССР / пер. с англ. – М., 1976. – С. 45.
2. Буданова Г. П. Права детей как концептуальная основа содержания деятельности уполномоченных по правам ребенка // Права ребенка. Институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации: опыт, проблемы, теоретические модели, нормативно-правовая база. – М., 2001. – С. 121.
3. Ерофеева М. А. Детский труд как форма насилия // Современные наукоемкие технологии. Материалы конференции. Балашовский филиал СГУ. – 2005. – № 1. – С. 81.
4. Защита прав ребенка. Информационно-методическое издание / общая ред., сост. О. В. Пишкова, А. Ф. Радевич. – Ижевск : ИГОО «Центр социальных и образовательных инициатив», 2006. – С. 8.
5. Ковалёва М. А. Сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация: криминологические и уголовно-правовые аспекты; предупреждение: Дисс канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 24.
6. Методические рекомендации для методистов, заместителей директоров по воспитательной работе и родительских комитетов / под ред. В. П. Сергеевой. – М., 2001. – С. 24.
7. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 1. – С. 17–18.
8. Слостенин В. А. и др. Педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Слостенина. – М. : Издательский центр "Академия", 2002. – С. 32.
9. Смагина М. В. Защита детей от семейного насилия в современном российском обществе: Монография. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2009. – С. 44.
10. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3. – С. 248.

11. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. – № 23 ст. 2994.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Пг., 1916. – Т. XV. – С. 75.
13. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" (в ред. от 02.07.2013 г № 185-ФЗ) [Электронный ресурс]. – СПС Гарант.

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ КРУГЕ

М. Ф. Ломонова, И. А. Ткачук
Южноукраинский национальный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского,
г. Одесса, Украина

Summary. Theoretical and practical investigation of the structure of the learning content with the help of hermeneutical approach has been analyzed. The components, elements and its correlation has been worked out and described.

Key words: hermeneutical training; object and senslooking components; creative attitude to training.

В центре герменевтического учения находится проблема понимания человека и реальности. Анализ состояния разработки проблемы понимания показал, что в области философско-методологического исследования создана и непрерывно развивается традиция его изучения как одной из форм научно-теоретической деятельности. В то же время существуют реальные основания для определённой преемственности с герменевтическими традициями, о чём свидетельствует развитие нового направления в педагогике – педагогической герменевтики (А. А. Брудный, А. Ф. Закирова, В. Н. Зинченко, Ф. Т. Михайлов).

В нашем исследовании профессионально-педагогической подготовки учителя герменевтико-ориентированный подход выступает в качестве общей концептуальной основы совершенствования обучения. В герменевтике отношения целого (текста в целом) и части (части текста), при котором понимание целого предполагает понимание части, и, наоборот, представляется в виде круга, получившего название герменевтического. Содержание педагогики как учебного предмета в герменевтическом круге представляет собой целостную многофункциональную систему, в которой взаимодействуют различные элементы. Изучение целостности возможно с помощью структурного подхода, ориентированного на анализ её элементов и взаимосвязи между

ними. Все элементы учебного материала находятся в разных пропорциях и имеют свою логику усвоения, которой и следует подчинить логику построения материала.

Использование в педагогике разработанного гносеологами аппарата анализа понимания, приносит успешное решение только по отдельным аспектам проблемы понимания (например, моделирование). Под структурной моделью содержания обучения мы понимаем особую форму целостного многоуровневого системного представления знаний (предметных и обобщённых), умений (специальных и обобщённых) и приёмов мышления (логического и образного), материализованных в содержании учебного материала. Относительно устойчивая система логических связей и отношений между элементами структурной модели, образующих целое, составляет её структуру. Исходя из того, что существенным признаком структурной модели как целостной системы является иерархичность, каждый компонент рассматривается как подсистема, которая, в свою очередь, делится на элементы.

Уникальную значимость для нас представляет нарратив, который позволяет учитывать и логику, и осмысленный и пережитый отрефлексированный индивидуальный опыт. А. Ф. Закирова рассматривает педагогический нарратив как «фундаментальный компонент социально-педагогического взаимодействия, представляющий собой уникальную характеристику культуры» [1, с. 39]. С позиции педагогической герменевтики для нашего исследования представляют интерес нарративы двух видов: повествования, запечатлённые в произведениях художественной (прозаической и поэтической) литературы, а также те, что созданы субъектом интерпретации педагогического знания. В этой связи в содержании педагогического курса мы выделили два компонента: предметный и смыслопоисковый. Предметный компонент содержания обучения следует определить, исходя из трёх следующих критериев:

– во-первых, в состав предметного компонента содержания обучения отбирается оптимальный минимум профессионально значимых, фундаментальных предметных знаний, педагогических умений и логических приёмов мышления. Выделенные структурные единицы предметного компонента создают основу для полноценного изучения учебного материала. Сегодня эти знания необходимы специалисту практически любого профиля деятельности. От успешности и степени овладения функциональной грамотностью во многих случаях зависит и успешность профессиональной деятельности;

– во-вторых, так как структурная модель характеризуется наличием субординационных связей и отношений между эле-

ментами, подчинённостью и соподчинённостью элементов, в силу этого необходимо учитывать взаимосвязь структурных единиц предметного компонента;

– в-третьих, состав предметного компонента определяется на основании построения логических связей между понятиями, составляющими предметные знания. Аналогичная связь должна быть определена по отношению к педагогическим умениям и логическим приёмам мышления.

Основанием для выделения второго компонента обучения стало положение герменевтической теории, согласно которому понимание целого начинается с предвосхищения его общего смысла. Предвосхищение смысла есть смутное понимание. Оно возвышается до ясного понимания целого благодаря тому, что части, которые определяются целым, в свою очередь, определяют (проясняют) целое [2, с. 105]. Само понимание в герменевтике рассматривается как процедура осмысления, т. е. выявления и реконструкции смысла и смыслообразования, что устанавливает определённую заданность для системы координат, ориентиров и ценностей процесса обучения. В этом контексте у нас возник вопрос исследовательского плана: необходимо найти те элементы содержания обучения, которые бы придали деятельности «личностный смысл». В общеобразовательной школе, а частично и в вузе, мы можем и должны возлагать серьёзные надежды на формирующийся и сформированный познавательный интерес. Однако в педагогическом вузе есть свои особенности, состоящие в том, что развитие познавательного интереса к педагогическим дисциплинам может не ориентировать студента на профессию учителя. На наш взгляд, смыслопоисковый компонент содержания обучения должен стать ориентацией студента на учебную деятельность как интерпретацию. Безусловно, проблемные лекции, проблемные не только по стилю изложения, но и по своему содержанию, способны дать толчок проявлению интерпретационной деятельности. Однако закрепиться такая мотивация, приобрести личностный смысл, войти в структуру личности в виде творческого отношения к учению может лишь в результате приобщения к деятельности, несущей в себе элементы исследовательской и творческой работы.

Смыслопоисковый компонент включает обобщённые знания (знания о приёмах и способах интерпретации), обобщённые умения (творческие умения) и приёмы образного мышления. Поскольку поиск путей достижения понимания герменевтика традиционно ведёт, опираясь как на рационально-логическое, так и на иррациональное, придавая особо внимание чувствам, считаем необходимым подробнее остановиться на рассмотрении данного компонента. Именно включение в содержание учебного

материала смыслопоискового компонента обуславливает творческий характер деятельности, а главное – формирование творческой мотивации, составляющей творческого отношения к учению. Связь познавательного фрагмента понимания с эмоционально-чувственной сферой личности убеждает в наличии гуманистических основ процесса понимания. Таким образом, обучение конкретному предмету приобретает важную дополнительную направленность на работу сознания по выявлению смысла, а не только по уяснению значений педагогических понятий. Можно заключить, что смыслопоисковый компонент ориентирован на процессы смыслополагания и конструирования рациональных схем освоения понятых значений.

Функцию ориентиров, контролирующих и направляющих процесс обучения, в работе с учебным материалом выполняют знания о процедурах интерпретационной деятельности. Так, если студент владеет, например, знанием формирования гипотез, он будет целенаправленно выявлять направление поиска решения, анализировать факты, объяснять и доказывать вероятность реализации данной гипотезы. В данном случае реализуется положение Х.-Г. Гадамера, согласно которому «познание есть процесс дифференцированного усвоения собственных предварительных мнений и предрассудков [4, с. 286]. Х.-Г. Гадамер берёт слово «предрас-судок» в его этимологическом значении и рассматривает его по аналогии с «предположением», «предвидением» и «предвосхищением», то есть как предварительное суждение [2, с. 103]. Студенты успешно могут овладеть такого рода знаниями лишь тогда, когда они выполняют деятельность творческого, преобразующего характера. Но в этом случае сами знания должны выступать для студента именно как универсальное средство в работе с учебным материалом – в этом случае герменевтический круг замыкается.

К сожалению, опыт работы показывает, что многие студенты недостаточно осознают значение знаний о процедурах интерпретации. Подтверждают это материалы ряда опросов студентов младших курсов, в которых их просили указать причины трудностей уяснения содержания учебного материала при постановки задачи на самостоятельное нахождение тех или иных научных знаний. Было обнаружено, что свои трудности в учении студенты связывают преимущественно с недостатками развития мотивационно-волевых качеств (неорганизованность, отсутствие силы воли, неустойчивость внимания и настроения.) либо объясняют такими внешними условиями деятельности, как недостаток учебников или учебных пособий, отсутствие жёсткого контроля, большой объём учебного материала, который нужно запомнить.

Весьма показательным в этом отношении является тот факт, что только 15 % участвовавших в опросе отметили, что сначала пытаются решить задачу на основе ранее усвоенных знаний, с помощью прежнего опыта, а при обнаружении невозможности решения задачи всеми известными им способами пробуют определить направление поиска наиболее удачной гипотезы путём разбиения данных и искомых на части и выделения промежуточных задач, движения от искомого к данным, расширения области поиска, конкретизация специфики задачи, установления общих и конкретных взаимосвязей между данными и искомыми.

Данный результат исследования вовсе не означает, что большинство первокурсников вообще не знакомы с этими приёмами, но вместе с тем достаточно рельефно отражает уровень и характер знаний студентов.

Творческие умения в своём многообразии отражают структуру творческой деятельности при изучении любого предмета, видение проблемы, новой связи объекта, ориентацию в альтернативных способах решения проблемы, их оригинальность, самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию, обобщение накопленных данных, их связь в новом знании. Осознанное овладение творческими умениями позволяет решить одно из требований педагогической герменевтики – понимание, истолкование и интерпретация педагогического знания.

Овладение студентами наряду с творческими умениями приёмами образного мышления позволяет не только самостоятельно анализировать новые частные явления, но часто и интерпретировать их. Так, при решении педагогических задач студенты свободно составляют новые их разновидности. При этом сначала составляют абстрактную схему задачи, оперируя основными данными, а потом придумывают сюжет. Аналогичные данные получены в период педагогической практики при обсуждении проблемных ситуаций. Важно отметить, что приёмы образного мышления влияют на развитие творческого мышления и творческих качеств личности и, что особенно существенно для нашего исследования, способствуют развитию творческого отношения к учению, раскрывая значение и смысл его.

Итак, смыслопоисковый компонент содержания обучения можно определить исходя из трёх следующих критериев:

– Во-первых, в состав смыслопоискового компонента должны войти знания о процедурах интерпретационной деятельности, обобщённые умения и приёмы образного мышления. Особенность данных структурных единиц состоит в том, что они могут формироваться на любом предметном материале,

доступном студентам, и создают основу для развития творческого отношения к учению.

– Во-вторых, в состав смыслопоискового должен входить тот минимум знаний, умений и приёмов образного мышления, который соответствует индивидуальным особенностям и реальным возможностям студентов.

– В-третьих, формирование составляющих указанного компонента необходимо начинать с выделения содержания умений и приёмов, т. е с выделения слагающих его действий. Например, приём отдалённого ассоциирования будет только тогда корректным, когда он используется при сопоставлении однородных предметов и явлений и используются существенные признаки предмета. Связь между компонентами (предметным и смыслопоисковым) содержания обучения составляет основу механизма герменевтической интерпретации путём «осознания взаимодополнительности объективного значения и субъективного личностного смысла знания» [3, с. 39]. В этом случае происходит смещение эпицентра обучения к полюсу понимания. В нашем исследовании «понимающее» обучение реализуется через следующую закономерную логическую последовательность: предшествующие элементы рассматриваемой нами структуры содержания обучения могут существовать отдельно от последующих элементов, но каждый последующий невозможен без предыдущих. При отвлечении от терминологии данную последовательность поясним следующим образом: можно знать, но не уметь; можно знать, выполнять известные способы деятельности, но не быть подготовленным к творчеству; можно знать, уметь и творить при разном отношении к этой деятельности. Взаимосвязь элементов выражается и в том, что осознанное усвоение каждого влияет на уровень творческого отношения студентов к учению. Следующим этапом исследования нам видится определение дифференцируемой части содержания обучения на основе выделения в качестве самостоятельных дидактических единиц системного усвоения структурно-функциональных связей и логических отношений между элементами модели содержания обучения. На языке герменевтики – усвоение новых « парадигм».

Библиографический список

1. Закирова А. Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. – Тюмень : ТГУ, 2001. – 152 с.
2. Логосян В. Л. Философская герменевтика: анализ истины и метода // Вопросы философии. – 1985. – № 4. – С. 103–110.
3. Сулима И. И. Философская герменевтика и образование // Педагогика. – 1999. – № 1. – С. 36–43.

ОЦЕНКА СФОРМИРОВАННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКА МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Р. А. Арингазина, С. И. Саркулов, А. Е. Нурмагамбет
Западно-Казахстанский государственный
медицинский университет им. М. Оспанова, г. Актобе,
Казахстан

Summary. This article described study of communicative competence novice doctors of our University, because it is the main component of the psychological interaction between doctor and patient in diagnostic and treatment issues.

Key words: communicative competence; the doctor-intern; doctor-patient.

В настоящее время система высшего образования развивается в направлении улучшения качества подготовки специалистов. Важной целью является профессиональное становление личности. Этот процесс, с одной стороны, требует формирования профессиональных знаний, умений и навыков, а с другой – профессионально значимых качеств [5, с. 128]. Основным требованием к подготовке специалиста выступает компетентностный подход. В системе высшего медицинского образования особое место в его реализации занимает формирование коммуникативной компетентности.

Коммуникативная компетентность предполагает не только наличие определённых психологических знаний, но и сформированность некоторых специальных навыков: умения устанавливать контакт, слушать, «читать» невербальный язык коммуникации, строить беседу, формулировать вопросы [4, с. 77–80].

В настоящее время, по мнению многих авторов [1, с. 190; 2, с. 206–213; 3, с. 36–37] большую значимость в формировании коммуникативной компетенции имеет доклиническая стадия обучения. Ими оценивается и даётся характеристика коммуникативной компетентности студентов-медиков. На наш взгляд важным периодом формирования коммуникативной компетентности медицинского специалиста являются первые годы самостоятельной работы, т. е. период обучения в интернатуре. В эти годы будущий или начинающий врач имеет наставника или учителя в виде лечащего врача, создающего для него зону ближайшего развития и психологическую поддержку. Под его руководством интерн курирует пациентов.

Цель этой работы: оценить сформированность коммуникативной компетентности начинающих врачей на этапе их обучения в интернатуре и определить влияние её на взаимодействие «врач – пациент».

Проведено анкетирование 25 врачей-интернов, проходящих обучение на кафедре терапии ЗКГМУ имени Марата Оспанова. Им было предложено заполнить анкеты «Тест коммуникативных умений Л. Михельсона» и «Диагностика уровня эмпатии» (И. М. Юсупова), предназначенные для исследования эмпатии, т. е. умения поставить себя на место другого человека, и способности к произвольной эмоциональной отзывчивости на переживания других людей.

При анализе полученных в результате проведения методики «Тест коммуникативных умений Л. Михельсона» в основном врачи-интерны придерживаются компетентного типа реагирования (63 %), переходящего к зависимому типу (37 % из числа опрошенных); агрессивное поведение не встречалось. Если при агрессивном типе провоцируется конфликт, то при зависимом типе они подвержены риску стать объектом манипулирования, пассивны, склонны к избеганию ситуации конфликта. При изучении эмпатии у врачей-интернов уровень эмпатии имеет средний показатель, что составляет 56 % из числа опрошенных. Только у 4 человек (16 % испытуемых) высокий уровень эмпатии. Это заключается в чувствительности к нуждам и проблемам окружающих, быстром установлении контакта с людьми. Остальные имеют низкий уровень эмпатийности, т. е. испытывают затруднения в установлении контакта с людьми.

В целом коммуникативные навыки врачей-интернов нашего вуза сформированы на среднем уровне и во многом зависят от определённых личностных особенностей. Обучение молодого врача определённым техникам общения, тактикам поведения в конфликтных ситуациях будет способствовать более гармоничному отношению во взаимодействии «врач-пациент», а так же развитию необходимых личностных характеристик врача, таких, как уверенность в себе, рост творческой активности и способность к самореализации.

Формирование коммуникативной компетентности должно носить комплексный характер и продолжаться на постдипломном этапе обучения, т. е. в интернатуре, что должно повлиять, но повышение качества профессиональной подготовки врача в целом. Для коррекции выявленной несформированности эмпатийности необходима разработка программы, содержащей тренинговые занятия, направленные на совершенствование коммуникативных навыков и эмпатии у врачей-специалистов.

Библиографический список

1. Васильева Л. Н. Коммуникативная компетентность в профессионально-личностном становлении будущего врача : дисс. ... канд. психол. н. – Кострома. – 2010. – С. 190.
2. Герасименко С. Л. Коммуникативная культура врача: проблемы и опыт формирования в медицинском вузе // Вестник Мордовского университета. – 2009. – № 2. – С. 206–213. – (Сер. «Педагогические науки»).
3. Горшунова Н. К., Медведев Н. В. Формирование коммуникативной компетентности современного врача // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 3. – С. 36–37.
4. Коршунов Н. И., Филатова Ю. С., Яльцева Н. В., Речкина Е. В. Оценка большим некоторыми личностных качеств и эффективность терапии // Научно-практическая ревматология. – 2007. – № 2. – С. 77–80.
5. Реан А. А. Психология подростка. Практикум. Тесты, методики для психологов, педагогов, родителей. – СПб. : «Прайм-ЕВРОЗНАК». – 2003. – С. 128.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

О. С. Столярчук

**Национальный технический университет
Украины «Киевский политехнический институт»,
г. Киев, Украина**

Summary. Becoming personality is analysed in the article. A role and place of man is in development of society, and also in a cognitive process. A prominent role is taken personality in history.

Key words: Personality; development; civilization.

Люди делают свою историю сами, и тем успешнее, чем лучше они понимают исторические условия и потребности развития общества. За всю историю человечества произошло огромное множество событий, и всегда люди были различными по своему моральному облику и разуму личностями: гениальными или тупоумными, талантливыми или посредственными, волевыми или безвольными, прогрессивными или реакционными.

Став по воле случая или в силу необходимости во главе государства, армии, народного движения, великий человек придаёт событиям печать своей индивидуальности, но не в этом его главное значение. Он велик «тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин» [7, с. 304]. Гений, лидер политической партии, личность может оказывать на ход и исход исторических событий разное влияние: положительное, отрицательное или, как это нередко бывает, и то и другое. Поэтому обществу далеко не безразлично, в чьих руках сосредоточивается политическая, государственная, административная власть. Как бы

гениальна ни была историческая личность, она в своих поступках детерминирована сложившейся совокупностью общественных событий.

Проблема роли личности в истории и философии поставлена ещё в древневосточной и античной историографии, философской мысли. В философии истории по вопросу о роли личности в историческом процессе существуют две противоположные позиции: одна – отрицающая её, другая – признающая. В настоящее время не ясен ни методологический статус таких подходов, ни их соотношение между собой в рамках историософии. Поэтому эта тема дискуссионная, актуальная и требует особенного подхода в переосмыслении целых эпох. Поиски решения проблемы роли личности в истории проходили на разных мировоззренческих основах. Рассмотрение проблемы роли личности в философии истории может помочь решить такую задачу: раскрыть роль в истории отдельной личности или деятеля.

Так, например, изображая действия людей, их страсти, Гегель пишет:

«Далее, из вышеуказанного соотношения вытекает, что во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения». Мысль Гегеля о том, что в истории действуют люди, которые ставят перед собой цели, что в ней сталкиваются и перекрещиваются их стремления, а в результате этого образуется ещё нечто, что не входило в намерения и цели действующих лиц, что здесь обнаруживается действие скрытой силы, необходимости (олицетворением коей у Гегеля является «мировой дух», или «мировой разум», который он отождествляет с законом), – эта мысль гениальна. И то, что содержалось в ней рационального, было удержано в последующем развитии философской мысли, при выработке научного взгляда на закономерности и движущие силы истории Марксом и Энгельсом.

Марксизм-ленинизм учит, что ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. Вопрос о роли вождей рабочего класса классики марксизма-ленинизма разрабатывали в тесной связи с учением о революционной партии пролетариата. Марксистская партия, как высшая форма классовой организации пролетариата, его передовой и организованный отряд, воору-

жённый передовой, революционной теорией, руководит деятельностью всех других организаций трудящихся, направляет их к определённой цели. Она воспитывает и выдвигает вождей, связывает их с массами, вносит в массы идеи научного коммунизма, политически просвещает и воспитывает массы на их собственном опыте классовой борьбы. Задача вождей партии состоит в том, чтобы давать рабочему классу ясную программу, цель борьбы, указывать пути и формы борьбы.

Развиваемые Гегелем положения об исторической необходимости дают возможность понять его более глубокие, чем у субъективистов, взгляды на роль личности в истории. В ходе истории, по Гегелю, возникают великие столкновения между существующими, признанными обязанностями и правами и между возможностями, которые противоположны данной общественной системе, нарушают её, разрушают её основу и действительность и имеют такое содержание, которое является полезным, существенным и необходимым. Следовательно, только здесь, в философской науке, оба элемента исторического процесса (личность и события) носят равноправный характер. Выдвижение личности обуславливается и потребностями общества, и личными качествами людей. «Отличительная черта подлинных государственных деятелей в том именно и состоит, чтобы уметь извлечь пользу из каждой необходимости, а иногда даже роковое стечение обстоятельств повернуть на благо государству» [3, с. 44].

Кажется, что более интересный подход в трактовке личности есть только у Фридриха Ницше, который в конце XIX века выступил в Германии в роли проповедника культа сильной личности, «сверхчеловека». Ницше писал, что «человечество, несомненно, скорее средство, чем цель... человечество – просто материал для опыта, колоссальный излишек неудавшегося, поле обломков». Становление сверхчеловека происходит внутри каждой личности и за счет ее глубокой творческой энергии, укорененной в потенциальной бесконечности ее бытия, не знающего ограничений и необходимости.

Термины «животное», «человек» и «сверхчеловек», которые заставляют некоторых интерпретаторов говорить об «антигуманизме» Ницше и о забвении им божественного начала личности, на деле служат лишь метафорическому описанию этапов развития личностного начала – укорененного в бытии и принадлежащего бытию как таковому. Массы, по Ницше, – это «слишком многие». Идеалом Ницше является человек-зверь, «белокурая бестия», «сверхчеловек», стоящий «по ту сторону добра и зла», попирающий мораль большинства. Главный движущий мотив деятельности «сверхчеловека» – это «воля к вла-

сти». Воля к власти, по Ницше, есть одновременно главный двигатель истории. Ницше пропагандировал двойную мораль сверхчеловека. По отношению друг к другу – это снисходительные, сдержанные, нежные, гордые и дружелюбные люди. Но по отношению к «чужим» они немногим лучше необузданных зверей. Здесь они свободны от моральных тормозов и руководствуются в своих действиях инстинктами. Внешней особенностью сверхчеловека Ницше считал «врожденное благородство», «аристократичность». Он презирал современных господ-буржуа за их происхождение или занятие, а прежде всего – за недостаток у них этих качеств, способных, по его мнению, автоматически обеспечивать власть над людьми. Ницше считал, что массы готовы повиноваться, если господин доказывает право повелевать уже своей внешностью, манерой держаться.

Наиболее существенное различие между людьми, по мнению Ницше, состоит в том, что некоторые из них от природы слабы, другие сильны опять-таки по своей природе. Соответственно различается и их мораль. Сильные («хозяева», по терминологии Ницше) ценят личное достоинство, решительность, настойчивость, самоуверенность, нестигаемую волю и неистощимую энергию в достижении поставленной цели. Слабые («рабы» по той же терминологии) ценят то, что в большей мере выражается в их слабости – сострадательность, мягкосердечие, альтруизм, рассудительность и т. п.

Ницше нередко заявляет, что в действительности сверхчеловека еще не было, его необходимо вырастить. И в этом состоит цель человечества. Обычные люди нашего времени – это исходный материал, «навоз», необходимый для того, чтобы создать плодородную почву для выращивания сверхчеловека. Сверхчеловек, по сути дела, занимает у Ницше место Бога. Бог умер, мы его убили, – возвещает Ницше, – и на его место должны прийти сверхчеловеки.

Деятельность политического вождя предполагает способность глубокого теоретического обобщения внутренней и международной обстановки, общественной практики, достижений науки и культуры в целом, умение сохранять простоту и ясность мысли в невероятно сложных условиях социальной действительности и исполнять намеченные планы, программу. Мудрый государственный деятель умеет зорко следить не только за общей линией развития событий, но и за многими частными «мелочами» – одновременно видеть и лес, и деревья. Он должен вовремя заметить изменение в соотношении социальных сил, прежде других понять, какой путь необходимо избрать, как назревшую историческую возможность превратить в действительность. Как сказал Конфуций, человека, который не загля-

дывает далеко, непременно ждут близкие беды. Высокая власть несет, однако, и тяжелые обязанности. В Библии сказано: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется» [Лук. 12, 48]. Итак, роль выдающейся личности состоит в том, что она своими решениями, организаторской деятельностью помогает массам успешно решать поставленные объективным ходом истории задачи общественного развития. Она может способствовать массам в решении этих задач, ускорить их решение, а значит, и развитие общества, но, подчеркнем еще раз, не может по своему произволу изменить или отменить закономерный ход истории.

Библиографический список

1. Аствацатуров А. Три великие книги Ф. Ницше // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза.
2. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. – М., 1932. – Т. IX. – Ч. 1. – С. 9. М., 1957.
3. Гюго В. Собрание сочинений. – М., 1953–1956. – Т. 15. – С. 44.
4. М. Д. Каммари, Г. Е. Глезерман и др. Роль народных масс и личности в истории. Государственное издательство политической литературы.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. Сочинения. Т. 2. – 2-е изд. – М., 1955. – Гл. 6. – С. 85–95.
6. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. – М.: Прогресс, 1990.
7. Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 8. – 1923. – С. 304–305.

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА 1990-Х ГОДОВ

Л. И. Колобродова

**Волгоградский социально-педагогический
университет, г. Волгоград, Россия**

Summary. A. I. Solzhenitsyn's two-parts stories, allowing to analyse a position of the author investigating processes of painful deformation of the Russian national character under the influence of tragic events of the past century are considered, and to reveal ideas of the artist of exit opportunities from a crisis state of the modern personality.

Key words: realism; author; personality; hero; compromise; history.

Отличительная черта современных исследований творчества А. И. Солженицына – отказ от «чёрно-белой» интерпретации его работ: признание «интеллектуальной и религиозно-этической глубины солженицынских текстов, не замеченной да и не понятой в пылу политических страстей» [7, с. 67]. Это оправдано: в глубинно-потаённом основании его работы, включая, конечно же, публицистику, обуславливает «стоицизм как основание личной и творческой позиции» [3, с. 20]. Философский взгляд писателя, оценивающего действительность 90-х, сосредото-

точен на категориях стойкости и самоограничении, в которых художник видит основу жизненного «самостоянья человека» (А. С. Пушкин) в кризисные периоды общественного развития.

«На краях» нравственного выбора находятся герои новой жанрово-композиционной реальности – двучастных рассказов А. И. Солженицына 1990-х. Символичное название рассказа «На краях», как и рассказа «На изломах», несёт важнейшую смысловую нагрузку: реконструируется «ситуация излома эпохи, рассмотренная через призму двух конкретных человеческих судеб» [4, с. 3].

Выбор автором данных названий наталкивает на мысль о губительном повороте истории, которая «изломила» монархический строй, а «переломан» оказался человек. Цель двучастных рассказов – рассмотреть изменения, происходящие в глубинах национального характера «на изломе эпохи», а также последствия этих изменений. Следуя намеченной цели, автор использует для своих работ прототипические реалии: личность всемирно известную – Г. К. Жукова, и малоизвестную – П. Т. Эктова, судьба которого показательна с точки зрения нравственного «излома» в годы Гражданской войны. Генетически «На краях» связан с рассказом 60-х «Правая кисть», где показан «гражданин Бобров», который в молодости «своей рукой много порубал оставшихся гадов» [1, с. 157], а в старости не смог добиться от власти, за которую воевал, элементарной помощи – лечения. Но если Бобров, в большей мере, герой «собираемый», то в 1990-е Солженицын-рассказчик намеренно сторонится вымысла: события и герои его произведений становятся максимально приближенными к реальности, поскольку писатель использует в двучастных рассказах не только собственные впечатления от возвращения «через всю Россию», но и «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова, и официальные документы.

Одним из первых в 90-е был создан рассказ «На краях», посвящённый воссозданию образа Г. К. Жукова – личности великой, но в конце «славных дел» страдающей от понимания того, что и от его нравственного выбора, «бескомпромиссности» или слабости зависела судьба страны, а вынужденные, но все же – «уступки» власти – изранили «смертельнее», чем вражеские пули. По мнению писателя, безрадостный жизненный финал героя предопределён: он «наказан» временем, историей, системой, которой беззаветно служил потому, что не ценил жизнью своих подчинённых, безоглядно жертвуя солдатской кровью: «Кинул танковую дивизию, не медля ждать артиллерию и пехоту, – в лоб; две трети её сгорело...» [1, с. 309].

Повествование в рассказе «Эго» А. И. Солженицын строит подобно рассказу «На краях», зеркально изображая два кон-

трастно противопоставленных образа – Жукова и Эктова. Но если первый узнаваем сразу, то Эктон – личность мало примечательная, о существовании которой удалось узнать лишь после досконального изучения фактических документов [2, с. 235, 557, 644].

Герои в «Эго» и «На краях» находятся по разные стороны революционных баррикад. Автор показывает их через отношение к событиям, людям, выявляя степень участия в жизни страны, хорошо осознавая: жизненный выбор как народа, так и отдельной личности – «не одномоментный акт, а достаточно длительное жизненное состояние, включающее в себя некоторое множество проб и ошибок...» [9, с. 790]. Исторический момент «слома», «деформации русского характера» (М. М. Голубков) писатель и изображает в рассказе. Фанатичная приверженность идее («большевики»), защита своей жизни и имущества («повстанцы») – главный конфликт рассказа «Эго», неизбежно ведущий к деформации «ценностных ориентаций» личности, под которыми понимается «индивидуальное» отношение или выбор конкретных ценностей в качестве нормы поведения индивида» [8, с. 882].

В первой части рассказа Эктон – «народолюбец», активный деятель и боец, не идущий на компромисс ни с властями, ни с собственным желанием остаться в любимой семье. За гражданским порывом героя скрывается многовековая гуманистическая традиция русской интеллигенции, внимательно и уважительно относящейся к нуждам народа. С приходом к повстанцам в Эктоне крепнет мысль о правильности выбранного пути, именно в этот период он приобретает ценное для него самоуважение: «Разделял крестьянскую боль – и тем насыщалась душа: он – на месте. (А не пришёл бы сюда – дрожал бы в норке в Тамбове, презирал бы себя)» [1, с. 283].

Выбранная автором форма несобственно-личного повествования помогает показать не только переживания героя, но и страдающих крестьян: «Свой хлеб не сеяли – на наше добро позарились? А Ленин говорил: кто не пахал, не сеял – тот пусть и не ест!» [Там же: 272]. Бунт, зарождающийся в крестьянской массе, автор изображает «крупным планом», воссоздавая возмущённые голоса обманутого народа: «Тут выскочил всадник лихой чубатый на серой лошади, заорал: “Товарищи! А что Ленин обещал? Что больше никогда воевать не будем! так ступайте по домам!”» [Там же: 272]. Следуя правде жизни, А. И. Солженицын, показывает «озверение» народа в период Тамбовского восстания, не принимает чью-либо сторону: не идеализирует ни армию повстанцев, ни простых крестьян, ни новых «начальников». Его позиция: война, сражение с «братьями», желание выжить превращают людей в бездушных животных, которыми

движет не сердце или разум, а инстинкт мести и выживания: «И до того доходило разъярение мести с обеих сторон, что и глаза выкалывали захваченному прежде, чем убить» [Там же: 284].

Примечательно, как в рассказе «Эго» писатель изображает женщин, традиционно воспринимаемых сознанием народа в качестве хранительниц очага, воплощения кротости, добра и красоты. Гражданская война беспощадно искажает эти представления: заболевший Эктов, вынужденный остаться в селе, «на вторую же ночь был выдан чекистам по доносу соседской бабы» [Там же: 286]. Нарочито подчёркивает повествователь, что в составе коммунистов были «даже и женщины», изображает их жестокими «воительницами», явно указывая на «помутнение» даже «опасающегося», боязливого женского сознания: «и бабы резали их, [коммунистов] серпами» [Там же: 276].

Личностной деформации подвержен и центральный персонаж рассказа: выбор между семьёй и единомышленниками приводит Эктова в нравственный «тупик»: с одной стороны – «повстанцы», за которых сражается Эктов, с другой – любимая семья. Решение героя предать пятьсот храбрых «матюхинцев», указывает на то, что высшей ценностью он считает семью, жизнь любимых людей: «За кого ещё на свете... он отвечал больше, чем за них?

Да вся полнота жизни – и были они» [Там же: 290].

Любовь к семье – причина предательства Эктова и в реальности, и в рассказе. «Окаменелость» персонажа-предателя, подчёркнутая в повествовании, позволяет А. И. Солженицыну показывать обречённость и личности, и всего нового общества, в основе создания которого – конфликт между семейными и социально значимыми ценностями. Осознание того, что не будет больше «нормальной» человеческой жизни, у Эктова приходит сразу, а как только герой попадает в отряд Котовского: «Ненависть к себе.

Мрак от предательства.

С этим мраком – всё равно уже не жить никогда, уже не быть человеком» [Там же: 294]. Ситуация оценки-осмысления, в которой пребывает герой, относит читателей и к мучительному, последнему в жизни, риторическому вопросу Жукова: «Дурака сваял?».

В рассказе «Эго» А. И. Солженицын отмечает разлад и болезненный перелом не только сознания героя, который «дурака сваял», решившись на предательство и погубив и свою семью, и своих боевых товарищей, но и ломку общественного сознания некогда единого народа. Причины такой деформации писатель видит в «отпадении от Бога», корыстных целях представителей новой власти, стремящихся любыми способами сохранить ли-

дирующие позиции, в идеологической «одурманенности» общества, легко переступившего через святые заповеди: «Ничего и близко сходного никогда на Руси не бывало. Человеческая жизнь вообще потеряла свое разумное привычное течение, деятельность разумных существ, – но, при большевиках, затаилась, исказилась в тайных, обходных или хитро-изобретательных ручейках» [Там же: 272]. Здесь звучит публицистическое слово автора о последствиях страшного перелома, случившегося в 20-е годы: «Селективным противоотбором, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, – большевики планомерно меняли русский характер, издёргали его, искрутили» [6, с. 170].

Последствия этой «смены», считает писатель, кровоточат и по сей день, обнаруживаясь в характерных приметах «лихих 90-х». Новый сокрушительный переворот, приведший к распаду Союза, путчам и нищете, вверх страну в хаос, подобный тому, что Россия пережила в начале века. Конечно, изменения не столь «болезненны» и «результат» заметен не сразу, но идеалы потребительства, настойчиво внедряемые СМИ в психологию современного общества, оказывают губительное воздействие на души, забывающие о «раскаянии и самоограничении» (А. И. Солженицын), что придавали оттенок праведности героям из рассказов Солженицына 60-х годов. Праведница Матрёна из «Матрёнина двора», многотерпеливый, но не потерявший своё человеческое достоинство Шухов из «Одного дня Ивана Денисовича» – люди «несломленные»: «самостоянье» не поколебали вихри истории, они не сомневаются в своем нравственном выборе, живут «по совести». А вот персонажи двучастных – «осколки» былых людей, словно раздавленные «Колесом» рукотворной истории, вынуждающим человека, забыв о вечных истинах, подчиниться диктату времени, пойти на компромисс с совестью и нередко начать «новую» жизнь – «по лжи», которая становится для него бессмысленным и мучительным «существованием». Это касается всех персонажей двучастных рассказов: представителей интеллигенции и врагов народа («Абрикосовое варенье»), женщин различной судьбы («Настенька», «Всё равно»), военных на фронте и в тылу, пожилых людей, страдающих под гнётом современной жизни («Всё равно», «Желябугские выселки») и успешно приспособившихся к новым условиям, но всё-таки утративших что-то важное в своём человеческом «облике» («Молодняк», «На изломах»).

В двучастных рассказах слышится живая боль за многострадальных соотечественников, вовлечённых в водоворот жестоких испытаний XX века. Причину происходящего А. И. Солженицын выразил так: «Люди забыли Бога, оттого и всё» [5,

Т. 1, с. 455]. В поиске пути спасения народа писатель приходит к выводу, что выход только в «раскаянии» и «самоограничении». Но это колоссальный труд души каждого человека, готовы ли мы к такой сложной духовной «работе»? Трудно ответить, но проза писателя помогает нам сегодня эту работу начать.

Библиографический список

1. Солженицын А. И. Собрание соч.: в 30 т. – Т. 1–16. – М. : Время, 2006–2012. – Т. 1. Рассказы и Крохотки. – 2006. – 672 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. – Тамбов, 2007. – 800 с.
3. Голубков М. М. Литература второй половины XX века: размышления о новых подходах, новом учебнике и не только о нём // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2002. – № 4. – С. 7–25.
4. Латынина А. Красный директор и молодой банкир в условиях дикого рынка // Литературная газета. – 1996. – № 29. – С. 3–4.
5. Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во. – 1995–1997. – Т.1. Статьи и речи. – 1995. – 719 с.
6. Солженицын А. И. Россия в обвале. – М. : Русский путь, 1998. – 208 с.
7. Спиваковский П. Е. Академик Александр Исаевич Солженицын: (к 85-летию со дня рождения) / П. Е. Спиваковский // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. – 2003. – № 6. – С. 62–67.
8. Культура и культурология : словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 928 с.
9. Современный философский словарь / под общей. ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004. – 864 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕЦИДИВИСТА В УСЛОВИЯХ РОССИИ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI СТОЛЕТИЯ

П. Н. Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт
МВД России, г. Москва, Россия

Summary. Studying of criminals` identity is carried out for an identification and an assessment of those their properties and features that generate the illegal behavior, which matter for the subsequent prevention. The unity of three aspects of a problem is shown here: reasons and the mechanism of criminal behavior, a personality made the backslide, prevention of repetition of crime.

Key words: criminal behavior; identity of the recidivist.

Преступления совершаются людьми, каждый из которых имеет свой неповторимый внутренний мир. Поэтому в каждом преступлении находят выражение личностные черты (психоло-

гические, социальные и др.), то есть каждое преступление несёт в себе отпечаток индивидуальности личности. Но многообразии преступлений, как и индивидуальность их субъектов, поддаётся анализу, так как всякая индивидуальная черта повторяется у многих других лиц. Иными словами, каждая черта личности является признаком как одного человека, так и многих людей.

Несмотря на множество особенностей каждой личности, мы можем целенаправленно применить такое обобщение: выделить и говорить о личности корыстного преступника, насильника, рецидивиста, впервые судимого и так далее. Число таких групп столь же бесчисленно, сколь велико число особенностей личностей. Следовательно, и среди рецидивистов будет множество категорий лиц. Таким образом, знание типичного в личности преступника и в личности рецидивиста, в частности, даёт возможность выделить и изучить конкретные группы рецидивистов, взаимосвязь совершаемых ими преступлений, прогнозировать их поведение.

В структуре личности преступника имеются следующие элементы: социальный статус, включающий в себя совокупность признаков, отражающих место человека в системе общественных отношений (пол, возраст, семейное положение, уровень образования и др.); социальные функции, выраженные посредством показателей реальных проявлений личности в основных сферах деятельности (профессионально-трудовой, социально-культурологической, социально-бытовой); нравственно-психологические установки, отражающие отношение человека к его проявлениям в основных видах деятельности (отношение к закону, правопорядку, труду, семье, культурным ценностям и так далее).

С учётом вышесказанного мы можем дать следующее определение личности рецидивиста: это совокупность социально значимых свойств и черт личности (социальный статус, социальные функции, нравственно-психологическая характеристика), которые в единстве и взаимосвязи, соприкасаясь с объективными условиями жизни, влияют на выбор жизненного пути, связанного с нарушением уголовного закона.

Изучение личности преступника на эмпирическом уровне должно включать анализ его индивидуальной жизни, условий социализации и воспитания, особенно на ранних этапах развития. Анализ должен быть направлен на процесс формирования личности, её внутреннего мира, чтобы понять, как он мог совершить подобный поступок. В истории его предшествующей жизни заложены причины такого поведения, в ходе его прошлой жизни заключена мотивация теперешнего поступка.

Преступление, в какой бы форме оно не совершалось, в своей основе подготовлено развитием социальных и социально-психологических свойств личности, которые определяют в конфликтных ситуациях выбор общественно-опасного варианта поведения. Взаимосвязь преступлений в рецидиве обусловлена тем, что те черты личности, которые сыграли свою роль в совершении первого преступления, не сразу подвергаются изменению и отражаются на процессе последующего взаимодействия личности и среды. В результате этого может произойти их дальнейшее укрепление и развитие или же постепенное ослабление, нейтрализация и т. п. В случае первого результата мы получим процесс формирования последовательно-антиобщественного (последовательно-криминогенного) типа личности преступника, во втором случае преступная деятельность рецидивиста будет прекращена.

Предупреждение преступлений, совершаемых рецидивистами, в значительной степени зависит от того, насколько характер и интенсивность оперативной и профилактической работы соответствуют особенностям личности этой категории правонарушителей. Анализ сведений, характеризующих личность преступника-рецидивиста, позволяет составить его обобщённый портрет. Для наиболее полного описания личности рецидивиста обязательно рассматривать его, исходя из следующих аспектов: потребности, интересы, мотивы; характеристика нравственного и правового сознания рецидивистов; социальные связи и позиции рецидивистов; социально-значимая деятельность.

Для характеристики личности рецидивиста лучше всего пользоваться теми же признаками, что и для лиц, совершивших преступление впервые. Это позволяет выявить возможные отличия между данными категориями преступников. Личности рецидивистов присущи особенности, обуславливающие повышенную вероятность совершения ими новых преступлений. При прогнозировании преступного поведения данной категории рецидивистов следует иметь в виду реальную возможность совершения ими таких тяжких преступлений, как бандитизм, действия, дезорганизующие работу органов, исполняющих наказания, организация массовых беспорядков, умышленные убийства, разбой. Поведение рецидивиста в условиях второго десятилетия XXI тысячелетия определяется, как это имеет место у большинства взрослых людей, не устойчивыми мотивационными потребностями, а стихийно складывающимися внутренними и внешними обстоятельствами, то есть характеризуется импульсивностью и ситуационностью. Многих рецидивистов характеризует узкая временная установка моти-

вации при недостаточности развития сознательно-волевого уровня регуляции поведения.

В данных тезисах автор не может претендовать на исчерпывающий анализ всех аспектов проблемы личностных особенностей рецидивистов. Это станет возможным лишь в результате научных поисков представителей юриспруденции, управления, психологии, педагогики, социологии.

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНФОКОМУНИКАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

П. С. Ревко-Линардато
Южный федеральный университет,
г. Таганрог, Ростовская область, Россия

Summary. Byzantine Philosophy developed under the influence of various factors: Christian world-view, Hellenistic culture and statehood of Roman Empire. The author of the article analyzes the role of these factors in Byzantine Philosophy.

Key words: Byzantine Philosophy; Christianity; Hellenism; Eastern Roman Empire.

В 395 году, исходя из административной необходимости, произошло окончательное разделение Римской империи на две почти равных половины: Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю. Спустя почти восемьдесят лет, в 476 году, германский полководец на римской службе Одоакр лишил трона Ромула Августа и отправил государственные регалии в Константинополь восточному императору Зенону. Западная Римская империя прекратила своё существование. После её падения Восточная Римская империя продолжала существовать ещё в течение почти тысячи лет. Первоначально варварские короли на Западе формально признавали верховенство Константинополя, но со временем Восток утратил над ними политический контроль. А разделение христианской церкви на греко-православную и римско-католическую ветви окончательно способствовало тому, что латинский Запад начал осознавать себя как особый мир, противостоящий не только мусульманству, но и греческому христианству. Позже итальянские гуманисты эпохи Возрождения ввели в обиход название «Византийская империя», не решившись называть Восточную империю «Римской». Сами жители Восточной Римской империи называли себя «ромеями» (греч. ρωμαῖοι), то есть «римлянами», а империю – «Ромейской» или «Романией» (греч. Ρωμανία). Западные современники называли её «империей греков» из-за решающей роли в ней эллинизированного населения и греческого языка. На Руси империю также обычно именовали «Греческим царством».

Поэтому понятие «византийская философия» является достаточно условным. Оно определяет совокупность философских идей и учений, создававшихся на греческом языке в условиях «ромейского» государства, самосознание и формы которого являлись преемственными по отношению к Римской империи. Византийская философия, охватывающая временной интервал более чем в тысячу лет, является этапом в истории греческой философии. Оговоримся при этом, что Восточная Римская империя существовала как полиэтническое государство, поэтому вклад в развитие византийской философии был сделан представителями различных народов. В этом смысле понимание византийской философии как греческой является не совсем точным, однако оно даёт возможность увидеть её как закономерное и целостное явление, определить её место в истории мировой философии.

Вопрос о хронологических рамках византийской философии обусловлен историческим и социокультурным контекстом. Как самостоятельный этап в истории греческой философии, византийская философия следует за античным периодом её развития. Однако чёткую грань между этими периодами провести невозможно, поскольку в Византии всегда продолжалась непрерывная интеллектуальная традиция. Если принять во внимание события из истории Римской империи, связанные с её разделом и основанием Константинополя – Второго Рима, то временем появления византийской философии можно считать начало IV века. С другой стороны, на протяжении ещё почти двух столетий продолжали развиваться философские школы, которые следует охарактеризовать как античные. Правление Юстиниана I ознаменовалось борьбой с язычеством, в частности, в 529 году он закрыл платоновскую академию в Афинах, где язычники изучали и преподавали классическую греческую философию. Было запрещено вести преподавательскую деятельность язычникам, евреям и еретикам. Традиционно это событие считают моментом окончания эпохи античной философии.

Представляется оправданным хронологически расширенный подход, исходящий из необходимости рассмотрения «довизантийской» философии, охватывающей грекоязычных христианских мыслителей первых веков нашей эры, действовавших одновременно с языческими философами – прямыми продолжателями античной традиции. Целесообразность анализа взглядов мыслителей, подготовивших для византийской философии почву прежде её возникновения, обусловлена тем, что византийская философия была непосредственно связана, во-первых, с античной философией, и, во-вторых, с христианским вероучением. Как уже отмечалось, по крайней мере, вплоть до

529 года античная философия и христианская сосуществовали одновременно. При этом они находились не в «параллельных мирах», а активно влияли друг на друга, причём, спектр их взаимодействия был самый разнообразный – от открытой борьбы до взаимного идейного обогащения. Христианские философы и богословы II-VI веков открыли период Средневековья, они задали векторы дальнейшего философского поиска. Работы, написанные первыми христианскими мыслителями, не могут быть исключены из общего контекста понимания византийской философии, поскольку явились необходимым начальным шагом, на котором были определены её специфические черты и особенности, позже проявившиеся и развившиеся в условиях византийской государственности.

Окончание византийской философии связано с крушением империи и падением Константинополя 29 мая 1453 года. Однако даже после этой даты многие византийские мыслители продолжали заниматься философской работой, уехав на Запад или оставшись на Востоке под турками. В некотором смысле византийская философская традиция продолжала жить. Так, В. М. Лурье пишет, что история византийской философской традиции оказалась длиннее истории византийского государства. После 1453 года внутри Османской империи история византийской цивилизации продолжается, как минимум, до XVII века включительно. «Пожалуй, говорить о том, что византийская философия «закончилась» – нельзя. В этом нет ничего удивительного: подобно тому, как сегодня существует философия неотомизма, преемственно восходящая к Фоме Аквинскому и латинской схоластике позднего Средневековья, так существуют и различные традиции философствования, преемственно связанные с византийскими отцами Церкви» [2, с. 13]. Не случайно книга румынского историка Н. Йорги, написанная в 1935 году, в которой приводится анализ политических, социальных и культурных последствий падения Византии для Европы, носит название «Византия после Византии» [4]. В этой книге Н. Йорга ввёл в научный оборот термин «μεταβυζαντινά» («после Византии», «поствизантия»), подразумевающий византийское наследие после исчезновения с политической карты мира Византийского государства.

Духовная жизнь в Византии сочетала в себе черты античной культуры и христианское миропонимание, что отразилось на особенностях развития византийской философии. Империя сохранила непрерывность экономических, политических и культурных традиций античного мира после падения Западной Римской империи и явилась сплавом античности и христианства. В Византии христианство приобрело законченную форму в

православной версии. Несмотря на то, что в империи ромеев христианство было признано государственной религией, в сознании византийцев важнейшую роль играла их связь с греко-римским античным миром, от которого они унаследовали глубокое уважение к познанию и особую привязанность к культуре Древней Греции. Византийская философия складывалась в противоречивой обстановке утверждения христианского мирозерцания на основе эстетических и естественно-научных воззрений античности. Философия базировалась на двух различных картинах мира: языческого эллинизма, с одной стороны, и официальной христианской доктрины, с другой [1, 3]. Их взаимодействие определило направления развития византийской философии, её уникальность и неповторимое своеобразие.

Православное христианство выступало в качестве доминирующего фактора жизни общества. Поэтому направленность развития византийской философии, выросшей из древнегреческих интеллектуальных традиций, определялась христианской идеологией. Синтез философских учений древних греков и христианской веры стали стержнем византийской философии. Отцы церкви, которые сами были классически образованными людьми, считали, что овладение языческой философией является великим искушением для христианина, но, в то же время, необходимостью для него. Споры о месте и роли древнегреческой философии в христианском богопознании продолжались весь период существования Византии.

В условиях сильной централизованной власти имело место значительное давление христианской догматики на философскую мысль. Сохранение государственно-политических доктрин Рима обусловило существование в Византии централизованной императорской власти, что не могло не оказать влияния на византийскую идеологию и культуру. Философская деятельность попала в зависимость от светской власти, тесно связанной с господствующей государственной религией.

Государственная власть, сосредоточив всю полноту управления страной, сыграла роль централизующей силы в становлении основ византийской культуры как стройной и целостной системы мировоззренческих представлений. Административные предписания в области производства информации стали одним из критериев истины, которая была должна соответствовать формальным требованиям, контролируемым бюрократией.

Таким образом, главными отличительными чертами социокультурной жизни Византии, которые отразились на путях развития философской мысли, явились длительное и устойчивое сохранение позднеантичных традиций, господство христи-

анства в его православной форме и доминирующая роль государства во всех сферах жизни.

Библиографический список

1. Армстронг А. Х. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию. – СПб., 2006. – 256 с.
2. Лурье В. М. История Византийской философии. – СПб. : Axioma, 2006. 553 с.
3. Ierodiakonou K. Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. – Oxford : University Press, 2002. – 318 p.
4. Iorga N. Byzance après Byzance: Continuation de l'histoire de la vie byzantine. Buc. –1935. – 272 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНЕТАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В. В. Енин

**Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия**

Summary. This paper provides a detailed review of the definition of monetary behavior in terms of the basic psychological approaches in cultural-historical theory of Vygotsky, sociological traditions and behavioral economics. As a result, you are the definition of monetary human behavior and social group.

Key words: monetary behavior; definition; psychoanalysis; behaviorism; behavioral economics; humanistic psychology; analytical psychology; cultural-historical theory.

Отношение человека к деньгам активно изучается психологической наукой последние несколько десятилетий. Одновременно экономика исследует реальные транзакции. Однако психология всё ещё не обратила должного внимания непосредственно на само монетарное поведение, то есть поведение человека, связанное непосредственно с деньгами. Данный вопрос может быть изучен в равной мере, как психологией, так и другими социальными науками. Тем не менее, автор считает важным подчеркнуть, что в психологической науке необходимо, в первую очередь, ввести дефиницию монетарного поведения. Именно она позволит конкретизировать феномен на достаточном уровне для дальнейшего подробного изучения. Понимание монетарного поведения людей позволит не только улучшить их психологическое здоровье, но и спрогнозировать поведение. Понимание психологических детерминант может позволить также исследовать общие тенденции в обществе.

Монетарное поведение есть совокупность действий и поступков экономических субъектов, в том числе потребителей-

домохозяйств, посредством и в процессе которых обеспечивается синхронизация их материальных интересов, ресурсно-экономических возможностей и нормативно-культурологического потенциала с институционально заданной монетарной системой экономики. Монетарное поведение потребителей можно понимать как процесс целенаправленной активности в соответствии со значимыми денежными интересами и потребностями людей.

Монетарное или денежное поведение личности проявляет всю сложность и многогранность психической структуры, раскрывая бессознательное поведение, скрытые мотивы и цели. Как модификация социально-экономического поведения монетарное поведение, с одной стороны, алгоритмизировано механизмом самой монетарной сферы, с другой стороны, модифицировано спонтанными, характерологическими поступками, выражающими уникальный эмоциональный мир человека.

Важным направлением для спецификации термина монетарное поведение является гуманистическая психология. Центральной идеей данного психологического подхода является личность как уникальная целостная система, «которая представляет собой не нечто заранее заданное», а бесконечную возможность самоактуализации, присущую исключительно человеку [6]. Таким образом, монетарное поведение, в рамках данного подхода, представляет собой способ самоактуализации человека и имеет ценность не само по себе, а как некое средство удовлетворения потребностей и развития личности [4].

Таким образом, само монетарное поведение в подобной трактовке является обслуживающей функцией для удовлетворения личности. К основной критике данного подхода автор относит то, что личность априори ненасытна. Иными словами, удовлетворение потребностей приводит к росту эго, которое на каком-то уровне удовлетворить становится невозможно [2]. Отметим, что при этом не обязательно происходит переход на качественно новый уровень. То есть, развитие эго при удовлетворении потребностей ещё не означает, что для личности они перейдут на более высокий уровень, а не останутся на уровне расширяющего потребления по горизонтали [1]. Наиболее часто встречающимся примером подобного поведения при удовлетворении потребностей, когда люди оставляют старую модель поведения в изменившихся условиях, приобретая всё более дорогие заменители.

Рассмотрим ещё один психологический подход, который используется для пояснения термина «монетарное поведение» – это культурно-историческая теория Л. С. Выготского. Согласно его теории до тех пор, пока культура не достигла опреде-

лённого уровня и этапа развития, не могут появиться более сложные формы. Иными словами, человечество, находившееся на ранних этапах развития культуры, не могло создать сложных финансовых инструментов. Это объясняется тем, что сами по себе отношения обмена между людьми были более простыми, как и общий уровень культуры и психического развития [3]. Для примера можно дать трёхлетнему ребёнку акцию или иную ценную бумагу, и даже попытаться объяснить, что это такое и зачем она нужна. Однако, на наш взгляд, это не приведёт к каким-либо положительным результатам. В лучшем случае, ребёнку будет неинтересно, или он использует её как игровой предмет. В худшем – он её разорвёт, попытается съесть или сделает нечто подобное. Аналогично, по сути, развивалось и эволюционировало монетарное поведение людей. В частности, на первом этапе, они учились «не есть деньги». Затем, они постепенно привыкали к ним, учились бережному отношению, сбережению и накоплению, а также начали воспринимать не товарные деньги как нечто значимое. Подобный переход, разумеется, возможен только в связи с развитием у людей абстрактного мышления.

Далее, с развитием культуры, появлялись всё более сложные формы денег. Фактически, однажды попробовав поиграть в игру под названием «увеличение денежной массы без роста реального сектора» [1], человечество продолжает в неё играть. Отметим два важных аспекта. Во-первых, результаты подобной игры известны ещё с 1720 года, когда рухнула первая в мире финансовая пирамида, организованная Джоном Ло [5]. Во-вторых, происходит постоянное усложнение правил игры. По сути, человечество старается за счёт усложнения правил оттянуть результат, а, по возможности, избежать его. Подобное поведение характерно для подростков. В результате, следуя теории Выготского, а также многим рассуждениям, базирующимся на ней, мы можем утверждать, что мировое экономическое сообщество на данный момент находится на уровне развития подростка и его монетарное поведение это отражает.

Возвращаясь к определению монетарного поведения, мы можем с уверенностью сказать, что с точки зрения культурно-исторической теории Л. С. Выготского оно является отражением текущего уровня развития общества [3].

Таким образом, обобщив трактовки монетарного поведения с точки зрения различных психологических подходов, мы предлагаем в дальнейшем определять монетарное поведение следующим образом: монетарное поведение – поведение индивида (экономического агента), выражаемое как набор отдельных поведенческих актов, отражающих бессознательные детер-

минанты на примере взаимодействия личности с тем, что люди считают деньгами. При этом не только иррациональные факторы определяют монетарное поведение, но и наоборот, посредством наблюдаемого монетарного поведения можно сделать предположение об иррациональных, интрапсихических факторах, его порождающих.

Библиографический список

1. Н. Spiegel, А. Hubbard. The Growth of Economic Thought. – 3 Sub edition. – Duke University Press Books, 1991.
2. Kirkpatrick, Charles D.; Dahlquist, Julie R. Technical Analysis: The Complete Resource for Financial Market Technicians. Upper Saddle River. – NJ : Financial Times Press, 2007.
3. Гараи Л. О значении и мозге: Совместим ли Выготский с Выготским? // Субъект, познание, деятельность. К семидесятилетию В. А. Лекторского. – М. : Канон+, 2002.
4. Мэй Р. и др. Экзистенциальная психология / пер. с англ. Л. Я. Дворко. – Львов : Инициатива; М. : Институт общегуманитарных исследований, 2005.
5. Хайлбронер Роберт Л.. Философы от мира сего. – М. : КоЛибри, 2008.
6. Шеховцова Л. Ф. Мировоззренческие основания гуманистической и трансперсональной психологий // Шеховцова Л. Ф. Христианское мировоззрение как основа психологического консультирования и психотерапии. – СПб. : Общество православных психологов Санкт-Петербурга, 2009. – С. 24–32.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. А. Куприна

**Московский государственный университет экономики,
статистики и информатики, г. Москва, Россия**

Summary. This article studies the main characteristics that show the essence of mass communication as a process of interaction. It examines the structural elements of this kind of communication and the main directions of its impact. The article describes the features of such phenomenon as mass consciousness.

Key words: mass communication, structural elements of communication, communicative impact, mass consciousness.

Делая общий анализ средств массовой коммуникации, необходимо отметить, что по своей «мощности» они, как правило, включают в себя более тысячи человек; в большей своей части опосредованы и в ходе информационного обмена часто имеют трудности получения обратной связи.

Однако, несмотря на определенные особенности, данный вид передачи информации соответствует основным характеристикам процесса общения между людьми. В структуре массовой коммуникации возможно выделение коммуникативной, перцептивной, интерактивной сторон [1].

Особый интерес представляет коммуникативная сторона данного вида общения, направленная на «широкие массы». В ходе подготовки информации инициатору массовой коммуникации необходимо учитывать следующие факторы:

- направляя информацию потребителю, необходимо анализировать его мотивы, цели, установки, поскольку для каждого участника общения ведущее значение имеет степень значимости для него предлагаемой информации;

- необходимо пользоваться единой или схожей системой кодирования и декодирования информации;

- в ходе передачи информации происходит коммуникативное влияние, т. е. психологическое воздействие одного коммуникатора на другого с целью изменения его поведения. В этом заключается эффективность коммуникации;

- снижение уровня как социальных, так и психологических барьеров.

С точки зрения перцептивной стороны общения особый интерес представляют такие эффекты, как идентификация с образом, предлагаемым средствами массовой коммуникации, эффекты «первичности» и «новизны», процесс «социальной стереотипизации», а также такое явление, как аттракция.

Один из видов влияния, оказываемого средствами массовой коммуникации, – формирование массового сознания. Его основными характеристиками являются: эмоциональность, заразительность, мозаичность, подвижность и изменчивость. Оно всегда конкретно. По структуре массовое сознание включает в себя основной (первичный), эмоционально-действенный, и вторичный, рациональный уровни.

Крайняя степень переживания проблемы выступает как системообразующий фактор массового сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие, привычные правила жизни – групповые нормы, ценности и образы поведения. Оно порождает потребность в немедленных действиях.

Внутри рационального уровня различают три основных блока: блок социальных ожиданий людей, блок быстроменяющихся мнений и настроений людей; блок социально-политических ценностей (ценности справедливости, демократии, равенства и т. д.) [2, с. 20].

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Наука, 1994.
2. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб. : Питер, 2002.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Л. Б. Краснова, Т. Э. Кукарникова
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article is devoted to the study of the functional capabilities of information and telecommunication technologies in the field of criminal justice. Special attention is paid to determining the category "information technologies", detect important from the point of view of criminalistics regularities of their creation, conversion and application.

Key words: computer technologies; criminal justice; information and telecommunication technologies; digital nature of the information; information resources; digital criminalistics.

В эпоху глобализации и всеобщей информатизации общества все более явно обнаруживает себя тенденция роста внимания к исследованию проблем информационных технологий в широком социогуманитарном контексте. В сфере уголовного судопроизводства наиболее актуальны и востребованы вопросы, в первую очередь связанные с использованием функциональных возможностей информационных, в частности, компьютерных технологий.

При выработке научно-обоснованных рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, одним из основных вопросов является четкое уяснение сущности информационных технологий и исходя из этого – выявление значимых с точки зрения криминалистики закономерностей их создания, преобразования и использования.

Согласно ст. 2. ФЗ от 27.07.2006 №N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

При этом наряду с использованием понятия "информационные технологии" синонимически употребляются такие понятия, как "новые информационные технологии", "компьютерные

технологии" и "информационно-коммуникационные технологии", "высокие информационные технологии". Присоединение синонимов "новые", "компьютерные", "коммуникационные", "высокие" связано с желанием подчеркнуть, что для реализации информационных процессов используется вычислительная техника, т. к. в широком понимании информационные технологии охватывают все области передачи, хранения и восприятия информации, в том числе, например, телевидение или печатное дело.

К основным видам информационных технологий относят:

- высокие интеллектуальные информационные технологии, которые представляют собой генерацию технических решений, реализующих ситуационное моделирование, позволяющих выявить связь элементов, их динамику и обозначить объективные закономерности среды;

- вспомогательные информационные технологии, которые ориентированы на обеспечение выполнения определенных функций (бухгалтерский учет и статистика, ведение системы кадров, документооборота, ведение финансовых операций, системы для стратегического управления и т. д.);

- коммуникационные информационные технологии, призванные обеспечивать развитие телекоммуникации и ее систем [1, с. 119].

В контексте темы настоящей статьи, наиболее актуальным является проблема использования вспомогательных и коммуникационных информационных технологий. Не только компьютерная техника, но и мобильные телефоны, смартфоны, электронные книги, навигаторы и многие другие устройства являются источниками огромного количества информации (а в случае расследования преступления – уголовно-релевантной и криминалистически значимой информации) о жизни человека, его контактах, взаимоотношениях, местоположении и т. д., существующей и используемой в электронной форме. И именно с этой точки зрения многие специалисты в области уголовного процесса и криминалистики выделяют отдельную категорию "телекоммуникационные технологии", отделяя ее от общего понятия "информационные технологии".

Однако общим для всех этих устройств является цифровая природа информации, которую они обрабатывают, хранят и воспринимают. На наш взгляд, при криминалистическом исследовании информационных технологий наиболее существенной является именно эта цифровая природа информации, которая требует особых условий ее познания и использования в уголовном процессе.

При этом под цифровой информацией понимается «любая информация, представленная в виде последовательности цифр,

доступная для ввода, обработки, хранения, передачи с помощью технических устройств. В качестве таковой может выступать текст, фотоизображения, видеозаписи, фонограммы, графика и т. п., служащие объектами криминалистического исследования и имеющие значение для расследования уголовного дела» [2, с. 43–47]. При этом все эти объекты имеют различную внешнюю форму и способы восприятия информации, однако общим для них является способ ее существования и, следовательно, криминалистические способы ее получения и исследования.

Таким образом, на наш взгляд, в криминалистике информационные технологии следует рассматривать как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, для реализации которых используются любые технические средства, способные хранить, обрабатывать и передавать цифровую информацию, а не только вычислительная техника.

Другим существенным с точки зрения криминалистических исследований аспектом информационной технологии является то, что информационная технология является процессом, состоящим из четко регламентированных правил выполнения операций, действий, этапов разной степени сложности над данными, хранящимися в соответствующих технических устройствах. Основная цель информационной технологии – в результате целенаправленных действий по переработке первичной информации получить необходимую для пользователя информацию.

При криминалистическом исследовании информационных технологий происходит исследование всего технологического процесса обработки цифровой информации.

Так, исследованиями подтверждено, что для полноценного исследования факта изготовления документа на представленном знаковезирующем печатающем устройстве струйного типа (задача идентификации принтера) необходимо наличие в качестве вещественных доказательств не только печатного документа и принтера, но и файла, который и был распечатан. В противном случае идентификация принтера как печатающего устройства, невозможна [3, с. 92–98; 4, с. 15–22]. Таким образом, происходит исследование не только принтера как технического устройства, но и распечатанного с помощью него бумажного документа и соответствующей исходной компьютерной информации, что в целом представляет собой информационную технологию печати документа.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что *информационная технология* – процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи цифровых дан-

ных (первичной информации) для получения цифровой информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления (информационного продукта). При этом информационные технологии представляют собой совокупность трех составных частей:

1. Комплекс технических средств управления информационными ресурсами – аппаратное обеспечение.
2. Комплекс программных средств.
3. Организационно-методическое обеспечение.

I. Комплекс технических средств управления информационными ресурсами представляет собой технические средства, используемые для хранения, обработки, передачи цифровой информации.

Технологии обработки цифровой информации главным образом используются в компьютерах, в различных областях электротехники, таких как игровые автоматы, робототехника, автоматизация, измерительные приборы, радио- и телекоммуникационные устройства и т. д.

II. Программные средства информационных технологий представляет собой информацию, содержанием которой являются подготовленные и зафиксированные на физическом носителе материалы пользователя (цифровые фотоснимки, видеозаписи, аудиозаписи, базы данных, сайты Интернет, текстовые документы, а также программы.

III. Организационно-методическое обеспечение информационных технологий включает в себя:

– инструктивные и нормативные материалы по эксплуатации технических средств, в том числе по технике безопасности работы и по условиям поддержания нормальной работоспособности оборудования;

– инструктивные и нормативно-методические материалы по эксплуатации программных средств конкретной информационной технологии, в том числе и по организации системы защиты обрабатываемой и получаемой информации.

Библиографический список

1. Ковалева Н. Н. Информационное право России : учебное пособие – М. : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2007.
2. Кушниренко С. П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования / С. П. Кушниренко // Вестник криминалистики. Выпуск 2 (18). – М. : Спарк, 2006.
3. Шашкин С. Б. Общие положения идентификации струйных знаков синтезирующих печатающих устройств // Судебная экспертиза. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – М. : СЮИ МВД РФ, 2001.
4. Шашкин С. Б. К проблеме идентификации струйных знаков синтезирующих печатающих устройств // Экспертная практика. 2000. – № 50.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕХНОЛОГИЙ «НОВЫХ» СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Д. И. Каминченко

**Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. Technologies of «new» media are considered in this article. The author attempts to note the most perspective research directions of this phenomenon in the political science. He uses some political categories in order to achieve the research goals.

Key words: technologies of «new» media; political science; political categories.

«Новые» средства массовой информации активно проникают в различные сферы жизни общества. Не остаётся в стороне и политическая сфера. Данные СМИ активно используются в политических целях, свидетельством чего выступают многочисленные эмпирические факты и политические события. Вполне естественно, что для политологии «новые» СМИ представляют особый и возрастающий интерес. Цель данной работы: наметить наиболее перспективные направления исследования данных масс-медиа в политологии. Для реализации поставленной цели представляется логичным выявление перспективных направлений исследования «новых» медиа применительно к ряду категорий политологии. Среди подобных категорий стоит отметить политическую власть, политическое поведение, политическую коммуникацию, политический институт, политическую идеологию, политическую культуру, политическую систему, политическую элиту и лидерство, политическую социализацию. Достижение поставленной цели требует создания определённой структуры работы: выделения конкретной категории, затем определения потенциальных направлений политологических исследований, после чего следует наметить возможные результаты подобных исследований.

Прежде чем выделять конкретные категории политологии следует отметить, что представляют собой «новые» СМИ. Под исследуемыми медиа целесообразно подразумевать динамичные сетевые структуры, функциональные возможности которых позволяют политическим субъектам обмениваться значительными объёмами информации в режиме реального времени [1, с. 266].

Теперь пришло время обратиться к отмеченным категориям.

Политическая власть

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) исследование участия «новых» масс-медиа в процессах, связанных с перераспределением властных полномочий. Это направление может быть трансформировано в изучение роли исследуемых медиа как актора в распределении влияния. В том числе и политического;

2) изучение того, как используются (и используются ли?) данные масс-медиа в качестве ресурса (как средства подчинения) политической власти в целом и в конкретных ситуациях. Какие конкретные технологии и механизмы в рамках изучаемых медиа в таком случае используются?

3) рассмотрение отношения пользовательской среды «новых» масс-медиа к власти вообще и к политической – в частности. Предполагается исследование специфики принятых и разделяемых в данной среде ценностей и норм;

4) соотношение предпочтений и приоритетов пользователей данных медиа по поводу власти и реальной политической власти в том или ином государстве или обществе.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

1) определение особенностей, преимуществ и недостатков данных масс-медиа как актора современного политического процесса. Оценка влияния, оказываемого исследуемыми СМИ на распределение властных полномочий (в том числе и политических);

2) выявление конкретных механизмов и технологий использования «новых» СМИ политической властью (какие из них уже применяются на практике, а какие ещё нет?). Определение специфики подобных механизмов, например, одни из них могут быть полезны для приобретения власти, а другие – для удержания и сохранения;

3) возможно выявление тех поведенческих алгоритмов, которые были бы целесообразны для завоевания поддержки возрастающей с каждым годом пользовательской аудитории «новых» масс-медиа;

4) выявление того, какое влияние пользовательская аудитория «новых» медиа оказывает на политическую власть того или иного государства или общества.

Политическое поведение

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) изучение того, как и каким образом используются технологии изучаемых медиа при организации, прежде всего,

коллективных форм политического участия. В этом направлении существует огромный набор различных эмпирических фактов подобного использования данных СМИ;

2) возникновение новых форм выражения политического поведения и политического участия. Например, политический флэшмоб, описанный в работах С. Н. Федорченко «Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодёжи: анализ российского и международного опыта» [2] и «Политический флэшмоб: предвестник нового общества?» [3], в работе Д. И. Каминченко «Новые» СМИ и политический флэшмоб» [4] и др.

3) изучение того, как «новые» СМИ, принимая во внимание их сущность, способны воздействовать на политическое поведение в целом. Влияет ли (и если да, то как?) специфика данных масс-медиа на политическую мотивацию и статусно-ролевые практики индивида. Очевидно, что данные направления политологических исследований во многом граничат с психологией.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

1) формулирование конкретных механизмов и алгоритмов применения технологий «новых» СМИ при организации и проведении коллективных форм политического участия;

2) открытие новых возможных форм политической активности, с помощью которых индивид может выразить своё отношение к политической реальности;

3) раскрытие интересных в научном отношении закономерностей воздействия технологий медиа на политическую мотивацию индивида.

Политическая коммуникация

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) исследования данных СМИ как агента, способствующего осуществлению политической коммуникации;

2) особенности политической информации, с которой работают отмеченные медиа;

3) изучение роли Интернет-пользователей в процессе политической коммуникации с властью.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

1) открытие преимуществ и недостатков исследуемых масс-медиа в качестве агента, способствующего политической коммуникации, а также предоставляемых ими возможностей. Под какие конкретные политические цели рационально использовать данные СМИ в качестве агента политической коммуникации? Возможно ли построение новых моделей полити-

ческой коммуникации с учётом (и, возможно, с акцентом) именно исследуемых медиа;

2) формулировка важных выводов по изучению политической информации как контента «новых» месс-медиа позволит оценить роль данных медиа в политических процессах и отношениях. Характер и особенности подобной политической информации дают возможность отразить существующие настроения в обществе, что представляется особенно важным фактором в ходе изучения политической коммуникации между властью и обществом;

3) формулирование выводов о роли простых пользователей Интернета в политической коммуникации между властью и обществом даёт представление о влиянии данных медиа на политическую коммуникацию, осуществляемую в рамках того или иного общества.

Политический институт

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) внедрение исследуемых медиа в деятельность таких политических институтов, как государство, политические партии и др. Здесь политические институты должны рассматриваться, прежде всего, как политические организации и учреждения. Например, изучение влияния данных СМИ на деятельность органов исполнительной власти;

2) изучение роли данных медиа в деятельности политических институтов как организационных форм взаимодействия и коллективных акций и мероприятий. Например, изучение фактора «новых» средств массовой информации в ходе выборов;

3) изучение влияния «новых» масс-медиа на информационный суверенитет государств.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

1) выявление ряда закономерностей использования технологий «новых» СМИ в своей деятельности органами государственной власти, политическими партиями и т. д.;

2) формулирование выводов по функциональной применимости технологий изучаемых СМИ в ходе проведения предвыборных кампаний;

3) выводы, касающиеся проблем информационной безопасности государств.

Политическая идеология

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) сопоставление идей и представлений идеологий различных групп людей с теми идеями, особенностями и принципами, которые характерны для пользовательской аудитории «новых» СМИ как довольно крупной общности людей;

2) изучение возможностей влияния специфики исследуемых медиа (например, открытость, широкий доступ к различной информации, надтерриториальный характер и др.) на сложившиеся политические идеологии;

3) исследование возможности появления новой политической идеологии, которая основывалась бы на идеях и принципах, присущих «новым» медиа. Данные медиа могли бы стать источником возникновения и ареалом первичной апробации и распространения подобной идеологии.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

1) характеристика общих и отличных (как различных) черт, присущих различным идеологиям и идеям, принципам, характерным для пользовательской аудитории «новых» СМИ;

2) оценка возможного воздействия изучаемых масс-медиа на структуру и сущность сложившихся идеологий;

3) формулирование возможных черт некоего проекта новой глобальной политической идеологии, если таковой возможен.

Политическая культура

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

1) способны ли «новые» СМИ повлиять на формирование определённого типа политической культуры? Если это возможно, то вызывает особый интерес сущность и особенности такого типа политической культуры;

2) сопоставление норм и ценностей, закладываемых и распространяемых изучаемыми медиа с нормами и ценностями различных политических культур.

Возможные результаты подобных направлений исследований:

1) определение некоторых черт типа политической культуры, формируемого под влиянием исследуемых медиа, если он возможен или уже существует.

2) характеристика общих и различных черт политических культур, формируемых под непосредственным влиянием изучаемых СМИ и имеющих в тех или иных типах политических культур.

Политическая система

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

- 1) изучение влияния «новых» СМИ на происходящие внутри политической системы процессы в целом;
- 2) исследование данных СМИ как важнейшего в условиях современного общества канала коммуникации политической системы с внешней средой;
- 3) изучение воздействия «новых» медиа на конкретные типы политических систем (демократические, авторитарные, тоталитарные и т. д.).

Возможные результаты подобных направлений исследования:

- 1) выводы о специфике воздействия изучаемых СМИ на политическую систему, о последствиях подобного воздействия для самой политической системы;
- 2) заключение о том, какие типы политических систем более гибко взаимодействуют и реагируют на деятельность «новых» СМИ.

Политические элиты и лидерство

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

- 1) рассмотрение различных эмпирических фактов использования политическими лидерами технологий «новых» СМИ;
- 2) появление новых лидеров благодаря данным масс-медиа;
- 3) изучение возможного и реально имеющегося влияния данных медиа на циркуляцию политических элит.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

- 1) выявление некоторых закономерностей использования «новых» масс-медиа политическими лидерами;
- 2) определение алгоритмов появления политических лидеров из пользовательской Интернет-аудитории;
- 3) оценка влияния данных СМИ на процессы циркуляции политических элит в различных обществах и государствах.

Политическая социализация

Наиболее перспективные направления исследования «новых» СМИ:

- 1) изучение того, являются ли «новые» масс-медиа агентами политической социализации;
- 2) если данное СМИ – это агент политической социализации, то представляет особый интерес, какие нормы и ценности политической культуры он (агент) несёт;

3) любопытным выглядит исследование того, как в таком случае (если данное медиа – агент политической социализации), поток социализации, идущий от рассматриваемых медиа взаимодействует с другими подобными потоками.

Возможные результаты подобных направлений исследования:

- 1) особенности изучаемых СМИ как агентов политической социализации;
- 2) определение тех норм и ценностей политической культуры, которые несёт в себе подобный агент социализации;
- 3) роль «новых» СМИ в генерализированном (обобщённом) потоке социализации.

Таким образом, в рамках данной работы был отмечен ряд наиболее перспективных направлений исследования технологий «новых» средств массовой информации применительно к политологии. Кроме того, были выделены потенциальные результаты, к которым может привести исследование в рамках данных направлений. Очевидно, что приведённый здесь список не исчерпывает всех категорий политологии. Кроме того, стоит заметить, что он, вероятно, не исчерпывает и всего перечня возможных направлений исследования феномена «новых» СМИ в политологии. Вместе с тем, в работе отмечен ряд важных направлений, по некоторым из которых, уже ведутся различные политологические исследования.

Библиографический список

1. Каминченко Д. И., Балувев Д. Г. Фактор новых средств массовой информации в формировании современного политического индивида. Современные исследования социальных проблем, № 1 (09), 2012. – С. 266–269.
2. Каминченко Д. И. «Новые» СМИ и политический флэшмоб // Современная российская наука глазами молодых исследователей: материалы III Международной научно-практической конференции молодых учёных и специалистов. – Красноярск, 2013. – С. 77–81.
3. Федорченко С. Н. Политический флэшмоб как отражение проблем современной молодёжи: анализ российского и международного опыта // Россия 2030 глазами молодых учёных : сборник трудов II Всероссийской научной конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – М. : Научный эксперт, 2012. С. 65–72.
4. URL: http://www.dnikitas.com/img/file/rossiya_2030_ii_ch_1.pdf (дата обращения: 05.07.2013).
5. Федорченко С. Н. Политический флэшмоб – предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – № 6. – Т. 4. – 2011. – С. 24–31.
6. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jurnal_vip_6_2011.pdf (дата обращения: 05.07.2013).

III. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: НАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Д. Г. Кукарников
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article examines the essence of the categories "civil society" and "constitutional state". The most important aspects of the interaction of these institutions are emphasized. The possibility of the existence of the constitutional state when the civil society is not yet formed is debated.

Key words: political pluralism; constitutional state; decentralization of power; civil society; industrial and post-industrial society; social reality; democratic legislation.

Под гражданским обществом (или обществом граждан) принято понимать совместные (коллективные) действия людей в сфере не их приватной (частной), а публичной (или общественной) жизни, причём в условиях, когда она перестаёт быть монополией властных элит – как традиционных, так и современных. Это именно сфера действий, поступков людей, которые могут носить как стихийный, так и организованный характер, получая в этом случае организационную форму неправительственных, негосударственных объединений, союзов, ассоциаций, функционирующих по принципам самоорганизации, самоуправления и, как правило, самофинансирования. Непосредственно гражданское общество предстаёт как сложившаяся независимо от властной вертикали, существующая помимо неё система горизонтальных связей и отношений, охватывающая собой значительную часть населения. Не паспорт, а реальная включённость человека в эту связь превращает его из гражданина *de jure* в гражданина *de facto* [5, с. 6].

Правовое государство и гражданское общество – это две стороны одного и того же социально-исторического явления – развитого индустриального и постиндустриального общества. Первое представляет форму, между тем как второе – содержание [3, с. 10]. Как форма, государство отражает интересы гражданского общества; создаёт правовые условия для его дальнейшего развития и функционирования; причём соответствует ин-

тересам гражданского общества, гарантированно защищает их в правовом порядке.

Правовое государство взаимосвязано с гражданским обществом таким образом, что является одной из основ функционирования гражданского общества. В то же время правовое государство вполне можно рассматривать как своего рода институт гражданского общества. Ведь государство в конечном итоге является средством удовлетворения определённых потребностей граждан, без которого немислимо существование гражданского общества как такового.

Возможно ли правовое государство без гражданского общества? Безусловно, тесная связь между этими двумя понятиями и, соответственно, формами социальной деятельности имеется, однако данная связь существует, скорее, на уровне принципов неразрывной «одновременности», взаимосвязи: без гражданского общества нет правового государства во всей полноте этого понятия; в неправовом государстве гражданское общество как бы и не может возникнуть.

На уровне же исторических реалий дело нередко обстоит так, как в нашей стране, – надо строить гражданское общество в условиях, когда ещё нет правового государства в строгом, полном смысле слова; одновременно нельзя отказываться от борьбы хотя бы за некоторые устои правового государства на том основании, что пока не построено гражданское общество, достойное этого названия. Весьма нередко в истории отдельные успехи в построении правового государства достигались при относительно слабом гражданском обществе (так, в частности, было в истории ряда стран, когда само государство могло ставить и частично решать проблемы прав человека, совершенствования правовой структуры и т. д.). И наоборот, если – в борьбе с диктатурой – создавались более мощные структуры гражданского общества, они могли стать мотором для построения правового государства [2, с. 101].

Гражданское общество и государство находятся в своеобразном диалектически противоречивом единстве. Гражданское общество как таковое является фундаментом правового государства. А правовое государство между тем представляет собой концентрированное выражение гражданского общества. В силу данного обстоятельства этапы развития правового государства совпадают с этапами развития гражданского общества. Но так как любое государство обладает самостоятельностью по отношению к обществу, этапам развития государства присущи определённые качества, отражающие его политический характер.

Выделяют два наиболее важных этапа: первый начался с развития правового гражданского общества, который подразу-

мевают становление рыночной экономики, гласности, свободных СМИ; второй – утверждение и развитие социальных институтов.

В социально-философском анализе взаимоотношений государства и гражданского общества следует выделить и социальный аспект, связанный с основами развития гражданского общества, выразителями которых выступают социальные группы, классы, имеющие разнообразные и достаточно противоречивые интересы. В свою очередь, это определяет известную разобщённость гражданского общества, присущую ему конкурентность и взаимную борьбу индивидуумов, осуществляющих собственный сознательный выбор [1, р. 128]. Данная разобщённость преодолевается созданием своего рода общественных ассоциаций, позволяющих противостоять доминирующим в обществе социальным классам и группам.

Социальная основа гражданского общества, так или иначе, развивается в непосредственной взаимосвязи с социальной основой правового государства. Вместе они выступают в качестве основы саморегулирующегося гражданского общества, способного объединить свободных граждан. Через систему институтов и общественных связей должны создаваться и создаются условия для реализации каждым гражданином своих творческих, трудовых возможностей, которые обеспечивают плюрализм мнений, личные права и свободы.

Некоторые исследователи [4, с. 34] указывают на необходимость взаимодействия социально-экономической основы гражданского общества, которая, в свою очередь, проявляет себя в разнообразных формах собственности в многоукладной экономике, – с правовым государством в том или ином виде. Политико-правовая основа гражданского общества образуется посредством следующих факторов: политического плюрализма, децентрализации властных полномочий, разделения властей, демократического законодательства, верховенства закона и равенства всех перед ним, а также – наличия легальной оппозиции. Культурно-нравственной основой гражданского общества выступают эстетико-культурные ценности, отсутствие монополии на единую идеологию или мировоззренческую парадигму, цивилизованность, свобода совести, нравственность и высокая духовность.

В экономическую основу правового государства встраиваются следующие компоненты: производственные отношения, базирующиеся на различных типах собственности (частной, кооперативной, арендной, коллективной, государственной). Все виды собственности равноправны и охраняются юридически. В правовом государстве собственность принадлежит заинтересо-

ванным и экономически стимулируемым производителям, а также – потребителям материальных благ.

Собственно, правовое начало государственности реализуется только в том случае, если имеется в наличии определённая самостоятельность, которая экономически обеспечивает господство права, равенство участников производственных отношений, постоянное саморазвитие, основанное на улучшении качества жизни и труда, и повышение уровня благосостояния общества.

Нравственно-этическую основу правового государства составляют общечеловеческие ценности, основанные на принципах справедливости и гуманизма, свободы личности и её равенства перед законом. Конкретно это выражается в использовании демократических методов политико-государственного управления, правосудия и справедливости.

В правовом государстве обязательно соблюдаются определённые гарантии законности, обеспечивающие свободу человека и соблюдение прав и свобод на законных основаниях [4, с. 33].

Таким образом, к важнейшим аспектам взаимодействия институтов гражданского общества и правового государства относятся: хозяйственные, экономические, этнические, семейно-родственные, религиозные, нравственные, правовые отношения. К ним также примыкают опосредованные государством политические отношения между индивидами или свободными личностями, партиями, группами интересов.

В то же время формирование институтов гражданского общества как такового становится необходимым условием демократизации всех форм общественной жизни, сознательно проектируемых в социальную реальность.

Библиографический список

1. Habermas Jürgen. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
2. Длугач Т. Б. Правовое государство без гражданского общества? // Вестник российского философского общества. – 2007. – № 4.
3. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М. : Весь мир, 2003. – 784 с.
4. Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. – 1996. – № 2.
5. Межуев В. М. Гражданское общество и современная Россия // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. – М. : ИФРАН, 2008.

МЕХАНИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЧЕСКАЯ ТЕОРИИ ВЫБОРОВ В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

О. А. Кажанов
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

Summary. The article considers the little-known pages of prehistory of electoral sociology in the 19th century. The author analyzes the existing at that time the theoretical approaches to understanding the mechanism of voting and makes a conclusion about the impact of the organic theory of the election on the creation of sociological concept of electoral behavior in the early 19th century.

Key words: elections, voting behaviour, social and political thought.

Традиционно своеобразной точкой отсчёта в возникновении современной электоральной социологии историки науки называют начало XX века, когда появились первые научные исследования, с разных методологических позиций стремившиеся определить механизм электорального поведения человека. Среди них выделяют работу французского демогеографа А. Зигфрида «Политическая картина Западной Франции в период III Республики» (1913), в которой было предложено на основе анализа данных электоральной статистики выделять специальные «экологические» единицы, представлявшие собой уникальное сочетание природных, экономических, исторических, социокультурных и других факторов, обеспечивавших относительную устойчивость специального распределения электоральных ориентаций или объясняющих характер их эволюции. В двадцатых годах прошлого века в США возникло бихевиористское направление в изучении феномена электорального поведения. С помощью опросных методик исследователи пытались дать ответ на вопрос об элементарной базе выбора голосующего, о факторах, его обуславливающих и мотивирующих. В результате проводимых исследований был разработана первая аналитическая модель, объясняющая специфику электорального выбора – социологическая концепция электорального поведения. Она фиксировала связи между социальной принадлежностью избирателей и их голосованием за тех или иных кандидатов на выборах.

Как и любая наука, электоральная социология возникла не на пустом месте. Интерес исследователей к изучению феномена электорального поведения стал проявляться в XIX веке в связи с быстрым развитием демократических политических институтов в странах формирующего индустриального общества, в том числе и института выборов. Расширение электоральной базы

избирательных кампаний усиливало непредсказуемость результатов голосования и стимулировало изучение мотивационной базы политических предпочтений избирателя, выделение детерминант, влияющих на тип поведения в условиях выборов.

Анализ теоретических работ того времени позволил русскому правоведу и социологу Н. М. Коркунову в конце XIX века выделить два концептуальных подхода к проблеме электорального выбора. Одной из них являлась механическая система выборов, суть которой, по мнению автора, состояла в следующем. «Основой представительства может быть признано или всё население государства, как одна безразличная, неорганизованная масса отдельных личностей, если и разделяемая на группы для избрания представителей, то не по качественным своим различиям, не по различию интересов, а исключительно по численному основанию, на приблизительно равные желанию группы» [1, с. 292]. Единая народная воля, таким образом, механически должна складываться из соединения волей отдельных его представителей. Так как добиться полной унификации индивидуальных мнений на выборах не представлялось возможным, политический выбор большинства рассматривался как наиболее верное отражение общей воли. «Закон большинства есть одна из тех простых идей, – писал французский правовед Ж. Эсмен, – которые заставляют принять себя сразу; он представляет ту черту, что наперёд он никому в частности не благоприятствует и ставит всех вотирующих в одинаковое положение» [5, с. 148].

Индивидуальный электоральный выбор в рамках механической теории выборов рассматривался западными исследователями с позиций ценностно-нормативного подхода, особенно популярного в политической мысли конца XVIII – первой половине XIX века. Этот подход предлагал рассматривать поведение человека на выборах с точки зрения соответствия его нормам морали, справедливости, общего блага. С их учётом вырабатывалась идеальная модель такого поведения, на основе которой оценивалось реальное участие населения в избирательных кампаниях.

В основе ценностно-нормативной модели электорального поведения лежали идеи политического рационализма, согласно которым избиратель должен был строить свой выбор осознанно, руководствуясь государственной целесообразностью как неким моральным «императивом». «При всех политических выборах, даже при всеобщей подаче голосов (и ещё более при ограниченном праве голосования), – указывал в середине XIX века Джон Стюарт Милль, – вотирующий должен считать своей безусловной нравственной обязанностью руководствоваться не личными интересами, а выгодами общества; он дол-

жен подавать свой голос по наилучшему своему разумению точно так, как если бы он был один только избиратель и выборы только от него одного и зависели» [2, с. 145].

В середине XIX века в западном обществе стал набирать популярность новый подход к пониманию сущности электорального выбора. Как указывал Н. Коркунов, в его основе лежала теоретическая посылка о том, что общество не представляет собой лишь внешнее сочетание совершенно однородных индивидов, а является расчленённым, сложным и разнородным целым, состоящим из различных общественных групп со своими особыми интересами, стремлениями, воззрениями [1, с. 292–293]. Представители органической теории выборов (как определял это направление российский учёный) видели в избирателе носителя определённого социального статуса, связывающего на выборах свой личный интерес с общественным через призму интересов общности, к которой он принадлежал. Выявление народного волеизъявления на выборах – это не фиксация большинства однотипных точек зрения относительно того, кто из кандидатов достоин выборной должности, а учёт плюрализма групповых оценок предлагаемых кандидатур.

Критики механической теории выборов указывали на несовершенство мажоритарной избирательной системы, в основе которой лежало выявление большинства одинаковых индивидуальных выборов. Они указывали, что выделение категории «меньшинства» искажало объективность народного волеизъявления на выборах. «При всеобщей подаче голосов, - отмечал бельгийский правовед А. Пренс в своей работе «Демократия и режим парламентаризма» (1884), наступает владычество числа: большинство делается высшим вершителем национальных судеб, а меньшинство остаётся бесправным. Безличная власть абстрактной цифры может позволять себе злоупотребления, ... торжество числа есть отрицание индивидуального права» [Цит. по: 4, с. 134]. Не меньшую опасность представлял и тот факт, что избиратель, осознавший, что его политические предпочтения не разделяются большинством электората, чтобы не попасть впросак, нередко заменял «рациональность» делаемого выбора на «практицизм». Он либо вообще игнорировал участие в голосовании, либо поддерживал мнение большинства, которое искусственно формировалось политическими партиями, идеологически обрабатывавшими население. Негативно оценивая партийно-политическое размежевание электората, один из исследователей сложившейся в то время на Западе модели избирательной системы, американец С. Стерн писал следующее. «Система, которая делит народ на противостоящие партии – выступающие под формальными названиями, преувеличивающими в

глазах людей собственную значимость, стремящиеся возбуждать враждебность там, где в реальности её не существует – является на самом деле препятствием на пути выражения истины и индивидуальных мнений членов, составляющих данную партию» [7, р. 68].

По мнению сторонников органической теории, выявление народного волеизъявления на выборах – это не фиксация большинства однотипных точек зрения относительно того, кто из кандидатов достоин выборной должности, а учёт плюрализма групповых оценок предлагаемых кандидатур.

Основная проблема заключалась в том, что индивид являлся представителем нескольких социальных групп, а значит, на мотивационную базу электорального поведения могли влиять различные статусные интересы, дифференцируя политические ориентации.

Теоретически эта проблема решалась по-разному. Ряд представителей органической теории выборов предлагали выделять основополагающий социальный интерес, который и должен был определять выбор избирателя. Так, консервативные теоретики, будучи противниками демократии и всеобщей подачи голосов, предлагали заменить мажоритарную систему голосования раздельным вотированием социальных групп населения. По мнению уже упоминавшегося выше француза А. Пренса, осуществлять избирательное право гражданин должен в кругу своих естественных союзов и коллегий по разрядам занятий; численность избираемых должна определяться не численностью, а социальным весом группы. Избранные лица должны быть ответственны перед избирателями и по социальному статусу принадлежать к этим группам. Избиратели должны иметь право давать общие инструкции своим представителям. «Можно сказать, – заключает А. Пренс, – что общая подача голосов – это случай, неизвестность, мутный поток, необузданно и дико опрокидывающий всё на своем пути. Голосование коллективных групп – это плодотворные ручьи, с водою чистою и спокойною, движущиеся в нормальном направлении и улучшающие почву» [4, с. 136.].

В другом направлении разрабатывали концепцию доминирующего социального интереса теоретики западного марксизма. Исходя из разработанной теории общественных формаций, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли социально-экономический интерес как базовый фактор формирования электорального выбора, а в основу групповой солидаризации избирателей закладывали классовые предпочтения. Влияние иных социальных интересов (этнических, конфессиональных, половых, возрастных и т. д.) на решение голосующего носило

временный характер и зависело от развития классового самосознания электоральных групп. Сами избирательные кампании основоположники марксизма рассматривали как продолжение политической борьбы классов в рамках определённого правового поля, полагая, что численный рост пролетариата в условиях промышленного переворота со временем неизбежно сделает рабочих-избирателей основной частью электората. Как отмечает Т. Ойзерман, пути перехода к новому социалистическому обществу К. Маркс и Ф. Энгельс связывали не только с идеей насильственной революции, но не отрицали возможность мирного варианта развития событий. Всеобщие политические выборы позволяли ограничивать классовую борьбу правовыми рамками и придавали неизбежному процессу перехода государственной власти в руки пролетариата цивилизованный характер [3, с. 148].

Наконец, либеральная точка зрения в рамках органической теории выборов делала акцент на плюрализме социальных интересов, определявших процесс формирования избирателем политического выбора. Создатель одного из вариантов пропорциональной избирательной системы англичанин Т. Хейр, критикуя использование принципа большинства при определении результатов голосования, отмечал, что деление населения на группы и удовлетворение групповых потребностей есть основа сохраняющейся гармонии и жизненной силы социального порядка [6, р. XII]. Так как в политических настроениях не менее разнообразия, чем в других мотивах человеческого поведения, выборы должны как можно полно представлять это многообразие интересов. Идею множественности социальных интересов как фактора влияния на формирование мотивационной базы индивидуального электорального выбора разделял и М. Коркунов. Критикуя абсолютизацию экономического интереса, которая выражалась в делении избирателей на группы по имущественному цензу, он считал, что она неоправданно усиливает значение лишь одной группы сословий для электорального выбора, затушёвывая влияние других социальных факторов. «Раз избиратели группируются только по различию их имущественного положения, – указывал М. Коркунов, – все другие различия этим самым как бы стираются. Различия в степени образования, в нравственных, религиозных, политических убеждениях по необходимости уступают на задний план» [1, с. 292]. Тем самым подтверждалась мысль о сложности процесса формирования электорального выбора, требовавшего от исследователя выявления не только всех возможных социальных интересов, способных заинтересовать избирателя, но и выделения основного «вектора» их взаимовлияний на лицо, готовящееся к голосованию.

Теория органического голосования оказалась чрезвычайно плодотворной для формирования электоральной социологии в начале XX века. На её основе одной из первых была разработана социологическая концепция электорального поведения, которая связывала социальную принадлежность избирателя с его голосованием за те или иные политические партии. Представители этого подхода анализировали зависимости индивидуального и группового политического выбора от положения человека внутри социальной структуры, от его объективного статусного (экономического, социального, демографического и т. д.) положения, обосновывая свой постулат различного рода эмпирическими исследованиями.

Библиографический список

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т.1. Санкт-Петербург, 1892. - 402 с.
2. Милль, Дж. Ст. Размышления о представительном правлении / Дж.Ст. Милль. – Перепечатка с изд. Яковлева 1863 г. - [Benson] : Chalidre, [1993]. - 263 с.
3. Ойзерман Т. И. Учение К. Маркса и идея насильственной революции //Карл Маркс и современная философия: сб. материалов науч. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса, [23 апр. 1998 г.] / отв. ред. Н. И. Лапин. – М. : Б\и, 1999. – С. 145–158.
4. Слонимский Л. З. Основные вопросы политики. СПб. : М. М. Стасюлевича, 1889. – 389 с.
5. Эмен А. Общие основания конституционного права. – 2-е изд. / пер. с франц. изд. – Санкт-Петербург : О. Н. Попова, 1909. – 449 с.
6. Hare Th. A Treatise on the Election of Representatives, parliamentary and municipal. L., 1859. – 338 p.
7. Sterne S. On representative government and personal representation: based in part upon Thomas Hare' s treatise, entitled “The election of representatives, parliamentary and municipal. Philadelphia : J.V. Lippincott & CO., 1871. – 237 p.

ZÁKONODARNÁ MOC V SLOVENSKEJ A ČESKEJ REPUBLIKE

R. Kucharčík

**Ekonomická univerzita v Bratislave, Bratislava,
Slovenska Republika**

Summary. Czech and Slovak parliaments lost their formal position after changes in 1989. They became real part of the political systems forming their character. Also elections became real ones. Both countries decided to choose parliamentary form of government. It means that legislative is decisive part of the political system. The role of the president in both countries is more representative and ceremonial. But not marginal.

Key words: legislative; president; political system; parliamentary system; election.

Rok 1989 priniesol zásadnú zmenu v činnosti zákonodarných zborov veľkej časti krajín strednej a východnej Európy, Československo nevynímajúc. Parlamenty prestali byť formálnou súčasťou nedemokratických politických systémov.

Každú z krajín V4 označujeme v súčasnosti za parlamentnú demokraciu. Ich parlamenty však majú rozdielnu formu. Zatiaľ čo Slovenská republika a Maďarsko zvolili unikameralizmus, Česká republika a Poľsko sa priklonili k asymetrickému bikameralizmu so slabším postavením Senátu.

Činnosti zákonodarných zborov krajín V4, ich postaveniu v politickom systéme, ich vzťahu k jednotlivým zložkám moci a zloženiu po posledných parlamentných voľbách v každej z krajín (kvôli prehľadnosti sa nebudeme venovať vnútorným štiepeniam strán, čo nie je predmetom nášho článku) sa budeme venovať v dvoch príspevkoch a to predovšetkým analýzou ústav sledovaných krajín¹. V tejto časti sa zameriame na Slovenskú a Českú republiku.

1. Slovenská republika

Všeobecná charakteristika Národnej rady Slovenskej republiky a spôsob jej voľby²

¹ Ústava ČR [online] [cit. 20. 03. 2012]

<http://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html>

Ústava SR [online] [cit. 20. 03. 2012]

http://www.nrsr.sk/web/Static/sk-SK/NRSR/Doc/zd_ustava.pdf

² V súvislosti so slovenskými politickými stranami používame nasledujúce skratky: SMER-SD (Smer – sociálna demokracia), KDH (Kresťanskodemokratické hnutie), OĽaNO (Obyčajní ľudia a nezávislé osobnosti), SDKÚ-DS (Slovenská demokratická a kresťanská únia – Demokratická strana), SaS (Sloboda a solidarita), SNS (Slovenská národná strana), SMK (Strana maďarskej koalície), 99 %-OH (99 % – občiansky hlas),

V Slovenskej republike je zákonodarná moc zverená do pôsobnosti Národnej rady Slovenskej republiky (NR SR). Tá je v zmysle Ústavy SR jediným ústavodarným a zákonodarným orgánom.

Národná rada Slovenskej republiky je uznášaniaschopná, keď je prítomná nadpolovičná väčšina, t.j. 76 poslancov. Na prijatie platného uznesenia NR SR je potrebný vo väčšine prípadov súhlas nadpolovičnej väčšiny prítomných poslancov. V špeciálnych prípadoch, ktorým sa budeme venovať nižšie, je potrebný súhlas kvalifikovanej väčšiny – t.j. 76 alebo 90 poslancov.

Ustanovujúcu schôdza NR SR zvoláva po parlamentných voľbách prezident SR. Urobí tak v zmysle ústavy do 30 dní od vyhlásenia výsledkov volieb. Ak by tak prezident SR neurobil, zide sa novozvolená NR SR tridsiaty deň po vyhlásení výsledkov volieb.

Pôsobnosť NR SR zodpovedá pôsobnosti parlamentu v krajinách s parlamentnou formou vlády. Ide o pôsobnosť v oblasti zákonodarstva, kontroly, parlament má kreačnú pôsobnosť a pôsobnosť v oblasti vnútornej a zahraničnej politiky.

NR SR je 150 členným zákonodarným zborom. Jej členovia sú volení¹ na obdobie štyroch rokov v priamych, tajných a všeobecných voľbách a aktívnym volebným právom disponuje každý občan Slovenskej republiky, ktorý najneskôr v deň konania volieb dosiahol vek 18 rokov. Pasívne volebné právo je podmienené dosiahnutím veku 21 rokov.

Porovnanie volebných výsledkov týchto výsledkov s predchádzajúcimi voľbami sa nachádza v tabuľke 1. Z tabuľky je zrejmé, že slovenský zákonodarný zbor ovládne na nasledujúce (pravdepodobne celé štvorročné) obdobie ľavica reprezentovaná stranou Smer – SD. Tá získala v parlamente väčšinu a obsadila 83 kresiel. Neúspechom skončili voľby pre pravicové strany. Rozprávať o druhej najsilnejšej strane je len technická otázka. Rozdiel medzi výsledkom strany Smer – SD a druhou „najsilnejšou“ parlamentnou stranou – KDH je viac ako 35 %. Rozdiel medzi KDH a „najsilnejšou“ parlamentnou stranou – SaS sú necelé 3%. Strana dvojnásobného premiéra Mikuláša Dzurindu SDKÚ – DS získala v marcových voľbách v roku 2012 len niečo málo cez 6 %. Politologicky zaujímavým je aj výsledok LS-HZDS, strany ďalšieho bývalého premiéra Vladimíra Mečiara. Tá neoslovila ani 1% voličov. Ide pritom o politickú stranu, ktorá bola od roku 1992 do roku 2002 víťazom štyroch parlamentných volieb v rade. Parlament opustila SNS. Tá čiastočne utrpela aj vylúčením Anny Belousovej zo

LS-HZDS (Ľudová strana – Hnutie za demokratické Slovensko), NaS-NŠ (Národ a spravodlivosť – naša strana).

¹ Bližšie pozri: *Zákon č. 333/2002 Z.z. o voľbách do Národnej rady Slovenskej republiky*

strany v roku 2010. Anna Belousová sa následne o podporu voličov uchádzala s vlastnou politickou stranou Národ a spravodlivosť – naša strana. Výraznejšie sa však nepresadila.

V prípade volieb do NR SR využíva Slovenská republika pomerný volebný systém. Kvórum pre vstup do parlamentu je pre jednotlivú politickú stranu stanovené na 5 %. Ak sa o hlasy voličov uchádza koalícia dvoch alebo troch strán, je posunutá na 7%. Ak kandidujú spoločne štyri a viaceré politické strany, je to 10%. Slovenská republika predstavuje pri voľbách do NR SR jeden volebný obvod (pôvodne tvorila Slovenska republika štyri volebné obvody; návrat k tomuto systému, resp. posun k systému ôsmich volebných obvodov bude pravdepodobne jednou z tém spojených s prípadnou novelizáciou volebného zákona)¹. Svoje preferencie volič vyjadruje prostredníctvom tzv. prednostných hlasov. Každý volič disponuje hlasmi štyrmi. Tie sa do úvahy berú v prípade, ak daný kandidát získal aspoň 3 % z počtu hlasov, ktoré získala politická strana, na kandidátke ktorej sa o podporu voličov uchádzal (voliči v Slovenskej republike túto možnosť využívajú od volieb k voľbám častejšie).

Právom uchádzať sa o hlasy voličov v prípade volieb do NR SR nedisponuje automaticky každá politická strana. Jednou zo základných podmienok je uhradenie volebnej kaucie vo výške 16 596 eur. Volebná kaucia sa politickej strane vráti len v tom prípade, že vo voľbách získa aspoň 2 % z platných hlasov.

Volebný zákon myslí aj na občanov Slovenskej republiky, ktorí sa v deň konania volieb nenachádzajú na území štátu. Týmto je umožnené využiť hlasovanie poštou – nezávisí pritom, či v cudzine majú alebo nemajú trvalý pobyt. Volebný zákon predpokladá obe alternatívy.

¹ O téme pozri napr.: Klus, M.: Existuje ideálny model zmeny volebnej legislatívy v Slovenskej republike?, in: Koprla, M. (ed.): *Volebné zákony v podmienkach Slovenskej republiky*. Acta Universitatis Sanctorum Cyrilli et Methodii Tyrnaviae Res Publica 2011. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2011, str. 11–19.

Politická strana	Počet mandátov (voľby 2010)	Počet mandátov (voľby 2012)	Rozdiel 2010 vs 2012
Smer - SD	62	83	+21
KDH	15	16	+1
OLaNO ¹	0	16	+16
Most-Híd	14	13	-1
SDKÚ-DS	28	11	-17
SaS	22	11	-11
SNS	9	0	-9

Zdroj:

Štatistický úrad SR[online] [cit. 20. 03. 2012]
<http://portal.statistics.sk/showdoc.do?docid=4>
Legislatívny proces

Pôsobnosť v oblasti zákonodarstva zahrňuje schvaľovanie zákonov rôzneho typu a to či už bežných alebo ústavných. Na schválenie skupiny tých prvých stačí súhlas väčšiny prítomných poslancov uznášaniashopnej NR SR. Situácia sa mení vo chvíli, ak sa prezident rozhodne zákon nepodpísať a využije svoje právo vrátiť zákon s pripomienkami do 15 dní odo dňa jeho doručenia. NR SR je povinná opätovne sa zákonom zaoberať a má dve možnosti – buď akceptuje pripomienky prezidenta, alebo schváli zákon v pôvodnom znení. V druhom prípade je ale na prelomenie veta prezidenta potrebný súhlas nadpolovičnej väčšiny všetkých, t.j. minimálne 76 poslancov. V prípade schvaľovania ústavy, schválenia jej zmeny, schválenia ústavných zákonov, ako aj časti medzinárodných zmlúv (čl. 7 ods. 2 Ústavy SR)² je nevyhnutná podpora trojpätinovej väčšiny poslancov (prezident tento typ zákonov vetovať nemôže). Súhlas rovnakého počtu poslancov je potrebný pri vypovedaní vojny inému štátu. Ostatným prípadom sa bude venovať ďalšia časť textu.

Právom zákonodarnej iniciatívy disponujú v Slovenskej republike výbory NR SR, poslanci NR SR a vláda SR.

Kontrolná funkcia Národnej rady Slovenskej republiky

Kontrolu vykonáva NR SR predovšetkým voči vláde SR. Prvým stretom medzi parlamentom a vládou je schvaľovanie programového vyhlásenia vlády SR. Každá novovymenovaná vláda je podľa slovenskej ústavy povinná predstúpiť do 30 dní od svojho

¹ Volební lídri strany OLaNO kandidovali v predchádzajúcich parlamentných voľbách na kandidátke strany SaS.

² Na vyslovenie súhlasu s medzinárodnými zmluvami podľa článku 7 ods. 3 a 4 Ústavy SR je potrebný súhlas nadpolovičnej väčšiny všetkých poslancov.

vymenovania pred NR SR a požiadať ju o vyjadrenie dôvery. Parlament v tomto procese schvaľuje jej programové vyhlásenie.

NR SR má oprávnenie vysloviť nedôveru ktorémukoľvek členovi vlády, resp. vláde ako celku (návrh iniciuje minimálne pätina poslancov a s návrhom musí súhlasiť nadpolovičná väčšina všetkých poslancov). V prípade vyslovenia nedôvery prezident príslušného člena vlády odvolá. Ak je nedôvera vyslovená predsedovi vlády, odvolá prezident celú vládu.

Na strane druhej má vláda možnosť overiť svoju dôveru v parlamente tým, že požiada NR SR o vyslovenie dôvery. Nátlak na parlament môže vláda uskutočniť tak, že spojí prijímanie akéhokoľvek (vrátane nepopulárneho a kontroverzného) zákona práve s otázkou dôvery. Efektívnosť takého kroku je však otázna najmä vtedy, ak je vláda zložená z väčšieho počtu strán, resp. je parlamentná väčšina krehká. Príkladom je nevysslovenie dôvery vláde Ivety Radičovej NR SR 11. októbra 2011. Iveta Radičová spojila schválenie tzv. eurovalu s vyslovením dôvery vláde a neuspela.

Parlament vykonáva kontrolu voči vláde aj prostredníctvom interpelácií, resp. hodiny otázok.

Kreačná pôsobnosť Národnej rady Slovenskej republiky

Kreačná pôsobnosť parlamentu sa týka tak kreovania inštitúcií v rámci samotnej NR SR, ako aj iných štátnych orgánov. Do tejto skupiny právomocí patrí napr. voľba predsedu a podpredsedov NR SR, zriaďovanie výborov NR SR, zriaďovanie ministerstiev, voľba troch členov Súdnej rady SR, voľba a odvolávanie predsedu a podpredsedu Najvyššieho kontrolného úradu, návrh na členov Ústavného súdu SR¹ (NR SR predkladá prezidentovi dvojnásobný počet kandidátov, ako je počet sudcov, ktorých má prezident vymenovať), návrh kandidáta na generálneho prokurátora (toho vymenúva prezident), voľba verejného ochrancu práv.

Vzťah medzi Národnou radou Slovenskej republiky a prezidentom²

Okrem vyššie uvedeného (právo veta, zvolávanie ustanovujúcej schôdze NR SR) je nevyhnutné pri vzťahu medzi prezidentom a Národnou radou Slovenskej republiky uviesť aj ďalšie príklady. Ústava SR predpokladá štyri možnosti, keď má prezident SR právo

¹ K vzťahu medzi NR SR a Ústavným súdom SR treba ešte dodať, že NR SR je jedným z oprávnených subjektov, na návrh ktorých Ústavný súd SR začína konanie. Konkrétne v tomto prípade ide o návrh minimálne päťiny poslancov NR SR.

² Prezident Slovenskej republiky bol pôvodne volený NR SR a tu ústavnou väčšinou. Jediným nepriamo zvoleným prezidentom v ére samostatného Slovenska bol po roku 1993 Michal Kováč. Novelizáciou ústavy v roku 1998 bola nepriama voľba prezidenta zmenená na priamu. Prvým takto zvoleným prezidentom sa stal v roku 1999 Rudolf Schuster.

NR SR rozpustiť. Sú to v zmysle článku 102 Ústavy SR nasledujúce eventuality:

- NR SR v lehote šiestich mesiacov od vymenovania vlády SR neschválila programové vyhlásenie vlády,
- NR SR sa do troch mesiacov neuznesie o vládnom návrhu zákona, s ktorým vláda spojila vyslovenie dôvery,
- NR SR nie je dlhšie ako tri mesiace spôsobilá uznávať sa a jej zasadanie nebolo prerušené a bola opakovane zvolávaná na schôdzu, zasadanie NR SR bolo prerušené na dlhší čas, ako povoľuje ústava (t.j. na viac ako 120 dní).

Z ďalších prípadov vymedzujúcich vzťah prezidenta a NR SR spomeňme nasledujúce: je v právomoci NR SR iniciovať ľudové hlasovanie o odvolaní prezidenta. Na prijatie takéhoto uznesenia je potrebný súhlas trojpätinovej väčšiny všetkých poslancov. Za odvolanie prezidenta sa v tomto prípade musí vysloviť nadpolovičná väčšina všetkých oprávnených voličov. Ak sa tak nestane, prezident rozpustí NR SR a jemu začne plynúť nové funkčné obdobie.

NR SR rozhoduje aj o prípadnej obžalobe prezidenta. S obžalobou musí aj v tomto prípade súhlasiť trojpätinová väčšina všetkých poslancov. O obžalobe následne v pléne rozhoduje Ústavný súd SR.

Poslanci NR SR majú právo navrhnúť kandidáta na funkciu prezidenta SR. Aby bol ich návrh platný, je nevyhnutná podpora pätnástich z nich.

Prezident SR podáva NR SR správu o stave republiky (prezident SR tradične vystupuje pred NR SR jedenkrát ročne).

Je to práve predseda NR SR, ktorý v prípade, že prezident nemôže dočasne vykonávať svoju funkciu, vykonáva niektoré právomoci prezidenta (časť právomocí prechádza na predsedu vlády, resp. vládu SR). Predseda NR SR v tom čase zodpovedá napr. za zvolávanie ustanovujúcej schôdze NR SR, vymenovanie, resp. odvolanie členov vlády, vypovedanie vojny na základe uznesenia NR SR, vymenovanie a odvolanie sudcov Ústavného súdu SR, celý rad iných menovacích právomocí a i. Tieto právomoci predseda NR SR vykonáva aj v prípade, ak nie je post prezidenta obsadený alebo sa predčasne uvoľní. Predseda NR SR takisto vyhlasuje voľby prezidenta SR.

Na čele Národnej rady Slovenskej republiky stojí v súčasnosti Pavol Paška.

2. Česká republika

Všeobecná charakteristika parlamentu Českej republiky a spôsob jeho voľby¹

Český parlament prišiel v roku 2012 novelizáciou ústavy o jednu zo svojich právomocí na výkone ktorej sa podieľali obe komory parlament – išlo o voľbu prezidenta ČR. Nástupca Václava Klauza v prezidentskej funkcii Miloš Zeman už nebol volený v nepriamych voľbách parlamentom, ale v priamych voľbách občanmi Českej republiky. Česká republika sa tak stala treťou krajinou v rámci V4, ktorej občania volia prezidenta priamo.

Parlament Českej republiky je, ako už bolo napísané, dvojkomorový. Je zložený z Poslaneckej snemovne a Senátu. Z hľadiska ich vzájomného vzťahu je význam Poslaneckej snemovne v politickom systéme Českej republiky výraznejší, to ale neznamená, že Senát hrá len nepodstatnú úlohu.

Spôsob voľby jednotlivých komôr parlamentu Českej republiky je rozdielny a rozdielne je aj ich zloženie. Senát pozostáva z 81 senátorov, ktorí sú volení väčšinovým volebným systémom v jednomandátových volebných obvodoch. Funkčné obdobie Senátu je šesťročné a každé dva roky sa volí tretina senátorov. Každý uchádzač o funkciu senátora zloží pred voľbami kauciu vo výške 20 000 českých korún. Tá sa mu vráti v prípade, že získal aspoň 6% hlasov. Volebný zákon upravujúci voľby do Senátu predpokladá dve kola volieb. V prvom kole sa víťazom stane ten z kandidátov, ktorý získa viac ako 50% platných odovzdaných hlasov. Ak sa to žiadnemu z kandidátov nepodarí, nasleduje kolo druhé. V tom sa víťazom stáva ten z dvojice najúspešnejších uchádzačov z kola prvého, ktorý získal viac hlasov. Senátorom sa môže stať len občan Českej republiky, ktorý dosiahol vek najmenej 40 rokov.

Poslanecká snemovňa je zložená z 200 poslancov. Snemovňa je volená pomerným volebným systémom a kvórum je stanovené na 5%. V prípade koalície 2 strán je to 10%, troch 15% a štyroch a viacerých 20%. Politická strana spoločne s kandidátnou listinou predloží potvrdenie o zaplatenie príspevku vo výške 15 000 českých korún určeného na uhradenie volebných nákladov a to vo všetkých volebných krajoch, v ktorých kandiduje. Na rozdiel od Slovenskej republiky však Česko nie je jedným volebným obvodom. Česká republika je rozdelená na 14 volebných obvodov (počet je zhodný s počtom krajov). Volič môže na kandidátke pre politickú stranu

¹ V súvislosti s českými politickými stranami používame nasledujúce skratky: ODS (Občianskodemokratická strana), ČSSD (Česká strana sociáldemokratická), KSČM (Komunistická strana Čiech a Moravy), KDÚ-ČSL (Kresťanskodemokratická únia – československá strana ľudová), SZ (Strana zelených), VV (Veci verejné), SPO-Zemanovci (Strana práv občanov - Zemanovci).

vyznačiť dva preferenčné hlasy. Tie sa kandidátovi zarátavajú v prípade, že získal aspoň 7 % z počtu hlasov odovzdaných pre politickú stranu v kraji, v ktorom kandiduje. Poslancom sa môže stať len občan Českej republiky, ktorý dosiahol vek 21 rokov. Funkčné obdobie Poslaneckej snemovne sú štyri roky. Ustanovujúcu schôdzu Poslaneckej snemovne zvoláva prezident do 30 dní po voľbách. Ak by tak prezident neurobil, snemovňa sa na tridsiaty deň zide sama.¹

Tabuľka 2 znázorňuje zmenu v zložení Poslaneckej snemovne po voľbách v 2010 (porovnáva sa výsledok s rokom 2006). V Poslaneckej snemovni sa nachádzali dve nové politické strany - TOP 09, ktorá sa pravdepodobne na českej politickej scéne aspoň pre tento čas etablovala a Veci verejné, ktoré, naopak čaká v budúcich parlamentných voľbách (v prípade, že strana nenájde tému, ktorou opätovne osloví verejnosť a neprejde vnútornou konsolidáciou) skôr volebný neúspech. Tak TOP 09, ako aj Veci verejné získali podporu na úkor dvoch najsilnejších českých politických strán ODS a ČSSD. Z výsledkov je zrejmé, že po parlamentných voľbách ostala pred bránami parlamentu tradičná česká politická strana KDÚ-ČSL. Volebný úspech z roku 2006 sa zase nepodaril zopakovať Strane zelených.

Tabuľka 2

Politická strana	Počet mandátov v Poslaneckej snemovni (voľby 2006)	Počet mandátov v Poslaneckej snemovni (voľby 2010)	Rozdiel 2006 vs 2010
ČSSD	74	56	-18
ODS	81	53	-28
TOP 09	0	41	+41
KSČM	26	26	0
VV	0	24	+24
KDÚ-ČSL	13	0	-13
SZ	6	0	-6

Zdroje:

Volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky konané ve dnech 2. – 3.6.2006[online] [cit. 20. 03. 2012]
<http://www.volby.cz/pls/ps2006/ps>

¹ Bližšie o voľbách pozri: *Zákon 247/1995 Sb. o volbách do Parlamentu České republiky a o změně a doplnění některých dalších zákonů*[online] [cit. 20. 03. 2012]
<http://www.psp.cz/docs/texts/1995-247.html>

Poslanec ale aj senátor českého parlamentu môže byť zároveň členom vlády. Podobnú úpravu z krajín V4 prijala aj Poľská republika. Poslanec a senátor, ktorý členom vlády je, nemôže byť členom predsedníctva parlamentu, členom parlamentných výborov a vyšetrovacích komisií.

Legislatívny proces

Právo zákonodarnej iniciatívy v Českej republike majú poslanci (aj jednotliví), Senát, vláda a zastupiteľstvo územného samosprávneho celku. Výnimkou je návrh zákona o štátnom rozpočte a návrh štátneho záverečného účtu. Iniciátorom oboch je výlučne vláda a prejednávajú sa len v Poslaneckej snemovni. V ostatných prípadoch postupuje návrh zákona Poslanecká snemovňa potom, ako ho prerokuje Senátu. Ten sa k zákonu vyjadruje do 30 dní. Ak tak neurobí, považuje sa príslušný návrh za schválený. V prípade, že Senát zákon zamietne, alebo k nemu pridá pozmeňovacie návrhy, s ktorými Poslanecká snemovňa nesúhlasí, je príslušný návrh platný vtedy, ak ho opätovne schváli Poslanecká snemovňa nadpolovičnou väčšinou všetkých poslancov. Ak s pozmeňovacími návrhmi Senátu Poslanecká snemovňa súhlasí, stačí pri opätovnom prerokovaní pripomienok súhlas väčšiny uznášania schopnej Poslaneckej snemovne.

Ústava Českej republiky však definuje prípady, keď musí byť príslušná legislatíva schválená v oboch komorách parlamentu. Ide napr. o ratifikáciu spojeneckých, mierových a politických medzinárodných zmlúv, tých ktoré upravujú práva a povinnosti osôb, tých, ktorými vzniká Českej republike členstvo v medzinárodnej organizácii, resp. hospodárskych zmlúv, ktoré sú všeobecnej povahy. Rovnako je tomu v prípade prijímania volebného zákona, zákona, ktorý upravuje rokovací poriadok a zákona, ktorý upravuje styk oboch komôr parlamentu.

Významnejšie postavenie v legislatívnom procese získava Senát vtedy, keď dôjde k rozpusteniu Poslaneckej snemovne. Senát má v tom prípade právo prijímať na návrh vlády tzv. zákonné opatrenia. Senát ale nezískava oprávnenie novelizovať ústavu, schvaľovať štátny rozpočet, štátny záverečný účet, resp. niektoré typy medzinárodných zmlúv. Príslušné zákonné rozhodnutia Senátu musí na svojej prvej schôdzi schváliť novozvolená Poslanecká snemovňa. Inak strácajú platnosť.

Ako sme už naznačili vyššie, jednoduchá väčšina sa v českom parlamente dosahuje z tretiny členov jednotlivých komôr. Samozrejme, existujú prípady, keď sa požadované minimum

prítomných poslancov zvyšuje. Je tomu v prípade prijatia uznesenia týkajúceho sa súhlasu s vyslaním ozbrojených síl mimo územia Českej republiky ale aj súhlasu s pobytom ozbrojených síl iného štátu na území Českej republiky. V tejto situácii sa požaduje súhlas nadpolovičnej väčšiny všetkých poslancov a nadpolovičnej väčšiny všetkých senátorov. Rovnaký počet sa týka uznesenia o účasti Českej republiky v obranných systémoch medzinárodnej organizácie, ktorej členom krajina je.

Trojpäťtinový súhlas sa v oboch komorách parlamentu vyžaduje na prijatie ústavného zákona, novelizáciu ústavy a na súhlas s niektorými medzinárodnými zmluvami.

Do legislatívneho procesu vstupuje svojim podpisom aj prezident. Ten disponuje právom veta (to sa netýka ústavných zákonov) a môže zákon do 15 dní vrátiť s pripomienkami na opätovné prerokovanie. O vrátenom zákone hlasuje Poslanecká snemovňa opätovne. Na prelomenie veta prezidenta je potrebný súhlas nadpolovičnej väčšiny všetkých poslancov.

Ústava Českej republiky sa osobitne nevenuje inštitútu referenda. Článok 2 ústavy pripúšťa možnosť vykonávania štátnej moci ľuďom a to po prijatí špeciálneho ústavného zákona. V Českej republike takáto situácia na celoštátnej úrovni nastala len raz a to v roku 2003, keď sa uskutočnilo referendum o vstupe krajiny do Európskej únie (príslušný ústavný zákon bol prijatý o rok skôr).

Kontrolná funkcia Poslaneckej snemovne

Kontrolná funkcia parlamentu voči vláde vyplýva najmä z toho, že v zmysle českej ústavy je vláda zodpovedná Poslaneckej snemovni. Vláda je zároveň povinná do 30 dní po svojom menovaní predstúpiť pred Poslaneckú snemovňu a požiadať ju o vyslovenie dôvery. Poslanecká snemovňa disponuje právom vysloviť vláde kedykoľvek nedôveru. Príslušný návrh musí podporiť minimálne 50 poslancov. Nedôvera je vláde vyslovená vtedy, ak sa za ňu vysloví nadpolovičná väčšina všetkých poslancov, t.j. minimálne 101 poslancov. Vláda môže kedykoľvek požiadať parlament o vyslovenie dôvery.

Poslanci českého parlamentu disponujú podobne ako poslanci NR SR právom interpelovať člena vlády. Ten je povinný na interpeláciu do 30 dní odpovedať. Člen vlády Českej republiky je navyše povinný sa zúčastniť na schôdzi Poslaneckej snemovne, na rokovaní jej výborov a akýchkoľvek komisií, keď je o to uznesením požiadaný.

Ústava Českej republiky pripúšťa možnosť zriadenia vyšetrovacích komisií Poslaneckou snemovňou a to pre vyšetrovanie vecí verejného záujmu. Zriadenie takejto komisie musí iniciovať minimálne pätina poslancov.

Kreačná a volebná funkcia parlamentu

Český parlament sa podieľa tak na tvorbe vlastných orgánov (predsedníctva, výbory), ako aj iných ústavných orgánov Českej republiky.

Ako sme už naznačili vyššie, Česká republika volila v minulosti svojho prezidenta nepriamo a bol to parlament, ktorý hlavu štátu vyberal. Tento spôsob voľby sa týkal tak Václava Klauza, ako aj jeho predchodcu Václava Havla. Navrhovať kandidáta do funkcie prezidenta mohlo minimálne desať poslancov alebo desať senátorov. Oba boli parlamentom zvolení po dvakrát.

Ústava predpokladala tri kola volieb. V prvom kole bol zvolený ten z kandidátov, ktorý získal nadpolovičnú väčšinu hlasov všetkých poslancov, ale aj všetkých senátorov. Ak sa to žiadnemu z kandidátov nepodarilo, nasledovalo druhé kolo, do ktorého postúpil kandidát, ktorý získal najviac hlasov v Poslaneckej snemovni a kandidát s najväčším počtom hlasov v Senáte. Na víťazstvo v tomto prípade stačila väčšina hlasov prítomných členov parlamentu v každej z jeho komôr. V prípade neúspechu nasledovalo tretie kolo, keď kandidát musel získať nadpolovičnú väčšinu hlasov prítomných členov parlamentu. Ak by opätovne žiaden z kandidátov neuspel, nasledovali nové voľby. V prípade voľby prezidenta sa obe komory českého parlamentu stretávali na spoločnej schôdzi.

Z iných kreačných, resp. volebných právomocí parlamentu spomeňme nasledovné: Poslanecká snemovňa navrhuje prezidentovi republiky kandidátov na post prezidenta a viceprezidenta Najvyššieho kontrolného úradu, Poslanecká snemovňa na návrh Senátu volí verejného ochrancu práv. Senát navyše dáva prezidentovi republiky súhlas na menovanie sudcov Ústavného súdu.

Vzťahy medzi prezidentom a parlamentom

Okrem práva veta, ktorým disponuje prezident Českej republiky, resp. voľby prezidenta parlamentom v minulosti, vymedzujú vzťah medzi prezidentom a parlamentom aj ďalšie prípady. Prezident Českej republiky disponuje napr. právom rozpustiť Poslaneckú snemovňu českého parlamentu¹. Urobiť tak môže v týchto prípadoch:

- ak Poslanecká snemovňa nevyslovila dôveru novovymenovanej vláde a predseda tejto vlády bol menovaný prezidentom na návrh Poslaneckej snemovne,
- ak sa Poslanecká snemovňa neuznesie do troch mesiacov na návrhu zákona, s prerokovaním ktorého vláda spojila otázku dôvery,
- ak bolo zasadnutie Poslaneckej snemovne prerušené na dlhšiu dobu, ako je prípustné (ústava pripúšťa maximálne 120 dní),

¹ Skrátenie volebného obdobia Senátu možné nie je.

- ak nebola Poslanecká snemovňa dlhšie ako tri mesiace schopná uznášať sa a jej zasadnutie nebolo prerušené a bola opakovane zvolávaná na schôdzu.

Prezident Českej republiky rozpustí Poslaneckú snemovňu vždy, ak mu to Poslanecká snemovňa navrhne uznesením trojpäťinovej väčšiny poslancov.

Právo rozpustiť Poslaneckú snemovňu nemôže prezident využiť v období, ktoré je kratšie ako tri mesiace pred skončením jej volebného obdobia.

V súvislosti so vzťahom medzi parlamentom a prezidentom je na mieste zdôrazniť ešte nasledovné:

- prezident Českej republiky má možnosť zúčastňovať sa na rokovaní ktorejkoľvek komory parlamentu, resp. na rokovaní ich výborov a komisií,

- prezident vyhlasuje voľby do Poslaneckej snemovne a Senátu,

- prezident zvoláva zasadnutia Poslaneckej snemovne,

- Senát disponuje právom obžalovať prezidenta za vlastizradu (rozhoduje Ústavný súd) ,

- predseda Poslaneckej snemovne vykonáva niektoré z právomoci prezidenta, ak tento dočasne nemôže vykonávať svoju funkciu, resp. ak sa úrad prezidenta predčasne uvoľní, príp. nie je úrad prezidenta ešte obsadený. Ide o tieto právomoci: menovanie a odvolávanie predsedu a ďalších členov vlády, zvolávanie zasadnutí Poslaneckej snemovne, rozpúšťanie Poslaneckej snemovne, menovanie sudcov Ústavného súdu, menovanie členov Bankovej rady a pod. V prípade, že je v tomto čase Poslanecká snemovňa rozpustená, vykonáva tieto právomoci predseda Senátu.

Na čele Poslaneckej snemovne stála pred voľbami v roku 2013 Miroslava Němcová. Predsedom Senátu bol v roku 2013 Milan Štěch.

Zoznam použitej literatúry

1. Csányi, P.: Political Systems of Central European Countries – The Founding of Democracy in This Area. In: Journal of Comparative Politics. Brno, roč.1, č. 1/2008, s. 73–97.
2. Hrdličková, B.: Pravicové reformy pod taktovkou socialistu. In: Cabada, L. a kol. 2008. Komparace politických systémů. Nové demokracie střední a východní Evropy. Praha : Slon, 2008, s. 66–88.
3. Klus, M.: Existuje ideálny model zmeny volebnej legislatívy v Slovenskej republike?, in: Koprla, M. (ed.): Volebné zákony v podmienkach Slovenskej republiky, Acta Universitatis Sanctorum Cyrilli et Methodii Tyrnaviae Res Publica 2011, Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2011, str. 11–19.
4. Kubát, M.: Politický a ústavní systém Třetí republiky. In: Cabada, L. a kol.: Komparace politických systémů. Nové demokracie střední a východní Evropy. Praha : Slon, 2008.

5. Mikulčíková, A. - Kulašik, P.: Political System of the Countries of Visegrád Three (Czech Republic, Poland and Hungary). Banská Bystrica : Fakulta politických vied a medzinárodných vzťahov UMB, 2007.
6. Národná rada Slovenskej republiky [online] [cit. 20. 03. 2012]
7. www.nrsr.sk
8. Senát Parlamentu České republiky [online] [cit. 20. 03. 2012]
9. <http://www.senat.cz/>
10. Štatistický úrad SR [online] [cit. 20. 03. 2012]
11. <http://portal.statistics.sk/showdoc.do?docid=4>
12. Štrauss, D.: Štát a občianska spoločnosť v čase hospodárskej krízy. In: Tóth Rastislav, Szarková Miroslava, Kucharčík Rudolf (eds.): Občianska spoločnosť v transformujúcich sa krajinách. Malacky, 2009.
13. Ústava ČR [online] [cit. 20. 03. 2012]
14. <http://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html>
15. Ústava SR [online] [cit. 20. 03. 2012]
16. http://www.nrsr.sk/web/Static/sk-SK/NRSR/Doc/zd_ustava.pdf
17. Volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky konané ve dnech 2. - 3.6.2006 [online] [cit. 20. 03. 2012]
18. <http://www.volby.cz/pls/ps2006/ps>
19. Volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky konané ve dnech 28.05. – 29.05.2010 [online] [cit. 20. 03. 2012]
20. <http://www.volby.cz/pls/ps2010/ps>
21. Zákon č. 333/2002 Z.z. o volbách do Národnej rady Slovenskej republiky
22. Zákon 247/1995 Sb. o volbách do Parlamentu České republiky a o změně a doplnění některých dalších zákonů [online] [cit. 20. 03. 2012]
23. <http://www.psp.cz/docs/texts/1995-247.html>

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т. В. Бутова, И. А. Щукин
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия

Summary. This article deals with the main aspects of the SMART-technologies' method. The paper includes information concerning the system of SMART-technologies. Moreover, this article describes the KPI-system of the effective management at the public administration, difficult aspects and ways of solving various problems.

Key words: SMART-technologies; KPI- system; public administration; goals and objectives of the effective management.

Одним из методов повышения эффективности государственного управления является внедрение SMART-технологий. Под данными разработками следует понимать технику (стандарт) постановки целей и задач, включающую следующие неотъемлемые признаки:

1) конкретность (**S**pecific) – цель формулируется таким образом, чтобы она была максимально конкретной и ясной. Если предполагается её достижения группой или организацией, то это правило распространяется на всех членов команды. При этом цель должна носить позитивный, а не деструктивный характер и быть направленной на созидание, а не на разрушение, на движение к чему-то, а не от чего-то;

2) измеримость (**M**easurable) – цель должна ставиться таким образом, чтобы была возможность понять текущее положение и положение цели. Отсутствие измеримости ведет к неправильной постановке ориентиров и неверному выбору методов достижения цели;

3) достижимость (**A**chievable) – цель может быть сколько угодно сложной, но реалистичной. Для достижения цели возникает необходимость правильной оценки и расстановки ресурсов: человеческих, экономических, временных и т. д.;

4) реальность (**R**elevant) – цель должна быть увязана в конкретный контекст имеющейся ситуации и не нарушать баланс с другими целями и приоритетами;

5) определенность во времени (**T**imebound) – одной из важных составляющих постановки цели является определение сроков ее достижения. Постановка сроков во многом будет определять стратегию и тактику достижения поставленной задачи.

Основным инструментом, используемым в SMART-технологиях, является система KPI (Key Performance Indicators), помогающая определять возможность достижения целей, выступающая своеобразным инструментом управления по целям.

В настоящее время ключевые показатели эффективности в управлении персоналом государственных структур – один из передовых инструментов управления [2]. Но в России практика использования подобных методов достаточно нова. Успешная реализация государственной стратегии развития нуждается в повышении эффективности управления на всех уровнях государственной власти. В этой связи важнейшей задачей является создание системы показателей эффективности деятельности конкретных субъектов (министерств, ведомств, отдельных государственных служащих), которая должна быть интегрирована в стратегию развития государственной службы.

KPI – это количественные параметры, заранее выявленные, согласованные и отражающие главные факторы успеха ведомства или министерства. Эти показатели включают в себя результативность работы государственных структур, их подразделений, эффективность работы государственных служащих. Актуальность применения технологии KPI обусловлена необходимостью формирования понятной и прозрачной для общества

системы показателей эффективности работы государственных служащих.

Основными целями внедрения ключевых показателей эффективности в государственном секторе являются: стимулирование эффективности и качества работы органов, их подразделений и отдельных служащих; анализ соответствия функций служащих общественным потребностям; создание системы обратной связи чиновников с потребителями государственных услуг; повышение прозрачности деятельности государственных органов [4].

Внедрение КРІ позволяет увеличить контроль за деятельностью государственных служащих со стороны общества благодаря выстраиванию эффективной системы управления, направленной на результат, который должен быть обозначен в рамках измеримых обществом целей, поставленных Правительством РФ перед государственными служащими [1].

Внедрение технологии КРІ позволяет определить результативность ведомств и министерств, их подразделений и отдельных работников. Технология КРІ основывается на стратегических целях государства в области управления кадрами, под которые подводятся конкретные показатели на заданный период времени. При этом цели, как и наборы показателей, могут меняться. Понятие эффективности формируется с помощью таких показателей, как рейтинги органов власти, доля выполненных в установленный срок заданий и поручений, доля государственных служащих, повышенных в должности по итогам аттестации, отношение суммы выплаченной премии к штатной численности, соотношение расходов на государственное управление и осуществляемых им функций [3].

Однако существует ряд проблем, связанных с управлением кадрами государственной службы:

1) недостаточная квалификация. Государственные служащие часто не в состоянии решать задачи, которые ставит перед ними общество, особенно в условиях реформирования системы государственного управления. Сказываются недостаток профильного образования и опыта, нехватка профессиональных знаний, умений и навыков, низкий уровень владения компьютерными технологиями и иностранными языками;

2) проблема корпоративной культуры государственной службы. Ценности и нормы, морально-этические установки управленцев часто несовместимы с представлением об эффективной государственной службе. Таким образом, с одной стороны, государственные служащие, как правило, не удовлетворены положением дел, с другой стороны, они же негативно воспринимают любые изменения;

3) привлекательность государства как работодателя на рынке труда. Труд государственного служащего существенно недооценен, особенно среднего руководящего состава органов власти. Согласно Указу Президента РФ от 10.04.2004 3 519 «О совершенствовании оплаты труда лиц, замещающих отдельные государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих отдельные должности федеральной государственной службы» размер денежного содержания гражданских служащих был увеличен. Тем не менее для квалифицированных специалистов он по-прежнему оставался явно занижен по сравнению с аналогичными позициями в бизнес-структурах.

Решение описанных проблем предполагает следующие направления действий:

- разработка и внедрение кадровой технологии KPI в государственную кадровую стратегию;
- реализация единой кадровой политики с использованием ключевых показателей эффективности;
- модернизация кадровых служб государственных органов;
- реформирование системы оплаты труда государственных служащих на основании ключевых показателей эффективности.

На данный момент ключевые показатели эффективности используются в ряде министерств и ведомств и являются одним из возможных эффективных вариантов оценки работы государственных служащих. Оценка деятельности службы персонала государственных структур базируется на определении того, насколько кадровая составляющая способствует достижению целей организации и выполнению соответствующих задач. Результаты оценки служат итоговыми индикаторами, фокусирующими внимание на основных проблемах, и помогают вовремя скорректировать выявленные несоответствия.

Библиографический список

1. Бурганова Э. О. Внедрение ключевых показателей эффективности // Персонал Микс. – 2005. – № 6.
2. Мейер М. В. Оценка эффективности бизнеса / пер. с англ. – М. : Изд-во «Вершина», 2008.
3. Широкова Г. В. Управление организационными изменениями. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007
4. Introducing KPI in the government sector. Possible futures for the HR functions. David Owens and Anne Keegan, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. В. Бутова, М. В. Елесина
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия

Summary. The political and socio-economic reforms in Russian is entailing a major overhaul of public relations prevailing in the country by the end of XX - beginning of XXI century. That relations are characterized by the absence of a stable functioning system of interaction between authorities and public entities and underdeveloped civil society. In this connection, the problem of understanding of power and society in the process of formation of a civil society is becoming one of the most pressing.

Key words: interaction; strategy; civil society; communication.

Стратегией развития России до 2020 года [4], Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации [3], Государственной программой «Информационное общество (2011–2020 годы)» [2] определена особая важность формализации сотрудничества институтов гражданского общества, СМИ с государственными органами, выражающаяся в повышении открытости государственной службы посредством внедрения новейших информационных технологий в процессы взаимодействия СМИ, власти и общественности. Вышеуказанные программные документы ставят задачу поднять на качественно новый уровень взаимоотношения в парадигме «власть – общество – гражданин», делая их действенными и результативными [5].

Под гражданским обществом можно понимать специфическую его организацию, при которой воплощаются основные права и реализуются соответствующие им обязанности граждан, а государство выступает гарантом этих прав. Сферы гражданского общества, их основная характеристика представлены в таблице 1.

Сферы гражданского общества, их основная характеристика

Сферы гражданского общества	Краткая характеристика
Защита прав и свобод человека	Реализуется в рамках деятельности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. При нём работает экспертный совет, в состав которого входят видные и признанные представители российского правозащитного движения. Его функционирование дополняет Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека
Местное самоуправление	Местное самоуправление способствует формированию самоорганизации граждан, определяет формы непосредственного участия в управлении местными сообществами, при этом выступая одной из сфер гражданского общества
Некоммерческие организации	Одним из важнейших институтов экономики и общества представляются некоммерческие организации (НКО). Одновременно они являются и формой самоорганизации граждан – составной частью общественных отношений, и элементом рыночной экономической системы, восполняя пробелы рынка и государства по предоставлению различных благ, и одним из факторов формирования социального капитала нации, который способствует росту благосостояния отдельных индивидов, всего государства, являясь важным индикатором уровня развития страны. Диалектика институциональных условий, определяющих функционирование некоммерческого сектора, ограничивает его динамичное качественное и количественное развитие и расширение сферы деятельности, которые соответствуют потребностям, возникающим в обществе. В связи с этим требуется подробный анализ формальных правил институциональной

	среды для оптимизации использования инструментов регулирования некоммерческого сектора, поскольку мировой опыт свидетельствует, что взаимодействие государства и НКО является важной составляющей социально-экономической системы развитых стран, в которых благодаря некоммерческому сектору государству удается эффективно справляться с множеством проблем, опираясь не только на органы государственной власти и бюджетные ресурсы, но и привлекая ресурсы общества

В 2011 году гражданское общество в России продемонстрировало качественные изменения в своем отношении к власти и к готовности диалога с ней на основе закона. Проявились существенные изменения в риторике требований к власти, которые заключаются в отказе от эмоционального, агрессивного и обвинительного давления, популистского стиля взаимодействия с государством. В стране в 2011–2012 гг. сформировался запрос на формирование нового механизма взаимодействия граждан и государства, основанного на равноправии сторон, партнерстве, значимости ценностей человеческого достоинства и гражданственности. Трансформационные процессы в структуре проблем, приоритетных для дальнейшего развития гражданского общества, главными из которых являются проблемы соблюдения законов, основополагающих гражданских прав, обуславливаются именно системными изменениями. Решение обозначенных проблем должно способствовать созданию нового механизма взаимодействия гражданского общества с государственными структурами, органами государственной власти и управления. В России необходимо проводить постоянную разъяснительную работу по доведению до общества, групп интересов мотивов принимаемых государством решений, условий их принятия при формировании механизма партнерства власти и гражданского общества. Становление эффективных коммуникаций между государством и обществом, приводящих к взаимному доверию, без этого не представляется возможным. В свою очередь взаимное доверие является залогом устойчивого развития страны.

Следует отметить, что действующему в настоящий момент механизму взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти присущ ряд недостатков, которые представлены в таблице 2.

Недостатки механизма взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти

Недостатки механизма	Характеристики недостатков
Уровень социального взаимодействия низок	В целом граждане в России не доверяют друг другу, что приводит к беспрецедентной индивидуализации населения страны. Сформировалась специфическая зона изолированности россиян – у большинства населения их жильё, а точнее квартира, становится рамочной зоной комфорта. Поддержка, совместное решение проблем, стремление к объединению, взаимовыручка являются всё большей и большей редкостью. Объединение общества происходит стихийно и на очень короткий временной период. Значительная часть россиян проживает в зоне депривации, то есть испытывает неудовлетворённость от взаимодействия с другими людьми
Отсутствие благоприятных условий для деятельности некоммерческих организаций, мотивов для активизации гражданских инициатив	Гражданская активность формируется в большинстве случаев в неформальной среде, так как официальную регистрацию общественной организации можно назвать сложным и долгим процессом. Подобная ситуация приводит к тому, что власть не способна контролировать незаконные объединения граждан, степень их опасности для дестабилизации обстановки в обществе. Весьма сложно в этой связи перейти к диалоговому взаимодействию, так как оно осуществляется вне рамок права. У государственных органов власти и граждан отсутствует возможность контроля за действиями неформальных общественных лидеров. Для зарегистрированных НКО сегодня установлена усложнённая процедура отчётности, требующая привлечения дополнительного квалифицированного персонала, что из-за недостатка финансирования общественного сектора оказывается особенно сложным

Системные проблемы в развитии основ местного самоуправления	Финансовая самостоятельность муниципальных образований является чрезвычайно низкой и не дает возможности органам местной власти должным образом выполнять возложенные на них задачи, удовлетворять запросы членов местного сообщества. Недостаток ресурсов для достижения достойного уровня жизни на местах вызывает у населения локальной территории неудовлетворенность деятельностью органов управления не только на муниципальном уровне, но и власти вообще. Невозможность расширения доходной базы муниципальных бюджетов, а также высокая степень зависимости от дотационного финансирования со стороны федерального центра способствуют появлению у глав местных сообществ иждивенческих настроений. Руководители муниципальных образований ориентируются в большей мере на указания органов государственной власти, оказывающих им помощь, нежели на мнение населения. Недостаточное финансирование проявляется и в сфере оплаты труда муниципальных служащих, которая не позволяет удерживать на рабочих местах профессиональные кадры. Низкая оплата труда способствует развитию формального отношения к работе, формирует настроения нежелания развивать общественную инициативу граждан. Укреплению на местном уровне системы партнерских отношений власти и гражданского общества не способствует неурегулированность законодательных проблем. Так, в ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подробно рассматриваются особенности организации публичных слушаний, однако рамки указанного нормативно-правового акта определяют единственно возможной формой использования их результатов лишь их опубликование (обнародование). В Законе также не дано определение понятию «результат публичных слушаний» [1]

Устранение охарактеризованных в таблице недостатков должно быть основано на системности и учете всей совокупности причинно-следственных связей, обусловивших их появление

ние. Так, решение проблем низкого уровня социального взаимодействия граждан возможно посредством развития институтов правового образования личности. Правовое образование может использоваться в качестве потенциала для объединения граждан, с целью дальнейшего сохранения единого социокультурного пространства Российской Федерации, для устранения этнической напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, для обеспечения равноправия национальных культур.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р // СЗ РФ. – 2010.
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212 // Российская газета. – 2008. – 16 февр.
4. Россия 2020. Главные задачи развития страны. – М. : Европа, 2008.
5. Устинович Е. С. Государственная политика в сфере информационных технологий. – Курск : Деловая полиграфия, 2011. – С. 7–42.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЁЖИ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

Ю. С. Васютин

**Орловский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Орел, Россия**

Summary. The article examines the place and role of civil society, youth organizations in the management of state affairs, including education, education. Particular attention is paid to the state associations among students.

Key words: the Constitution of the Russian Federation; civil society; governments; students; public associations.

Как известно, социальный прогресс зависит от зрелости не только государственных институтов власти и управления, политических элит и лидеров, но и всего российского общества, в том числе и молодёжных объединений, организаций и движений. В конечном счёте, за судьбы Федерации в полной мере несут ответственность не только органы государственной власти и управления, но и институты гражданского общества, в которых широко представлена молодёжь. Она имеет множество разнообразных структур, способных влиять на ситуацию в стране. Это и всевозможные ассоциации – экономические, со-

циальные, демографические, профессиональные, спортивные, творческие. Это и общественные и некоммерческие объединения, объединения молодых врачей, учителей, наёмных работников, сельхозработников и др.

В соответствии с Конституцией РФ граждане, институты гражданского общества, в том числе и молодёжные, участвуют в делах государства непосредственно и через органы власти и управления (ст. 3, ч. 2 КРФ) [2], имеют право участвовать в управлении делами через своих представителей (ст. 32, ч. 1 КРФ) [2]. Иными словами, региональные органы власти и управления, а так же институты гражданского общества – это две составные самостоятельные части российского общества, и их отношения строятся не на прямом подчинении друг другу, а на широком взаимодействии. Обе части в ответе за судьбу субъекта Федерации и наиболее эффективно взаимодействуют на уровне государственного и общественного управления. При всём уважении к институтам гражданского общества в процессе научно-исследовательской работы и эмпирического опыта приходится признать, что идеализировать их, в силу различных объективных и субъективных факторов, ассоциаций, объединений, организаций и движений, по крайней мере, неразумно. Несмотря на определённую значимость и успехи региональных институтов гражданского общества, на сегодня в их деятельности немало проблем и откровенных недостатков, в том числе в организационной, материально-технической и содержательной деятельности. В этой связи я согласен с оценкой главы администрации Президента РФ С. Б. Иванова, что отдельные институты гражданского общества имеют такой же КПД, как паровозы, т. е. 4 %.

Одним из факторов слабой их эффективности является недостаточное взаимодействие институтов гражданского общества с региональными органами государственной и муниципальной власти и управления. Так, комиссия по развитию гражданского общества и общественной безопасности ЦФО провела экспертный опрос 270 руководителей и специалистов органов власти и управления и общественных институтов по проблемам межсекторного взаимодействия. В подготовленном отчёте отмечается, что основным фактором, тормозящим межсекторное взаимодействие, является несоответствие взаимодействия реальным потребностям гражданского общества, в том числе в экспертной оценке проектов законов, постановлений законодательной и исполнительной власти. Недостаточно разработана нормативно-правовая база взаимодействия с органами власти и управления; в отдельных случаях проявляется нежелание власти, органов управления идти на контакт. А с другой стороны, органы власти делают откровенные попытки установить

контроль над общественными объединениями, выгодно для себя формировать общественное мнение. Конечно, имеет значение и слабость собственной ресурсной базы общественных институтов и нежелания обращаться за помощью в другие организации.

Возьмем, к примеру, в этом плане близкую нам проблему образования и воспитания, которая активно обсуждается, анализируется, вызывает повсеместное неудовлетворение. Сегодня можно говорить, что отнюдь не исключительные случаи, а характерная черта – низкий уровень знаний у многих учащихся и студентов, которые носят поверхностный характер, сводятся порой к овладению всего лишь простой информацией, взятой в готовом виде в интернете и переложенной в виде контрольной работы, реферата, или выступления на семинаре или экзамене. Невооружённым взглядом виден низкий уровень и социальной ответственности перед собой, родителями, школой и региональным обществом. Мораль и нравственность сегодня приобрела коммерческий характер и ужасающую агрессивность. Удивительно, но факт: студенчество не радуется своими идеями и предложениями по модернизации своего же обучения и воспитания. В этой реальности ситуации многие не склонены считать, что здесь не дорабатывают только руководство учебными заведениями, государственное и муниципальное управление народным образованием.

В нашей стране исторически сложилось, что образование и воспитание в школах, колледжах, вузах по своему управлению на половину являются государственным, а на другую половину управляется институтами гражданского общества. Следовательно, носителями общественного управления [1], с одной стороны, являются ректоры, деканы, заведующие кафедрами и преподаватели. Мы видим классическое государственное и муниципальное управление. А с другой стороны, действует структурированное, массовое общественное самоуправление в лице педсоветов и Учёных советов вузов, деканатов факультетов, управляющих попечительских и родительских комитетов; школьных и студенческих советов; институтов классных руководителей и кураторов молодёжных общественных объединений; самостоятельных организаций – творческих спортивных коллективов, благотворительных союзов, институтов, волонтеров и т. п. Что же касается института социально-общественных акций, различных программ, проектов, моделей, то это многократно усиливает общественное воздействие.

Все эти институты гражданского общества в учебных заведениях охватывают большую часть студенчества. На региональном уровне даже в крупных учебных заведениях новых механизмов и технологий, которые бы соответствовали масштабам

реформ, демократизации гласности, просто не просматривается. Одни боятся экспериментов, другие не хотят, чрезмерных хлопот, а молодёжные институты гражданского общества постепенно приобрели формальный характер, а потому и потеряли привлекательность, а главное эффективность.

Почему бы не попробовать новые инновационные механизмы, формы и методы работы общественных и самодеятельных молодёжных организаций, особенно в крупных вузах и колледжах? В целях оптимизации из этих многочисленных объединений можно создать Ассоциацию общественных институтов или университетскую Общественную палату, куда войдут представители существующих общественных объединений. Эта ассоциация объединит и станет координировать усилия всех общественных организаций, они будут иметь единую программу (проект) на каждый учебный год, а выполнение и эффективность этой программы будет курировать проректор по общественным связям с институтами гражданского общества. С таким структурированием, институционализацией охотно будут сотрудничать ректорат и другие службы, местные государственные и муниципальные органы власти и управления. Откроется перспективное совместное взаимодействие Ассоциаций и Учёным советом, ректором, деканатом и др., а там появятся и совместные серьёзные проекты и программы. Нет возможности иметь штатного проректора, так это не страшно, ведь председателя Ассоциации общественных объединений вузов можно сделать и внештатным проректором, и результат будет тот же.

Думаю, что это может быть инновацией не только в образовательных учреждениях, но и здравоохранении, социальной сфере, в бизнесе и т. д.

Руководители предприятий, бизнес структур имеют, как известно, свои трудовые коллективы, на которые можно опереться не только в выполнении производственных программ, но и в формировании общественных начал, в выполнении различных проектов в духовно-нравственной сфере. В частности, внутри трудового коллектива могут быть и совет молодых менеджеров, и бюро инновационных технологий, и молодёжная добровольная народная дружина, и общественные комиссии по многодетным семьям, по культуре и медиации, ветеранам и гендерным проблемам и т. д.

Но нет этого ничего! В соответствии с КЗоТ работодатель – единоличный хозяин, но ведь никто не отменял конституцию, законы об институтах гражданского общества, демократическое, социальное, правовое светское государство, что в корне призвано менять отношения работодателя и трудового коллектива. Кстати, в принципе работодатели и не возражают против

этого, но заявляют, что нет штатных работников. Но ведь эту работу с институтами гражданского общества на производстве, в крупных бизнес структурах мог бы возглавить зам. руководителя по работе с персоналом, в крайнем случае – зам. на общественных началах по связям с общественностью из числа пенсионеров, ветеранов труда. На наш взгляд, руководители бизнес структур даже и не осознают, каких помощников они теряют. Занимаясь общественными делами во имя своего бизнеса, молодые работники способны на ускорение решения стоящих проблем, при этом наёмные молодые работники отвлекаются от пьянства, наркомании, психических болезней, воровства, антиобщественных проступков. Между прочим, занятие общественными, благими делами уводит людей от протестных акций, поскольку многие вопросы будут решаться с их помощью на месте.

Хотелось бы подчеркнуть, что без гражданского общества, государство российское существовать не может. Как свидетельствует международный опыт, на западе довольно рано начали изучать работы Аристотеля, М. Вебера, Гегеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли, Ш. Мотескье, А. Токвиля, в работах которых обозначены и актуализированы идеи, связанные с возникновением гражданской активности, развитием ассоциаций индивидуумов. Эти идеи были подхвачены во многих странах мира. И уже в 17–18 веке началась работа по формированию различных институтов гражданского общества, которые составляют сегодня основу развитого гражданского общества. Российские учёные М. А. Бакунин, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. А. Крапоткин, Г. В. Чичерин подхватили эти идеи и перенесли на российскую почву.

С тех пор многие учёные так же занимаются этой проблемой и достигли многого. В одном из Посланий ещё прежнего президентства В. В. Путина говорится, что важнейшей стратегической задачей сегодня является становление и развитие гражданского общества в нашей стране. При этом данную проблему он поставил на одно из первых мест и только потом обозначил экономику, социальную сферу, оборону и т. д. [3]. Этим Президент РФ В. В. Путин дал всем понять, что если мы не будем заниматься гражданским обществом, то им займутся другие. А у других, как известно, иные цели, ценности, идеи, традиции, что мы наблюдаем сегодня в среде руководителей внесистемной оппозиции.

Библиографический список

1. Васютин Ю. С. Участие в государственном управлении – важнейшее признание гражданского общества. Социологический альманах «Управление в условиях динамично развивающегося общества» : Ма-

- териалы IV Орловских социологических чтений 7 декабря 2012 / под общей ред. канд. социол. наук, доцент Н. В. Проказиной. – Орел : Изд-во РАНХиГС, 2013. – С. 15–17.
2. Конституция РФ. – М., 2007. – Ст. 32. – Ч.1. – С.10; ст. 2. – Ч. 3. – С. 4.
 3. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В. В. Путина // Российская газета. – 2007. – 27 апреля. – С. 3.

ГОСУДАРСТВО И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

М. В. Бутырина

**Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина, г. Иваново, Россия**

Summary. The problems connected with development of the local government as the institute of civil society are considered in the article. At the same time, fixing independence of local government legislatively, the state doesn't create conditions for its functioning in this direction. Contradictory tendencies in the relations of the state and local government slow down democratization of public life.

Key words: civil society; local government; state.

Особенностью современного этапа развития местного самоуправления в РФ является сочетание двух принципов организации общественной жизни – государственности и самоуправления.

В РФ под местным самоуправлением понимается самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению вопросов местного значения, которая осуществляется непосредственно, а также через органы местного самоуправления с учётом исторических, культурных и иных традиций. Местное самоуправление определяется не как субъект государственной власти, а как субъект власти общественной. Местное самоуправление связано с реализацией таких функций управления, с которыми общество способно справиться самостоятельно. Его уникальность заключается в том, что оно одновременно является и институтом гражданского общества, и формой осуществления публичной власти.

Несмотря на то, что законодательно закрепляется независимость местного самоуправления от государства, их нельзя противопоставлять друг другу. Местное самоуправление и государство находятся в диалектической взаимосвязи. Внутренне единство данных властных уровней обусловлено единым источником власти, единством системы аппарата государственной и муниципальной службы, способов управления – через законодательно-нормативные акты, нормативные акты, административные ресурсы. Кроме того, и государственная, и муниципаль-

ная власть имеют институционализированный, непрерывный во времени, универсальный и всеобщий характер. У них есть специфически обособленный аппарат, осуществляющий власть на определённой территории по отношению ко всем находящимся на ней лицам. Они могут легально использовать средства законодательного институтированного насилия, устанавливать налоги и сборы, самостоятельно формировать бюджет.

Местное самоуправление как один из элементов организации общества берёт на себя часть функций государства, а государство должно создавать условия по решению собственно местных дел. Только в этом случае местное самоуправление будет механизмом согласования интересов общества и государства, уровнем власти, который наиболее приближен к населению, и отвечать за самые насущные вопросы его жизнеобеспечения.

Местное самоуправление призвано обеспечить эффективное, демократичное управление в местных сообществах, превратить местные территориальные коллективы в основные субъекты решения своих проблем. Оно обязано предоставлять гражданам необходимые условия для участия в политическом процессе. Так, в ФЗ-№131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (2003 г.) содержатся статьи о возможности отзыва выборного лица местного самоуправления (ст. 24), о публичных слушаниях (ст. 28), конференциях (ст. 30), опросах граждан (ст. 31).

Эти и другие формы непосредственной демократии – муниципальные выборы, муниципальные референдумы, территориальное общественное самоуправление – влияют на формирование активной гражданской позиции, обретение рядовым гражданином личного статуса в политической системе. Именно на местном уровне должен возникать и реализовываться интерес к преумножению не только личного, но и общественного достояния, формироваться ориентация на общественное благо, чувство солидарности и сопричастности и т. п., без которых невозможно существование развитой демократии.

Однако, как показывают многочисленные социологические исследования, большинство граждан РФ не верят в то, что можно эффективно отстаивать и защищать свои интересы не только на уровне индивидуальных, но и солидарных действий. Настроения отчуждённости и недоверия по отношению к власти – атрибут сегодняшней жизни в большинстве регионов РФ. Более того, население не только не доверяет властным структурам, но и равнодушно относится к реализации гражданских и политических свобод [4, с. 216–217].

Инициатором преобразования местного самоуправления как элемента гражданского общества в РФ было государство.

Однако настораживает тот факт, что государство видит в местном самоуправлении: «1) противовес усилению региональных руководителей; 2) институт, на который можно переложить весь груз социальной ответственности за социальную политику; 3) средство, которое может избавить федеральные органы власти от выполнения ряда обязанностей» [1, с. 30].

В последнее время наметилась опасная для развития демократии тенденция, связанная со стремлением политической элиты к превращению местного самоуправления в низший уровень государственной власти. Эксперты и аналитики в области местного самоуправления отмечают снижение качества проведения местных выборов, связанных с ограничениями electoralной конкуренции, фальсификацией выборов, административной мобилизацией избирателей. Кроме того, происходит отказ от всеобщих выборов глав администраций, прежде всего мэров городов [3, с. 22]. Такая закономерность настораживает, поскольку свидетельствует о том, что формирование демократических ценностей, создание основ гражданского общества не являются приоритетом в государственной политике. Подобная логика развития местного самоуправления неизбежно приведёт к его иерархическому подчинению вышестоящим властным структурам. Местное самоуправление, в конечном счёте, будет представлять собой местное государственное управление.

Другая проблема связана с партизацией местного самоуправления. В то время как уровень региональной власти давно получил партийную окраску (подавляющее большинство руководителей – члены «Единой России»), на муниципальном уровне была конкуренция, «кандидаты были вынуждены, так или иначе, пусть даже в предвыборный год, поддерживать связь с избирателями, отчитываться перед ними» [2]. Сейчас тенденция к партизации органов местного самоуправления, в которой прежде всего заинтересована федеральная власть, усиливается, что приведёт к дальнейшему отчуждению власти от местного сообщества граждан.

Третья тенденция связана со слабостью социальной базы местного самоуправления [2]. Государство, определяя модели политического поведения, не создаёт реальных предпосылок для возникновения практики индивидуальных и коллективных действий со стороны населения, а именно это влечёт за собой создание системы демократического контроля.

Сторонники «огосударствления» местного самоуправления довольно часто апеллируют к опыту зарубежных стран. Например, во Франции существует высокая степень централизации местного управления. Однако не следует забывать, что процесс становления местного самоуправления не только в этой стране, но

и в других демократических государствах происходил преимущественно «снизу» и способствовал формированию гражданского общества. Исторический, политический, культурный и т. п. контекст его развития привёл к тому, что государство и гражданское общество стали выступать в качестве равноправных партнёров. Общеизвестно, что на Западе общественная организация во многом обусловила государственный строй.

Укрепление и развитие системы местного самоуправления представляет собой не только важнейшую предпосылку демократизации политической системы современной России. Развитие местного самоуправления как института гражданского общества – это и путь формирования сильного в политическом, экономическом, социальном аспекте государства. Государство в первую очередь должно быть заинтересовано в том, чтобы преодолеть противоречивые тенденции во взаимоотношениях с местным самоуправлением и создать условия для его развития как важнейшего института гражданского общества.

Библиографический список

1. Антипьев А. Г., Захаров А. В., Шишигин А. В. Местное самоуправление – социально-политический институт гражданского общества. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1999.
2. Антипьев К. А. Местное самоуправление в современной России: социально-политические тенденции. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCoQFjAA&url> (дата обращения: 08.10.2013).
3. Гельман В. В. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 гг. / В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова, Н. Борисова. – СПб. : Норма, 2008. – С. 22.
4. Попова Ю. В. К вопросу о возможности формирования гражданского общества в современной России // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 216–217.

МНОГООБРАЗИЕ КАЗАЧЬИХ ТЕРРИТОРИЙ

И. Ю. Ерохин

Кройдон Колледж, г. Лондон, Великобритания

Summary. This study attempts to fully understand the importance of a comprehensive and holistic analysis of the history of the Cossack, to work out the correct methodological approach to its study.

Key words: Cossacks; the Cossacks; the state and law; Cossack troops.

Традиционно при исследовании опыта и истории казачества принято ссылаться на практику государственного строительства именно крупнейших казачьих войск и территорий – Дона, Кубани, Терека и др. Однако для правильного понимания особенно-

стей структуры казачьей общности такой подход недопустим. Важно рассматривать всю казачью общность в целом, с учетом и тех регионов, заселение казаками которых происходило в более поздние исторические периоды. К числу таких важнейших регионов могут быть отнесены прежде всего регионы Сибири и Урала [6; 7; 9]. Процессы, происходящие в них, примечательны и поучительны. Нужно учитывать, что ранний Дон и Сечь, частично – Яик и Черноморье выработали свою особую, «специфическую» характеристику казачьего поведения.

Многие казачьи войска более позднего периода возникали как система мер российской власти по охране ее государственных границ [3]. На это прямо указывается в ряде источников [8]. Амурское казачье войско (1860–1918), созданное в Приамурье и Приморье из казаков Забайкальского казачьего войска (Благовещенск-на-Амуре), несло пограничную службу с Китаем. В 1889 г. из него было выделено Уссурийское казачье войско. Войско сыграло важную роль в Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войнах.

Астраханское казачье войско, по мнению ряда источников, изначально создавалось для несения сторожевой службы в низовьях Волги и на побережье Каспия, на юго-западной границе России. Оренбургское казачье войско образовано в 1748–1755 гг. для обороны Оренбурга.

Устройство Волжского казачьего войска сильно отличалось от Донского. Войсковое землевладение Волжского войска было служилым. Земли не были переданы войску в «вечное» пользование. Тем самым подчеркивалась прямая зависимость войска от государства и его временность существования на Волге, возможность в любой момент быть переселенным. Точные границы войсковых земель тут были определены лишь к 1755 г.

Другой особенностью войска было то, что пашенное земледелие не получило у волжских казаков широкого распространения, а основными видами хозяйственной деятельности стали рыболовство, развитие винокурения, бахчеводство, лесозаготовка, некоторые ремесла и даже кладоискательство (так волжские казаки выполняли своеобразную государственную археологическую миссию).

Источники говорят о том, что большинство из волжских казаков являлись староверами [12]. По крайней мере доподлинно известно, что православные представители войска составляли не более 50 % его численности.

Волжское войско [12] в XVII в. обладало ограниченными, по сравнению с тем же Донским, правами административно-территориальной казачьей автономии. Фактически это были лишь отдельные элементы казачьего самоуправления (войско-

вой круг, войсковая и станичная канцелярии). Непосредственное влияние на жизнь войска оказывала деятельность астраханского губернатора и царицынского коменданта.

В последнее время много говорится о так называемом «традиционном казачьем национализме». Этот тезис выдвигался уже в 90 гг. XX в. либерально настроенной интеллигенцией демократической направленности. Сначала либералы воспринимали казаков как своих союзников в борьбе с ортодоксальными идеологами партократов из КПСС. Впрочем, вскоре ситуация кардинально изменилась. Казачество стало всё больше тяготеть к «ультралевым» группам и националистам. Данный вопрос всячески подогревался в общественном сознании извне.

Первоначальный опыт развития казачьих диаспор Дона [5] и Сечи делает тезис о казачьем национализме вполне мотивированным. Эти структуры были подобны рыцарским орденам Западной Европы и крайне негативно относились к любым инородцам, которые пытались прийти к ним «со своим уставом». При этом в число данных инородцев часто попадало и само Российское государство, с которым сечевики и донцы себя не позиционировали, а строили отношения на принципах внешней дипломатии, системы договоров. Нередки были случаи еврейских погромов и других проявлений нетерпимости. Государство, впрочем, отвечало казакам в этом плане вполне «взаимно» – достаточно вспомнить, например, судьбу последнего кошевого атамана Сечи, который по приказу Москвы провел в заточении длительное время.

Однако нельзя рассматривать казачьи войска более позднего периода в этом плане как полностью подобие образа традиций ранних Сечи и Дона. История не стояла на месте, она вносила свои коррективы и поправки [4]. Постепенно именно территории казачьих войск стали местом не погромов на национальной почве, а вдумчивого, умелого и целенаправленного межэтнического диалога разных культур, групп и этносов. Обратимся к фактам.

Источники говорят нам о том, что в дореволюционной России были распространены казачьи формирования мусульман. Только башкирских казаков из числа мусульман в начале XX века насчитывалось около 100 тыс. человек. На территории Южного Урала с 1798 по 1865 гг., например, существовало отдельное казачье Башкирско-мещерское войско. Оно активно участвовало во многих войнах Российского государства: в Отечественной войне 1812 года, заграничных кампаниях 1813–1814 гг. участвовало 20 полков этого войска, по два полка участвовали в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Хивинском походе 1839 г., Крымской войне 1853–1856 гг. Несмотря на то, что

в последних трёх случаях башкиро-мещеряньским казакам пришлось воевать с единоверцами (турками и народами Центральной Азии), тем не менее они проявили чудеса доблести и героизма на полях этих сражений.

Л. Л. Масянов, вспоминая о службе на Урале, писал: «Были полноправными казаками татары, калмыки, и были они великолепными казаками. Из татар даже было даже офицерство». Хорошо известны имена казачьих командиров-мусульман: войсковой старшина (подполковник) Узбек Тюняев, сотники Шамай Тангаев и Абыш Ураев, хорунжие Искандер Тангатаров и Ахмедфазыл Акиров, подхорунжие и урядники Ахмет Хаметьев, Искандер Чубеков, Утяп Юсупов, Апкеш Утяпов, Ариста Наиптиев и др.

В том же Уральском казачьем войске отдельной боевой единицей был выделен башкирский мусульманский конный полк. В 1862 году из 81998 уральских казаков было: русских (а фактически также украинцев, белорусов, обрусевших татар, мордвы и т. д.) – 70331 (85,8 %), башкир – 6095 (7,4 %), татар – 4168 (5,1 %), калмыков – 1184 (1,4 %), все остальные (казахи, каракалпаки) составляли очень незначительную часть – 220 чел. (0,3 %) [6, с. 152]. Как видим, процент мусульман в Уральском войске в середине XIX в. превышал отметку в 12 %. Сотники Искаков и Нуралин командовали пятой сотней пятого полка и третьей сотней шестого полка Уральского войскового казачества. К концу уже XIX в. подьесаул Мурза-Ахмет Искаков возглавил казачью степную бригаду в Уильском укреплении.

В Уральске, Илецке и станице Сламихинской казачьи мусульманские объединения возглавлялись ахунами. К 1900 году ими соответственно были Абдулсалих Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин и Губайдулла Галькиев. В ряде казачьих станиц, например Уральской, Илецкой, Мустаевской, Студеновской и некоторых других, даже функционировали мечети.

Уже в современный период истории развития казачества, в 2004 году, на территории Пермского края при посредничестве Духовного управления мусульман была возрождена первая мусульманская казачья сотня, которая вошла в состав Прикамского отдельного казачьего округа.

Источники говорят нам и о многонациональности сибирского казачества: «Среди сибирских казаков встречались представители казахского народа, потомки калмыков, башкир, мордвы» [6]. Вот только небольшие статистические данные: в 1754–1828 гг. командирами, начальниками пограничных линий и командующими отдельным Сибирским корпусом являлись четырнадцать человек, при этом семь из них были этническими немцами и даже не меняли свои немецкие фамилии [9, с. 387].

Сибирское линейное казачье войско было создано в 1808 году, после перевода регулярных драгунских частей из Сибири на запад. Одно время его историю пытались вести от казаков атамана Ермака Тимофеевича. Однако в 1586 году, когда в Сибири закрепилась царская администрация, казаков, пришедших с Ермаком, оставались единицы. А основу нового казачества составили уже не они, а «охотчие» люди с русских северов, местные служилые татары. Сибирское войско, в отличие от вольных общин – Донского, Уральского, Терского войск, было создано государством. В 1822 году появился «Устав о сибирских городских казаках», определяющий место казачества в социально-политической жизни региона. В Сибири были сформированы семь полков городских казаков. Среди них и Сибирский татарский казачий полк, укомплектованный из тобольской, тюменской и томской городских татарских казачьих команд.

Многое менялось и на территории «Вольного Дона».

Одним из последних походных атаманов Донского войска был немецкий генерал Гельмут фон Паннвиц. В 1637 году при осаде казаками Азова всеми подкопными работами руководил тоже немец – Иоганн Арадов. Как и когда он попал на Дон, точных сведений не сохранилось. Разные источники дают различные объяснения. Например, известна версия и мнение Ригельмана [10]. Один только факт неопровержим – немец Арадов честно и преданно служил делу казачества и российской государственности. В царствование Петра I из Пруссии на русскую службу приехал и другой немец – сын полковника, артиллерист Абрам Егорович Миллер. Позже он участвовал во взятии Азова в 1696 г. и прославил себя ратными подвигами. Сыновья Миллера стали донскими казачьими старшинами. Один из них заведовал переселением донских казаков на Кавказскую линию, второй – Фёдор – служил офицером в донском полку и участвовал во взятии Измаила в 1790 г. За боевую доблесть был награждён двумя золотыми крестами. Позже он также руководил строительными работами в Новочеркасске до 1817 г., когда был командирован с донскими частями на охрану границ с Персией. Старший сын Миллера – Александр – был командиром сотни Александровского полка, позже – командиром донского казачьего полка. В дальнейшем большинство Миллеров служило в гвардейском Атаманском полку или начинало в нём свою службу [2].

Казачьими офицерами из числа лиц немецкого происхождения были – Фердинант барон фон Винценгероде, Фридрих Карл барон Тетенборн, которые отличились на полях сражений войны 1813 года.

Существенное разнообразие в этнический состав казачьих войск и самого российского казачества вносили и плененные иноземцы, которые сначала ссылались властями, а затем органически вливались в состав казачьих частей [7, с. 6].

Российскому государству по определению не важна была национальность казака, принципиальное значение имели лишь ратная доблесть, заслуги перед Отечеством, личная храбрость и отвага. Они играли определяющую роль в государствовроении, становясь славными страницами исторического прошлого страны. Не зря Л. Н. Толстой писал: «...Вся история России сделана казаками» [11].

Выводы

Из всего вышесказанного можно сделать определенные выводы, которые заключены в следующих положениях:

– существовали старейшие казачьи войска и казацкие территории. Их значение в формировании традиционной культуры казачьего этноса невозможно недооценивать;

– вместе с тем достаточно примитивно рассматривать всю историю казачества только как историю развития казацких обществ Дона, Кубани или Терека. История казачества более разнообразна, оценивать ее в полной и объективной мере становится возможным только с учетом особенностей всех казацких регионов России;

– анализ особенностей жизни казацких регионов позволяет сделать интересные заключения, многие из которых ставят под сомнение сложившиеся шаблоны, штампы и стереотипы в отношении к данному сословию.

Библиографический список

1. Безотосный В. М. Казачество. URL: http://his95.narod.ru/oren/kaz_spr.htm
2. Богаевский Б. Казаки из «немцев» // Родной край. – 1974. – № 112.
3. Ерохин И. Ю. Казачество в свете вопроса военной службы // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 172–174.
4. Ерохин И. Ю. Казачья семья: уникальный культурный феномен в системе государства // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 1. – С. 38–43.
5. Ерохин И. Ю. Идеи государственности казачества Дона // Научный обозреватель. – 2013. – № 6. – С. 58–62.
6. История казачества Азиатской России. В 3 т. Т. I. XVI – первая половина XIX века. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995.
7. Казаки Урала и Сибири в 17–20 вв. : сб. науч. тр. – Екатеринбург : УрО РАН, Институт истории и археологии, 1993.
8. Казачьи войска. URL: <http://belkazak.narod.ru/history2.html>
9. Недбай Ю. Г. Сибирское казачье войско. Кн. 3 (1846–1861 гг.). – Омск : ООО Изд. дом «Наука», 2004.
10. Ригельман. История о донских казаках. Изд. 1846 г.
11. Шишков А. В. Казачьи атаманы. – М. : Вече, 2008.

12. Экономическое, социальное и административно-политическое развитие Волжского казачьего войска до 1770 г. // История одного города. URL: <http://cityhistory34.ru/?p=201>

ИРАН КАК УЗЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕРЕСОВ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Е. А. Керимов
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Strategic plans in the region of the Near East, which is the most critical field of USA foreign policy and approach of leading countries of East and West to this plan are given in this article. Analyze and results of diplomatic and non-diplomatic steps to be made in the Great Middle East project based on new conservatives of White House in the future of whole Middle East are tried to be investigated. Especially, world system which reached critical period of neocolonism, all leading states are activated by Great Middle East project. And in its turn, it made destiny of eastern people interesting and led to very critic future.

Key words: the Gulf War; theocracy; The Supreme lider; Persian Gulf; oil valve; clerical power; confessional policy; economic embargo.

Иран, который до революции 1979-го года был членом СЕНТО, как верный союзник США, после революции вышел из СЕНТО, прекратил дипломатические отношения с США, и заявил, что будет возглавлять борьбу исламского мира с империализмом. Таким образом, проводя внешнюю политику "ни Восток, ни Запад", режим шиитских мулл сделал себя врагом, как бывшего Советского Союза, так и США. После распада советской империи, США, т. е. «Большой шайтан», пытающийся стать силовым центром в мире, стал единственным врагом Ирана. Однако до 1989 года Иран своей внешней политикой не то что не смог распространить революционный шиизм, но и пережил тяжёлые войны и изоляцию. Священная война – джихад – против коммунизма развеяла надежду на поддержку Советского Союза. Неудачи консервативных сил во внешней политике помогли реформистским группам победить на выборах. Правда, требования США по вопросам: а) производства ядерного оружия, б) содействия терроризму, в) условий вмешательства в конфликт между Израилем и арабскими странами не были приняты реформистами [6, с. 32].

Однако неспособность США создать единый фронт против Ирана в 90-х годах была непосредственно связана с улучшением отношений Ирана со странами Персидского залива и исламского мира. Неспособность США мобилизовать даже своих со-

юзников против Ирана подтверждается количеством участников нововведённых эмбарго в 1993 и 1995-х годах. Однако после 11-го сентября 2001 года Иран, ставший известным как дом террора и включённый США в «Треугольник дьявола» вместе с КНДР и Сирией, попал в сложную ситуацию на международной арене. Больше всех этим положением воспользовались консервативно настроенные черносотенцы. С целью выдержать давление, они были намерены ввести ограничения народу и преподнести себя массам в качестве «святых», борющихся за Родину. Тем не менее, они говорят, что люди своим мужеством и выдержкой могут улучшить собственную жизнь, ставшую тяжелее из-за давления США, не отказываясь от борьбы во имя «Аллаха и справедливости» [1, с. 132].

Избрание Ахмадинежада президентом ещё больше усилило позиции консерваторов. Несмотря на то, что новый президент пытался избавиться от Хаменеи и силовых структур, он, во всяком случае, показывает консервативность во внешней политике. Иран, работавший над созданием центрифуги для обогащения урана с 2005 года, уже в 2010 году получил первый продукт на заводе в Исфахане, производящем «жёлтый пирог». Первый «жёлтый пирог» был поставлен на реактор центрифуги в городе Бушехр [3, с. 81].

Даже страны ЕС, бывшие в дружественных отношениях с Ираном в 90-е годы, после 2005 года начали серьёзно думать о ядерной бомбе. Условия обогащения, достаточные для создания атомного оружия, начали беспокоить США и весь Запад в целом. Так, европейцы, заключившие выгодные договоры с Ираном в 90-х – в начале 2000-х годов, сейчас не могут создать нормальные отношения с Ираном из-за политики консерваторов и выступают с антииранских позиций на международной арене [7, с. 32].

Консорциумы Франции и Германии начали уходить из Ирана. Даже Томас Йохон, глава «Общества промышленного единства» Германии, сообщал, что разрыв отношений с Ираном – дело нескольких недель. ЕС, и особенно Германия, понимавшие, что атомное оружие – серьёзная опасность, предлагают «политическую торговлю» США с Иранской картой. Так, А. Меркель, пытаясь упрочить ЕС, вовлекая в свой круг влияния европейские государства, раздавленные финансовым кризисом, требует дешёвые кредиты в ответ на суровую позицию против Ирана. Для того чтобы разбить сопротивление России и Китая, нужна поддержка ЕС, которая важна для США [2, с. 38].

Белый Дом, не имеющий в виду интересы ЕС в Большом Средневосточном Проекте, выдвинутом в 2002 году, делает новые исправления в этом плане. Но, несмотря на то, что эмбарго

против Ирана в области финансов, торговли и особенно торговли нефтью развязало руки Китаю на иранском рынке, такая ситуация не удовлетворяет Иран. После геополитических изменений, последовавших после событий 11 сентября 2011 года, непосредственное соседство Ирана с США в Афганистане и Ираке сделало позицию Ирана более радикальной [3, с. 32].

Несмотря на то, что Китай при этом выступает как близкий друг Ирана, это положение имеет место в силу наличной ситуации. Так, Китай, наложивший вето на эмбарго против Ирана, делает это для обеспечения своей экономики дешёвой нефтью. Но ядерное оружие Ирана как исламистского государства, как проблема вообще, так и в связи с усилением внутреннего сепаратизма, серьёзно беспокоит и Китай [5, с. 76].

Позиция России в СБ ООН на самом деле не разумна ни с экономической, ни с моральной точек зрения. Такие факты, как обладание ядерным оружием, засилье исламистов на юге России, ситуация, когда Иран является соперником России в экспорте нефти, являются источником антиамериканских настроений в России [9].

Неизвестно, в какой плоскости будет проводиться торговля США с Россией. Однако известно то, что Россия нуждается в новой модернизированной промышленности для усиления своей экономики и получения больших доходов. Эти деньги можно получить, открывая широкие возможности для США или финансовых средств США на российских рынках. Всё это показывает, что Россия и в будущем будет стараться получать политические дивиденды, «защищая» страны, которые США будет выбирать как цель своего вмешательства, и продолжать свою работу по этому направлению. Нужда в финансовых ресурсах США и китайский фактор переводит США в официальный статус дружелюбного и милого «соседа» для России [10].

Библиографический список

1. Агаджан Х. Имам. – Баку, 2008. – С. 382 (на азербайджанском языке).
2. Васи́б А. Ирано-американские отношения после революции. – Анкара : 2011. – 109 с. (на турецком языке).
3. Евджиоглы К. Проект США "Большой Ближний Восток". – Байкент : 2005. – 478 с. (на турецком языке).
4. Доктор Муртуза Мутгахари. Иран. Краткий Экскурс по «Нахдж-ул-балага» / Центр по изучению культуры народов Ирана и Центральной Азии Национальной Библиотеки Республики Казахстан // Иран-Наме. – № 2 (14). – Алматы, 2010. – С. 5–57.
5. Жуков Д. А. Небо над Ираном ясное / Очерк политической биографии имама Хомейни. – М. : Научная книга, 2011. – С.158.
6. История Ирана / отв. ред. проф. М. С. Иванов. – М. : Изд. МГУ, 1977. – 488 с.

7. Развитие отношений Франции с Ираном, Индией, Пакистаном, Афганистаном. URL: // <http://www.ispr.ru>
8. URL: <http://ru.scribd.com/>
9. URL: http://yayinlar.yesevi.edu.tr/iran_ortaasya_raporu.pdf
10. URL: <http://www.scribd.com/ABD-Ambargolar-ve-Boran-AB-Ekonomik-Fkileri>

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С. Ю. Мамедкеримова
Учебно-методический центр
по эстетическому воспитанию при Министерстве
образования Азербайджанской Республики,
г. Баку, Азербайджан

Summary. In recent years, developed countries are moving towards the information society in which social changes depend on the use of information. The development of information society is due to the openness of the social system, efficacy of the phenomenon of public opinion and the degree of maturity of a society. In turn, making the transition to the information society is social changes in society and affects all areas of human activity and provides a deeper understanding of the civilizational transformation and influence the course of events.

Key words: information society; and civilizational transformation; public opinion; social change; political globalization.

Сегодня развитые страны движутся к информационному обществу, в котором социальные изменения зависят от использования информации. Развитие информационной сферы связано с открытостью общественного устройства, действенностью феномена общественного мнения и степенью зрелости общества. В свою очередь, осуществляемый переход к информационному обществу вызывает социальные сдвиги в обществе и воздействует на все сферы человеческой деятельности, даёт возможность глубже понять цивилизационные трансформации и воздействовать на ход событий.

Компьютерно-коммуникационные инновации поставили человечество перед новыми ценностными конфликтами, так как обнаружилась ущербность духовного развития общества, его духовное истощение. Положительными моментами информационных технологий могут считаться расширение коммуникативных возможностей, либерализация, оперативность, доступность информации. Негативное воздействие проявляется в разрушении традиционных механизмов передачи информации, манипуляция сознанием, обезличивании, формировании новых форм зависимости, информационной перегрузке и пр. Но самая

опасная тенденция в контексте процессов информатизации – появление глобальных проблем в сфере информационной безопасности и войн, которая более всего актуализировалась в последние десятилетия. Используя своё информационное преимущество, отдельные государства или союзы государств осуществляют военные операции с соперниками. Так, М. Либки определил семь форм информационной войны: командно-управленческая, разведывательная, психологическая, хакерская, экономическая, электронная и кибервойна [1]. Последние события в Ливии с использованием кибернетических инновационных методов в военных операциях блока НАТО могут служить примером подобной войны.

То, что глобализация порождена экономическими факторами и содержит в себе экономическую составляющую, сегодня не надо доказывать. Но «экономический империализм» уже не вмещает в себя всех изменений, затрагивающих разные стороны общественного организма, а именно образование, науку, искусство, экологию, управление, здравоохранение и др.

Особенность нынешнего этапа состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики и политики глубоко затронул социокультурную и духовную сферы, а «они суть залог успешного развития» [2, с. 29].

Анализируя проблему наций-государств в плане современных процессов, отметим следующее. С одной стороны, государство является основным субъектом, законно осуществляющим функционирование различных национальных и международных организаций посредством своего участия в необходимых соглашениях и договорах. С другой стороны, государство передаёт важные полномочия наднациональным органам, отказываясь от некоторых элементов суверенитета в процессе подписания договоров. Как следствие, организации законно обретают возможность обходить государственные полномочия в интересах общего дела. На современном этапе государства сталкиваются и с определёнными внутренними проблемами. Например, трудно разрешимая проблема этнонационализма в Азербайджане, Индии, Нигерии, Мексике, ЮАР. Не менее остро стоит она так же в Ираке, Иране, Турции, Канаде, Великобритании, Испании Шри-Ланке, Сомали. Остро. Этнические движения требуют либо автономии, либо выхода из состава государства.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, несмотря на все противоречия глобализационных процессов, в 90-е гг. в основном утвердился новый международный порядок. Во-первых, вместо принципа разрешительности (*laissez-faire*), который со времен Вестфальского мирного договора 1648 г. считался основным и предусматривал неограниченную свободу суверенных

государств во внутренней политике, появился принцип «избирательной легитимности», которым международное сообщество начинает руководствоваться *de facto*. В соответствии с этим принципом США и их союзники по НАТО присвоили себе право не только определять, насколько легитимны внутривнутриполитические действия независимых стран, но и определять пределы их государственного суверенитета (характерны в этом плане действия Североатлантического блока и США в Ливии, Ираке, Югославии). ООН и другие международные организации чаще начали обсуждать вопросы «законности» правительственной политики в тех или иных странах. Во-вторых, сложилось определённое соотношение сил и возможностей, определяющих позиции государств в мировой политике.

В-третьих, большинство стран мира, независимо от того, принимают ли они существующее положение дел, вынуждены считаться с этим в своей внешней политике. В-четвёртых, в мире существует определённый консенсуальный механизм для урегулирования возникающих противоречий и конфликтов, за которым стоит ООН при поддержке ведущих стран (в основном это происходит только при желании этих государств урегулировать негативные состояния дел). В-пятых, институты регулирования международных отношений (G 8) в какой-то мере оставляют перспективу включения других стран в её состав (в этой связи можно упомянуть перспективы Индии и Китая) [3, с. 5–7].

Распад биполярного мира, конфликтогенный характер нынешней мировой ситуации, невозможность управлять из одного центра усложняющимися мирополитическими процессами – всё это стимулировало кризис не только национальных, но и международных институтов, прежде всего ООН. Рассматриваются несколько возможностей их усовершенствования: либо полностью или частично трансформировать данную структуру, либо сохранить старую систему, постепенно приспособив её к новой, быстро меняющейся политической реальности.

Современная цивилизация развивается ускоряющимися темпами, что качественно изменяет характер и направление её развития. С одной стороны, различные инновации и современные технологии, накладывающие отпечаток на жизнь современного общества, имеют непредвиденные последствия. Их внедрение несёт не только блага для человечества, но и создаёт серьёзные угрозы социально-политической и культурной стабильности. С другой стороны, в современных обществах, в отличие от традиционных, налицо явления неопределённости и риска как естественных составляющих социальных процессов. В традиционных обществах просматриваются иные глобальные тенденции. Человек стал свободен в выборе и творческой дея-

тельности. С ускоренным развитием цивилизации, техники, технологий, повышением роли человеческого фактора значение управления глобализационными процессами только возрастает, поэтому важным предстаёт предусмотреть изменение факторов и условий, способных оказать существенное влияние на функционирование общества.

Современное общество развивается не только ускоряющимися темпами, но и входит в состояние прерывистого, нелинейного развития, «как непрестанно эволюционирующее от порядка к хаосу...» [4, с. 7–8]. «Общество риска» [5; 11] сменяет прежнее индустриальное общество, в котором риски уравнивают всех, кто причастен к процессам. Глобализация и электронные средства связи способствуют как единству, так и многообразию окружающего мира. Это часто проявляется в конфликте двух ценностных систем – современной (новой) и традиционной (закрытой), проявляющемся в противостоянии глобалистов и антиглобалистов.

Действительно, постиндустриальное общество, характерное наиболее развитым странам мира, к концу XX века достигло определённой внутренней стабильности. Западный мир продемонстрировал способность развиваться на собственной основе, а это означает, что он обрёл возможность влиять на основные общемировые тенденции. Информационная революция не в меньшей мере способствовала связыванию регионов планеты, предоставив западному миру возможность унификации всего мира по своему образцу. Указанная стратегия была скоординирована с объективными тенденциями глобализации, что особенно явственно предстаёт из характеризующих А. Неклессой следующих основных компонентов глобальной политики возглавляемого США Запада:

- «во-первых, достижение определённой формы унификации мира, объединяя West и Rest, который состоял на тот момент из самостоятельных структурных частей государств третьего мира и социалистической системы, в рамках новой глобальной конструкции;

- во-вторых, установление глобального контроля над движением мировых ресурсов и мировым доходом, его перераспределение при активном участии «всемирного экономического Интернета» – сообщества ТНК и ТНБ;

- в-третьих, постепенная «капитализация ресурсов цивилизации» (с предварительным их обеспечением в рамках того или иного региона), ведущая в конечном итоге к установлению глобального контроля над правом собственности;

- в-четвёртых, переход к системе рыночного управления социальными объектами различных пропорций» [6, с. 113].

Таким образом, всплеск насилия по всему миру, участвовавшие природные и техногенные катастрофы, углубляющаяся поляризация между богатыми и бедными, разрыв между научно-техническим и культурным прогрессом – всё это симптомы системного кризиса, в котором находится современная цивилизация. В контексте этого кризиса с особой остротой встаёт проблема взаимодействия общества и природы, вызванная отчуждением человека от своей естественной среды обитания.

Усиление антропогенного давления общества на окружающую природную среду угрожает биологической и социальной основе существования человечества [7, с. 5–6]. Это связано не только с резким истощением природных ресурсов, ослаблением естественной связи человека с природой, деградацией эстетических ценностей человека, но и с обострением экономической и политической борьбы за сырьевые рынки и жизненное пространство. В результате сегодня наблюдается дальнейшее нарастание двух опасных тенденций. Во-первых, продолжающееся ухудшение состояния окружающей среды по всем её основным параметрам и связанная с этим дестабилизация биосферы Земли [8, р. 22]. Во-вторых, увеличение разрыва в социальных и экономических показателях уровня развития и качества жизни между индустриальными и развивающимися странами.

Библиографический список

1. Libicki M. What is Information Warfare? – National Defense University, ACIS Papers. – 1995. – 3 August.
2. Ф. Фукуяма. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М. : АСТ, 2006.
3. Чумаков А. Н.. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. – 2010. – № 2.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М. : Прогресс – Традиция, 2000.
6. Неклесса А. И. Проект "глобализация": глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. – 1999. – № 1.
7. Шукюров А. Природа и общество: в преддверии катастрофы. – Баку, 1992 (на азербайджанском языке).
8. Globalization and Development. UN, ECLAC. – 2002. – April.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. Ю. Багирова

**Институт философии, социологии и права НАНА,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. Start the process of globalization has given rise to the formation of new ideas about how the world should be. Change both external and internal policies of the countries of the world have become a catalyst of development. There are different approaches to the understanding of the process of globalization, but almost all of them were designed to achieve one goal - to preserve and improve the world. However, the difference between the approaches has led to the world instead of unity, came to the segregation and economic inequality.

Key words: globalization; social and political problems of society; inequality of opportunity; the forecast of development.

Начало процесса глобализации дало толчок к формированию новых представлений о том, каким должен быть мир. Изменение как внешней, так и внутренней политики стран стало катализатором мирового развития. Появились различные подходы к пониманию процесса глобализации, но почти все они были направлены на достижение одной цели – сохранения и совершенствования мира. Однако различие подходов привело к тому, что мир вместо единения, пришёл к разделению и экономическому неравенству.

Одни страны, в основном западные, начали пользоваться преимуществами своей цивилизации и в дальнейшем получили название стран «золотого миллиарда». Другие оставались на обочине цивилизации и относились к странам так называемого «третьего мира», значительно отстающим от ведущих держав по уровню жизни населения.

Анализ позитивных и негативных последствий глобализации позволяет выявить её влияние на зарождение и развитие отрицательных тенденций, локальных конфликтов и войн. Сегодня недостатками глобализации могут считаться следующие:

1. Мировая экономика становится более нестабильной и уязвимой. Негативные тенденции в той или иной стране или том или ином регионе немедленно оказывают влияние на экономическое состояние остальных членов мирового сообщества (наглядные примеры – финансовые кризисы 1997–1999 и 2007–2010 гг.);

2. Разрыв в экономическом и социальном развитии между богатым Севером [1, с. 481] и бедным Югом [1, с. 483] достиг невиданных размеров и продолжает увеличиваться;

3. Возрастают масштабы миграции населения, в первую очередь, из бедных стран в развитые страны. Этот процесс выходит из-под контроля национальных правительств и международных организаций, а его негативные последствия варьируются – от роста преступности и распространения опасных заболеваний (в последнее время участились случаи распространения различных видов вирусных заболеваний типа птичий, свиной и др. грипп) до подъёма расистских настроений в развитых и развивающихся государствах;

4. В самих благополучных странах увеличивается разница между уровнем жизни и благосостояния богатых и бедных слоёв населения;

5. Растёт влияние, в т. ч. политическое, ТНК, ухудшается состояние окружающей среды, которая страдает вследствие коммерческой деятельности или отсталой системы хозяйствования;

6. Возрастает негативное влияние массовой культуры, угрожающее культурному и цивилизационному многообразию современного мира.

Комплекс угроз, наличествующий в современной реальности, может быть представлен на теоретическом уровне, исходящим от:

- активных радикальных приверженцев религиозных устоев, для которых неприемлемы как технологические новшества сами по себе, так и связанный с ними новый образ жизни;

- националистов, регионалистов и «локалистов», не приемлющих потери контроля над своей территорией, неизбежного «смешения языков»; «казус Хайдера» в Австрии может оказаться первым и далеко не самым громким звонком для глобализирующего мира;

- традиционных и новых меньшинств – общин, обладающих культурным своеобразием и не полностью интегрировавшихся в доминирующую культуру стран постоянного проживания, плохо адаптирующихся к быстро меняющимся реальностям;

- социальных движений, которые могут возникнуть для защиты интересов тех наёмных работников или собственников, которые проигрывают от экономических последствий глобализации;

- отдельных национальных правительств, не исключая и самые влиятельные. Например, правительства США и властей различных уровней, которые в какой-то момент могут оказаться не удовлетворёнными итогами глобализации. В частности, расходами, которые приходится нести во имя поддержания нового мирового порядка» [2, с. 237–238].

В числе реальных угроз называется и «мобильный, очень живучий фронт так называемых фундаментально настроенных

фанатиков, для которых по целой совокупности причин в принципе неприемлемы светские национальные государства, в том числе существующие и в мусульманских странах. Ещё менее приемлемо для них глобальное политико-экономическое сообщество» [2, с. 238].

Итак, мировые процессы «...свидетельствуют не о возникновении единого мира, а о нарастающем цивилизационном противостоянии, в котором отчётливо оформились два полюса. Единственная проблема, имеющая глобальный характер, – взаимодействие между «первым» миром и всеми другими, т. е. между демократической постиндустриальной цивилизацией и традиционными социальными системами, где ещё не сложилось подлинно гражданское общество. Вследствие этого «надеждам на создание единого мира не суждено сбыться, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, а может быть и столетия. Парадокс и противоречие современного мира, скрываемое фантомом «мирового сообщества», состоят в том, что мир, становясь в ходе информационных, технологических и финансовых процессов последней трети XX в. всё более доступным, компактным, поддающимся охвату, вместе с тем давно (и чем дальше, тем больше) трагически не един» [3, с. 131–132].

Глобализация – двусторонний процесс, приносящий как изобилие, продуктивность, эффективность производства, так и ведущий к углублению неравенства, насильственной унификации, подрыву гражданского общества. Глобализация оказывает качественное влияние на перспективы развития, демократизации, снижая роль государства и повышая роль ТНК в регулировании глобальных процессов. Оказавшись в целом благоприятной для всех высокоразвитых стран, неолиберальная глобализация оказалась катастрофичной для многих периферийных стран [4].

Современный глобализирующийся мир – это мир конфликтов, противостояний и противоречий. К глобальным проблемам принято относить разрушение окружающей среды, демографический взрыв, распространение бедности и нищеты, рост национализма (противостояние национального и глобального) и религиозного фанатизма, упадок культуры и т. д. Катастрофическое запустение земель и смертоносные эпидемии, быстрый рост населения и одновременно его обнищание, межконфессиональная и межэтническая вражда способны обесценить все достоинства глобализации. И. Валлерстайн делает такой прогноз: «В период от 1990-х до 2025–2050 гг., вероятней всего, не будет хватать мира, не будет хватать стабильности, не будет хватать легитимности». Он замечает, что «грядущие полвека – это период «мирового беспорядка» и что «мы уже вступили в него» [5, с. 347–348].

Угрозы, связанные с неолиберальным вариантом глобализации, выражаются в неизбежности межцивилизационных конфликтов, формировании международной системы организованной преступности, глобализации терроризма [6, с. 77–89]. Неизбежны рост неуправляемости в развитии ядерного технологического потенциала; обострение борьбы за передел мировых природных (энергетических, зерновых, водных, минеральных) ресурсов; усиление информационного доминирования США; возрождение региональных конфликтов, отражающих межблоковые, межцивилизационные, межкультурные противоречия [7].

М. Хардт и А. Негри, анализируя новый мировой порядок, ввели понятие «Империя», означающее универсальный порядок, не знающий границ и пределов [8]. Ущемлённый суверенитет национальных государств и их всё большая неспособность к регулированию экономических, политических, культурных процессов являются важнейшими признаками становления Империи.

Ответом на ущемление интересов национальных государств стало такое характерное проявление глобализации, как нарастание регионализации. Процесс регионализации характеризуется аналогичными процессу глобализации явлениями, происходящими в группах стран. Внутри таких союзов происходит либерализация торговли, движение капитала и мигрантов, обмен достижениями в различных отраслях, в сфере высоких технологий, энергоресурсов. Этот фактор включает в себя совокупность таких явлений, как рост национального самосознания (не только в странах третьего мира, но и в развитых странах ЕС), обострение внутренних политических и экономических противоречий, противодействие различным проявлениям конкуренции и пр. ЕС в подобном рассмотрении является более всего примером регионализации с перспективой создания серьёзной альтернативы США.

В современных условиях влияние локальных конфликтов на развитие отношений между государствами возросло. Становится очевидным, что в нынешнем взаимосвязанном и взаимозависимом мире политический климат планеты всё в большей степени определяется в «горячих точках». Факты последнего времени свидетельствуют о том, что любой вооружённый конфликт имеет «международное измерение» и может вовлечь участников международных отношений, перерасти в многосторонний, приобрести глобальный характер. Не лишним будет упомянуть в этой связи ситуацию, связанную с Нагорно-Карабахским конфликтом, который «если бы... был остановлен вовремя, решён немедленно и справедливо, ...то, возможно, мы не стали бы свидетелями конфликтов в Абхазии, Чечне и на Бал-

канах». [9, с. 361]. Кроме того, современные этнополитические конфликты, как локального, так и регионального характера, стали источниками терроризма и экстремизма, а также сопутствующей им неконтролируемой торговли оружием, производства и поставок наркотиков.

Следствием конфликтов и вооружённого насилия выступают многочисленные человеческие жертвы, большие материальные потери, трудновосполнимые экологические издержки, оказывающие негативное влияние на социально-политическую атмосферу во всём мире.

Глобализация актуализировала различные формы терроризма: политико-идеологический, биологический, этнокультурный, а также религиозный, экономический, информационный.

Разрушение религиозных устоев, нравственных норм и ценностей, обострение социальных противоречий в мире «традиционных культур» под давлением «развитых стран» вольно или невольно провоцируют проблему терроризма, поскольку «моральное определение терроризма должно лежать в основе всех остальных подходов» [10, с. 153], становится «общим требованием для выживания человеческой цивилизации» [10, с. 154].

Библиографический список

1. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М. : 1997.
2. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. – Баку : XXI YNE-2004.
3. Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис (Политические исследования). – 2001. – № 6.
4. Коллонтай В. М. Эволюция западных концепций глобализации // МЭиМО. – 2002. – № 1.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире. – СПб., 2001.
6. Серафим А. Является ли терроризм культурным явлением // Консорциум «Партнёрство во имя мира». – Весна, 2005. – Том IV. – № 1.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь мир», 2004.
8. Хардт М., Негри А. Империя // пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004.
9. Мехтиев Р. Философия. – Баку. – 361 с.
10. Мамед-заде И. Р. Опыт интерпретации морали. – Баку : Изд. «Муаллим», 2006.

IV. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Е.В. Гордеева

**Средняя общеобразовательная школа, с. Елшанка
Воскресенский район, Саратовская область, Россия**

Summary. The article studies the history of formation of the legal system as a regulator of public relations and it also describes the reasons of legal nihilism of young people in modern society.

Key words: law, legal awareness, legal culture.

Общество существует столько, сколько существует человечество. Оно складывается в результате взаимодействия людей. Отношения, возникающие между людьми, не могут быть всегда одинаковыми, как не бывает двух совершенно идентичных людей. Уже в эпоху существования первобытного общества возникла необходимость в формировании социальных норм для поддержания порядка и сохранения человеческого рода. Самыми древними правилами поведения людей, а значит и их отношения друг к другу, были обычаи. Наиболее примитивными среди них были запреты – табу, за нарушение которых предусматривалось суровое наказание. Сегодня обычаи по-прежнему окружают нас в повседневной жизни – это различные обряды и ритуалы. Обычай сплотил и упорядочил первобытную общность людей. Позднее появилась и другая система правил поведения, которая не вытеснила обычай, а до сих пор сосуществует наряду с ним, – это мораль. Правила морали возникают также стихийно, как и обычаи, но отличаются идейным обоснованием. Человек делает выбор, руководствуясь совестью. Совесть и чувство моральной ответственности за сделанное явились важной ступенью в формировании человека как личности. В связи с защитой личности, отдельного индивида и его интересов возникла и третья система правил поведения, или норм, – право. Становление этой системы связано с возникновением неравенства среди людей. Неравенство развивалось по двум направлениям: неравенство в престиже, а следовательно во влиянии и власти, и неравенство в имуществе. Понятно, что у обладателя этих ценностей возникала потребность защищать их от посягательств других.

Процесс формирования права занимал много времени. Начало праву положил правовой обычай, поддерживаемый жрецами и государством. Правовые обычаи сохраняли пережитки родового строя и закрепляли нормы патриархального быта, кастовые привилегии высших сословий и обязанности низших, имущественные отношения. Большую роль в становлении правовых норм играл суд, основной задачей которого была защита интересов зажиточных слоев населения. Это способствовало возникновению судебного прецедента. С возникновением письменности правовые нормы закрепляются в первых законах Хаммурапи и Солона, Салической правде и др.

Право возникает в виде правовых норм, принципов и институтов. «С момента появления государства история права предстает историей национального законодательства в его взаимосвязи и взаимозависимости с управляющей и регулирующей деятельностью государства – его административными и судебными учреждениями, а также с организацией и деятельностью армии, полиции, тюремных учреждений и т. д.» [2, с. 6].

В IV–III тысячелетиях до н. э. возникают высокоразвитые земледельческие цивилизации использующие ирригационные техники, имеющие письменность, крупную храмовую и городскую архитектуру. В ходе межплеменного общения возникали союзы племен, являвшиеся догосударственными структурами, а затем и государства, поддерживаемые административным, судебным и военным аппаратом.

По мнению правоведов, существует несколько способов формирования права: 1) государство санкционировало обычаи, которые сложились в родовом обществе, принуждая людей к их исполнению; 2) государство создавало специальные органы, ответственные за существование в обществе справедливых и обязательных для всех правил поведения; 3) государство само издавало специальные нормативные акты.

«Право в обществе в условиях цивилизации с аксиологической (философское направление – учение о ценностях) точки зрения – это не только необходимость, средство социального регулирования, но и социальная ценность, *социальное благо*.

Исходным для понимания права в этом качестве являются его особенности как институционального образования. Благодаря своей институциональности право обладает рядом высокозначимых свойств – общеобязательной нормативностью, формальной определенностью, высокой обеспеченностью и другими, раскрывающими его миссию существенной социальной силы общества, носителя значительной социальной энергии» [1, с. 164].

От других социальных норм правовые нормы отличаются системностью и, как правило, государственным контролем за их

исполнением. Но не все ученые придерживаются такого мнения. По мнению известного русского философа И. А. Ильина, *«право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания»*. [3, с. 258]

Развитое сознание формируется у человека только тогда, когда он вовлекается в общественную жизнь, приобщается к ее культурному наследию. Поэтому нельзя рассматривать сознание в отрыве от явлений общественной жизни.

Выработанные обществом нормы сознания становятся личными убеждениями человека, основой его поведения. Так же и личные идеи и убеждения приобретают качество общественной ценности в тот момент, когда они входят в состав общественного сознания.

Правовое поведение индивида контролируется его сознанием, оно ориентируется на нормы, действующие в обществе, и тесно связано с уровнем правовой культуры.

Таким образом, восприятие права как социального регулятора зависит от уровня сформированности правосознания. То, каким будет общество, зависит от воспитания правильного отношения к праву подрастающего поколения. Молодежь, являясь частью общества, включаясь во все многообразие его связей, воспроизводит такое отношение к закону, которое существует в обществе в целом. Еще более эта особенность российского общества обострилась в последнее десятилетие, признаком чего и стал факт усиления умственной и правовой анархии молодежи. В этих условиях процесс становления жизнеспособного поколения является довольно противоречивым и становится одной из приоритетных задач государства и общества. Падение производства, недофинансирование социальной сферы и постоянные сокращения расходов на поддержку молодежных программ привели в конечном итоге к отстраненности основной массы молодежи от задач, которые пытается решить государство. Пренебрежение к законопослушному поведению усиливается, прежде всего, в молодежной среде.

Чрезвычайно актуальной в этой связи становится проблема изменений в общественном (в частности, в правовом) сознании молодежи. Очевидными явлениями становятся факты смещения ценностных ориентаций в сторону признания криминального образа жизни как общественно приемлемого. Стирается грань между правомерной и противоправной деятельностью. В общественном сознании молодых людей меняется образ преступника. Он зачастую ассоциируется с удачливым бизнесменом, умеющим обходить или нарушать закон, получая при этом прибыль.

Подобная идеология ведет к вовлечению в криминальную среду все большего числа молодежи.

Еще одним фактором, влияющим на формирование правового сознания, является материально-бытовое положение молодежи. По данным российских социологических опросов, две трети молодежи находятся за чертой бедности. Около 40 % опрошенных не видят возможности реализовать свои социальные гарантии, и в первую очередь – гарантии на получение образования [4, с. 13].

Общество давно выявило закономерность: чем больше образованных молодых людей, тем выше уровень правосознания общества, и наоборот – чем меньше молодых людей, имеющих стабильное образование, тем выше уровень правового отрицания и правовой безграмотности, а следовательно, и уровень преступности. Становится понятно, что поднять уровень правового сознания молодежи можно только обучая и образовывая эту часть населения, так как именно молодежь в первую очередь оказывается вовлеченной в процесс криминализации.

К основным направлениям борьбы с правовым нигилизмом относятся:

- укрепление режима законности в стране (соблюдение всеми государственными органами, должностными лицами, гражданами Конституции РФ, законов и подзаконных актов);
- реальное обеспечение верховенства Конституции РФ и законов;
- гарантированность прав и свобод человека;
- совершенствование правовой системы;
- повышение авторитета суда и иных правоохранительных органов через их совершенствование и придание им большей эффективности;
- обеспечение в стране правопорядка;
- правовое воспитание.

Познакомившись с различными материалами, стало очевидно, что многие факторы влияют на формирование личности, и чаще всего эти факторы отнюдь не положительные. Поэтому я считаю, что задача нашего правительства в первую очередь обратить внимание на социальную сферу. Необходимо способствовать улучшению материального благосостояния основной массы населения, люди должны быть уверенными в завтрашнем дне, чувствовать себя защищенными. Нужны программы социального развития страны. Это не значит, что государство должно кормить тунеядцев, но человек, который работает, имеет право получать такую заработную плату, которая обеспечит ему не только достойную жизнь, но и безбедную старость.

И, конечно, нельзя забывать о просвещении подрастающего поколения. Уже с детства ребенку необходимо внушать уважение к закону, пропагандировать активную жизненную позицию. Только в этом случае можно будет надеяться на то, что общество станет правовым.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. – М. : Изд. Бек, 1995. – С. 164.
2. Графский В. Г. История права и государства. – М. : Норма, 2007. – С. 6.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М., 1993. – С. 258.
4. Шатылко И. В. «Значение правового сознания и правового нигилизма молодежи в условиях государственного реформирования» // «Опыт: пути решения социальных проблем молодежи в Саратовской области». – Саратов, 2000. – С. 13.

УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «НЕЗАКОНОРОЖДЕННОЕ ЛИЦО» В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

И. Г. Войнилова

**Саратовская государственная юридическая академия,
г. Волгоград, Россия**

Summary. The division of children to legitimate and illegitimate is a legal phenomenon which depends on specific historical conditions and the level of society's development. In this connection it is interesting to study the causes which determine the appearance of such division in the history of state and law in Russia. The historical and legal analysis of the conditions of formation of the category "illegitimate person" is relevant in both the theoretical and practical significance.

Key words: illegitimate person; marriage; history of state and law in Russia.

Ученые сходятся во мнении, что до принятия христианства в России отсутствовало деление детей на тех, кто родился в браке и на тех, кто появился на свет вне брачных уз.

Как указывает В. В. Момотов, даже великий князь Владимир был внебрачным ребенком князя Святослава и ключницы Малуши [3, с. 189].

С принятием христианства и рецепцией византийского права в России стало проводиться строгое различие как в социальном, так и правовом положении детей, рожденных в зарегистрированном браке, от детей, рожденных в свободном союзе.

А. И. Загорский, К. А. Неволин, В. В. Момотов, В. И. Сергеевич сходятся во мнении, что с принятием христианства церковь стала бороться за святость брачных уз, стараясь законода-

тельно закрепить для лиц, рожденных вне брака, соответствующие неблагоприятные последствия. Христианские постулаты гласили, что «от греховного корня зол плод бывает» [3, с. 189].

Христианство привнесло в брачный союз нравственное начало, закрепив единобрачие, моногамию. Оно установило границы законного брака, определив его как божественное таинство, «в которое мужчина и женщина вступают по собственному их изволению, открыто выраженному перед священником и церковью, в нерасторжимом союзе любви и дружбы для взаимной помощи, для избежания неправильностей в жизни и для рождения и воспитания детей к славе Божьей» [1, с. 304].

Однако среди ученых существует мнение, приверженцем которого является, в частности, Г. Ф. Шершеневич о том, что идея различия между законнорожденными и незаконнорожденными детьми стала проводиться в Русском государстве довольно поздно, только в XVII веке. В связи с укоренившимися в языческую эпоху устоями, обычаями, русский народ не стремился активно принимать новые правила, регулирующие брачно-семейную жизнь. Встречались только некоторые отличия в общественном положении детей рабынь.

Так, князь Святополк-Михаил «посадил» в 1097 году своего внебрачного сына Мстислава княжить во Владимир, Галицкий князь Ярослав передал своему внебрачному сыну Олегу все свое княжество, а сыну Владимиру, рожденному в браке, только город Перемышль [3, с. 189–190].

Действительно, церковь всячески укрепляла в обществе идеи моногамии, индивидуального брака, что привело к разделению детей. Однако это деление ничего не имело общего с христианским представлением о рождении как о таинстве Божиим, оставаясь лишь юридическим.

Заимствованное Русским государством византийское право уже отвергло юридическое значение конкубината, в котором зародились права незаконнорожденных детей. Остались в силе лишь общие постановления о незаконнорожденных детях, которые были чужды отцу.

Неволин К.А. отметил, что после того как римский император Леон Философ запретил конкубинат незаконнорожденные дети уже не могли существовать юридически [4, с. 452].

Таким образом, законодательство, регулирующее семейно-брачные отношения в христианской Руси, не закрепляло за незаконнорожденными лицами конкретных прав. «Русская Правда» предоставляла таким лицам только свободу вместе с их матерями – рабынями, а Соборное Уложение 1649 года не придало значение узаконению внебрачных детей последующим браком родителей.

В соответствии с положениями римского права незаконнорожденными были дети, прижитые лицами, не состоящими друг с другом в браке. Такое понятие о незаконнорожденных детях и перешло в законы Древней Руси, прежде всего, в «Русскую Правду», а затем Соборное Уложение, в котором было указано, что незаконнорожденными являются лица, прижитые от наложницы, даже если впоследствии отец вступил с ней в брак; прижитые от брака с четвертой женой; происшедшие от прелюбодеяния.

На закрепление в праве и общественном сознании русского народа понятия «незаконнорожденное лицо» также повлияло развитие христианской аскетической идеи, в рамках которой большое значение получило целомудрие девушки, ее нравственная чистота. Поэтому в некоторых местностях России девушка, имеющая внебрачного ребенка, не могла выйти замуж.

Для формирования централизованного великорусского государства особое значение имело укрепление семьи, основанной на христианских ценностях, а также социально-экономического положения зарождающегося сословия дворянства, как опоры самодержавия. В связи с этим, разделение детей на «законных» и внебрачных было продиктовано заботой о «чистоте рода» и сохранении наследуемого имущества.

Следовательно, деление лиц на законнорожденных и незаконнорожденных явилось чисто юридическим явлением, зависящим от конкретных исторических условий и уровня развития общества.

Поскольку, как отмечал К. Д. Кавелин, факт рождения находится вне области права и получает юридическое определение соответственно понятиям людей в данном обществе при данных обстоятельствах, степени культуры и требованиям правильного общежития [2, с. 1005].

Библиографический список

1. Горчаков М. И. О тайне супружества (происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной кормчей книги), исследование по истории русского церковного права – СПб : Типография В.С. Балашева, 1880.
2. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 4 : Этнография и правоведение – СПб : Издательство Н. Глаголева, 1900.
3. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М. : Издательство ИКД «Зерцало», 2003.
4. Неволин К.А. История российских гражданских законов в 3 ч. Ч. 1 – М. : Издательство «Статут», 2005.

ПРОЦЕДУРА НОТАРИАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЮСТИЦ-КОЛЛЕГИЕЙ СДЕЛОК И ДРУГИХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ АКТОВ (I-я четверть XVIII в.)

Л. М. Балакирева
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия

Summary. In the article on the basis of the analysis of office documents of the Justice-College traced stage of notarization of property acts in Russia in the 1st quarter of the XVIII century.

Key words: notaries; Justice-college; office documents; procedure of registration.

Возникновение института нотариата всегда свидетельствует об определенном уровне развития правового сознания и правовых отношений в конкретном обществе, а также является важным показателем степени контроля государства над процессами, протекающими в имущественной и обязательственной сферах этих отношений. Кроме того, сборы, получаемые от нотариального оформления сделок, составляют одну из доходных статей государственного бюджета; а политика властей, направленная на развитие и совершенствование системы нотариата, непосредственно затрагивает интересы широких слоев населения.

Несмотря на важность заявленной темы, специальных работ по истории российского нотариата очень мало. Л. Б. Мандельштам в работе, вышедшей еще в 1899 г., рассмотрел становление данного института, но преимущественно на западноевропейском материале [3]. Через 17 лет к данному вопросу вернулся М. Ф. Злотников, но он исследовал лишь способы комплектования, подведомственность и деятельность подъячих Ивановской площади в XVII в. [1]. Следующее обращение к истории российского нотариата последовало только в 1959 г., когда Г. Д. Капустина опубликовала статью о записных книгах Московской крепостной конторы. Работа имеет преимущественно источниковедческий характер, и автор довела свое повествование до 1708 г. [2]. Труды современных правоведов по истории «крепостной записки» в России, как правило, написаны без использования архивных материалов. Таким образом, заявленная тема явно нуждается в дальнейшем расширенном изучении.

В основу данной статьи положены различные делопроизводственные документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Юстиц-коллегии – № 282, Юстиц-конторы – № 285 и др.

В петровскую эпоху, пожалуй, самого большого количества бумаг и, следовательно, длительного, трудоемкого делопроизводства требовало нотариальное оформление сделок, особенно если учесть, что органы крепостной записки теперь сами регистрировали многие их виды. Начиналось дело с составления документа, раскрывавшего суть соглашения. Для этого заинтересованные стороны обычно лично являлись в местное нотариальное учреждение, представляли предусмотренные законом доказательства своей правоспособности вообще и прав на предмет сделки в частности; иные необходимые подтверждения; приводили свидетелей. Затем «крепостной» писец составлял по установленному шаблону купчую, закладную, рядную запись, завещание, заемное письмо и т. д. После подписания готового текста всеми участниками писец и сам непременно «прикладывал» к нему руку, однако бумага при этом всё еще не становилась документом – ее нужно было зарегистрировать.

Первичная регистрация производилась здесь же – в Крепостной конторе, крепостной избе или столе. Сначала надсмотрщик читал только что изготовленную «крепость» на предмет выявления в ней ошибок, «противностей» указам, а также злого умысла сторон. Если ничего подобного не обнаруживалось, то участникам сделки предлагалось уплатить за написание и регистрацию бумаги определенные законом пошлины в казну, затем следовало повеление надсмотрщика подьячим записать данное соглашение «в книгу перечнем». Сам же он делал как в «перечневой» книге, так и на документе отметку о внесении денег. Одновременно аналогичную запись надсмотрщик производил в специальной «Книге записной, что записываются (различные виды актов. – Л. Б.) перечнем збору с них писших пошлин».

В каждой «перечневой» и «пошлинной» книге обычно фиксировался только один вид сделок, заключенных в течение одного года. Названные источники достаточно хорошо сохранились, и сегодня в РГАДА записные книги петербургской Крепостной конторы можно найти в фонде московского отделения Юстиц-коллегии – Юстиц-конторы, а в архивном фонде самой Юстиц-коллегии широко представлены записные книги и «подлинные» дела Крепостного приказа, подчиненного в ходе реформы Московскому надворному суду. Именно такие книги позволили восстановить описанный выше первый этап нотариального оформления сделок в 1-ой четверти XVIII в.

Итак, 28 февраля 1719 г., за 3 дня до передачи всех органов крепостной записки в ведение Юстиц-коллегии, при Петербургской губернской канцелярии была составлена и зарегистрирована купчая: «Нарвского гварнизонного полку капитан Афона-

сей Кондратьев сын Софонов продал... для своих нужд и росплаты долгов... Поместного приказу подьячему Игнатью Михайлову сыну Грецову в вечное владение без выкупу поместной своей земли в Тульском уезде... две четверти со всеми угодья по дачам своим и по Писцовым книгам. А взял он, Афанасей, у него, Игнатя, за вышеписанную свою землю... пять рублей. А та... земля напредь сего ни у кого в крепостях не укреплена. К той купчей капитан... Софонов руку приложил. Да свидетель от флоту гардемарин Петр Степанов сын Бахметев сам руку приложил. Купчую писал Санкт-Петербурхской губернской канцелярии подьячей Иван Черемняков». Ниже к купчей сделана приписка: «От письма и от записки четыре алтына две деньги, да на нужные расходы полденьги писаны под статью в приходной книге февраля 28 числа. Подписал надсмотрщик Иван Трунилов» [4, ч. I, д. 236, л. 116–116 об.].

В самой Крепостной конторе при Юстиц-коллегии впоследствии нотариальные акты составляли и регистрировали точно по такой же схеме. 23 апреля 1719 г. секретарь Юстиц-коллегии и глава Крепостной конторы «Аврам Степанов сын Сверчков, будучи при Санкт-Петербурхе, занял... у стольника Ивана Ивановича Леонтьева денег 200 рублей, а заплатить ему, Авраму... заемные деньги на срок сентября первого числа предбудущего семьсот двадцатого году». К той «заемной записи» А. Сверчков и свидетели «руки приложили», а писал ее подьячий Юстиц-коллегии В. Крылов. Надзиратель И. Трунилов взял с секретаря «от письма шесть алтын четыре деньги, от записки три алтына две деньги и на расходы полденьги», записав эти деньги «под статью в приходной книге июня 23 числа». Далее следовали автографы надзирателя и должника или займодавца: «Подписал... Иван Трунилов. Подлинную заемную Аврам Сверчков взял и росписался» [4, ч. I, д. 510, л. 105].

С получением заветного документа хлопоты лица, приобретшего имущественные права, вовсе не заканчивались. Теперь нужно было, чтобы судебное учреждение, при котором функционировал нотариальный орган, либо другое специально уполномоченное ведомство, утвердило данную сделку, то есть, в терминах 1-ой четверти XVIII в., требовалась «совершенная записка». Необходимо сразу отметить: Юстиц-коллегия, губернские канцелярии, позднее – надворные суды, как правило, принимали к рассмотрению «крепости», если они были оформлены в любом населенном пункте на территории вверенной их попечению губернии, а также если регистрация данного вида «крепостей» была прямо отнесена к их компетенции. Составленное в провинции, уезде обязательство, подлежащее регистрации в более высоких инстанциях, заинтересованному лицу следовало «явить» в губернский орган

крепостной записки и подать прошение на имя главы соответствующего судебного учреждения об утверждении и окончательной регистрации документа. Так же следовало поступить, даже если сделка была заключена и записана «перечнем» в той же самой конторе, куда «били челом о совершенной записке», но между этими двумя обращениями имелся временной промежуток (какой именно, выяснить не удалось).

Представленные просителями акты фиксировались в специальной книге записной «явочным купчим и закладным, и всяким крепостям», их собственные заявления – в Книге записной челобитных Крепостной конторы. 21 января 1719 г. «явил закладную на лавку дьяк Петр Никитин, что ему, заложя, просрочил псковитин посадкой человек Агафон Полетаев лавку свою при Нарве... со всяким строением. Закладная писана в Нарве у крепостных дел. Список з закладной взял Иван Бушуев» [4, ч. II, д. 1469, л. 47]. 4 декабря 1719 г. «явил купчую на дворовых людей шацкой... помещик Алексей Иванов сын Батышев, что ему продал Санкт-Петербурхского гварнизона... салдат Иван большой Борисов сын Нестеров... дворового своего крепостного человека Степана Аверкиева з женою ево... да з детьми... и со всеми их животы. Денег взял двенадцать рублей. Список с купчей у Марка Неелова». Запись в книге «закрепил» секретарь А. Сверчков [4, ч. II, д. 1472, л. 9].

После этой процедуры подлинный документ возвращался владельцу, который наконец мог подавать прошение в судебную инстанцию об окончательной регистрации. Если же требовалось утвердить только что оформленную в этой же конторе «крепость», то заинтересованное лицо просто подавало соответствующую челобитную, «являть», разумеется, ничего было не нужно. Однако в обоих случаях без положительного решения судебных органов сделка юридической силы не приобретала. Поэтому надсмотрщик еще при «перечневой» записке всегда предупреждал заинтересованное лицо: «А о совершенной записке бить челом и пошлины платить, где по указу надлежит, в указные числа».

Обращения подданных о нотариальном подтверждении их новых имущественных прав составлялись по общим для всех челобитных правилам: кратко излагалась суть дела, затем следовала просьба. Так, 29 апреля 1719 г. судья Петербургского надворного суда П. Коробин в челобитной на имя президента Юстиц-коллегии сообщал: 9 марта 1719 г. купил он в Петербурге человека Кузьму Семенова с женой и детьми у геодезиста А. Клешнина. «А те люди живут у него в резанской деревне. А сюда привести их и купчей туда послать до сроку некогда. Купчую писал подьячей Юстиц-коллегии Петр Булгаков». П. Коро-

бин хотел бы записать приобретенных крестьян «подлинно в Юстиц-коллегии» [4, ч. II, д. 1472, л. 17 об. – 18]. 24 июля 1719 г. в центральную судебную инстанцию била челом А. Зотова: муж ее, И. Зотов, умер и оставил «духовную», которая в Юстиц-коллегии у «крепостных дел перечнем в книгу записана и пошлины по указу взяты». Вдова просила милости у великого государя, чтобы он «велел, сверх оной перечневой записки... о свидетельстве и о совершенной записке указ учинить» [4, ч. II, д. 1473, л. 44 об.]. 28 июля 1719 г. И. Ляпунов просил членов Юстиц-коллегии, «чтоб по ево купчей, которая явлена в Санкт-Петербурхской губернской канцелярии, двор ево записать за ним» [4, ч. II, д. 1471, л. 11а–11а об.]. Возглавлявший Крепостную контору секретарь А. Сверчков делал на челобитных пометы примерно одинакового содержания: «Записав в книгу, взять к делу и доложить вскорости по указу». Или: «Записав в книгу, выписать, приняв пошлины по указу, а копию, с подлинною справясь, отдать челобитчику с роспискою». Далее, вероятно, попытчики со своими подчиненными производили необходимую проверку: сверяли бумаги, допрашивали свидетелей и т. д.

Случалось, что в Юстиц-коллегию и, возможно, подчиненные ей органы обращались люди, которые не оформили своих купчих, закладных, рядных и т. д. в надлежащем порядке вовремя, но теперь согласны были уплатить казенные пошлины, чтобы узаконить совершенные сделки. При этом подданные обязательно приводили всякие причины, оправдывавшие их недостаточное законопослушание. Чаще всего встречались объяснения, подобные следующим: 26 мая 1719 г. великому государю в коллегии Юстиции бил челом «Вяцкого драгунского полку драгун Осип Иванов сын Андреев. В прошлом во 992 году... против зговорной записи дал ему данную крепость за рукою тесть ево Тимофей Максимов сын Агибалов на крепостную свою дворовую девку Акилинку... И та вышепомянутая данная крепость и по се число нигде в книги не записана и пошлины по указу не заплачены за ево, великого государя, службою. А он служит великому государю многое время, и по се число в драгунском Вяцком полку неотлучно». Далее О. Андреев просил руководство Юстиц-коллегии «ту данную крепость записать» и сообщал: «А данную писал Яжелбилского погоста николаевской поп Михайла Ермилин» [4, ч. II, д. 1472, л. 2а–3а]. 23 сентября 1719 г. М. Кобыльская обращалась к президенту Юстиц-коллегии А. А. Матвееву «с товарищи» по поводу завещания: ее муж умер в феврале 1719 г. на острове Котлин и «оставил духовную письма своей же руки, которую духовную писал на Котлинном острове. А в том городе крепостных дел нет». Вдова ходатайствовала об утверждении такого завещания [4, ч. II, д. 1473, л. 52–52 об.].

Юстиц-коллегия «для збору и пополнения денежной казны» охотно принимала самостоятельно изготовленные актовые материалы. В ее Крепостной конторе в 1719 г. были заведены даже две специальные книги. Одна из них предназначалась для регистрации «крепостей, которые писаны по 1700 год», другая – для «писанных с прошлого 1700 году» [см.: 4, ч. II, д. 1472]. Подданные, тем не менее, особой активности не проявили – в первой книге всего 13 записей. Содержание второй вовсе не соответствует ее названию – туда вносили коллежские решения, касавшиеся купли-продажи дворовых людей, совершенной в пределах Петербургской губернии в 1719 г.

Заключительным этапом оформления сделок, как уже говорилось выше, было их рассмотрение судебной инстанцией, при которой функционировало нотариальное учреждение, или другим специально уполномоченным органом власти. В назначенный день челобитчик являлся, к примеру, в Юстиц-коллегию, имея при себе подлинную купчую, закладную, рядную, заемную и т. д. с соответствующей резолюцией надсмотрщика об уплате пошлин при «перечневой записке». Исключения составляли лишь владельцы «не указным порядком» изготовленных нотариальных актов «прошлых лет», ибо они «перечневую записку» уже не проходили. Секретарь докладывал коллежскому присутствию суть дела и представлял имеющиеся в Крепостной конторе по этому вопросу материалы.

Реконструировать сам процесс обсуждения, к сожалению, невозможно, т. к. протоколы заседаний Юстиц-коллегии первых лет ее существования не сохранились, но принятое решение в конце дела «подписывал» А. Сверчков, а затем оно вносилось в «Книгу записную конторы Крепостных дел состоявшимся приговорам со определения того крепостного дела по именному... указу... февраля 3 19 числа нынешнего 1719 году». Тексты в записной книге выглядят так: 6 июня 1719 г. «по приговору за приписанием секретаря Аврама Сверчкова велено дворовых людей по купчей записать за Степановою женою Чашникова за Федорою Петровою дочерью, буде спору нет» [4, ч. II, д. 1471, л. 3]. 10 июня 1719 г. «по приговору за приписанием секретаря Аврама Сверчкова велено рядную запись Василия Иванова сына Мартюхина, какову он дал Вяцкаго драгунского полку капралу Василию Григорьеву сыну Хвостову, по содержанию... указов для збору и пополнения великого государя денежной казны, приняв пошлины и записав в приход, записать в книгу, буде спору нет» [4, ч. II, д. 1471, л. 3 об. – 4]. 10 октября 1719 г. было «велено поступную запись рейтара Степана Лукьянова и сына его Василья Ахматовых, которую явил к записке Степанов внук... Осип Нечаев... приняв указные пошлины... записать в

записную тех крепостей книгу, буде спору нет» [4, ч. II, д. 1471, л. 14 об.]. 19 октября 1719 г. Юстиц-коллегия решила «Фомино заемное письмо Непенина, что он дал в 205 году Ивану Байкову, взяв пошлины по указу, записать в книгу, буде спору нет» [4, ч. II, д. 1471, л. 15 об.].

После решения Юстиц-коллегии о регистрации конкретной крепости ее владелец еще раз платил установленную сумму денег, что фиксировалось в специальных приходных книгах Крепостной конторы сбора пошлин «с подлинной записки». Затем подьячие делали в книге записной «подлинником» определенного вида крепостей запись, непременно включавшую в себя копию заявления просителя, копию акта о совершении сделки и копию приговора Юстиц-коллегии. Повытчик в заключение сообщал об уплате пошлин и челобитчик наконец расписывался в получении полностью нотариально оформленного документа (в нём теперь было и коллежское решение, и отметка о вторичной уплате пошлин). Так, уже упоминавшееся прошение О. Андреева от 26 мая 1719 г. о регистрации «данной» на крепостную девку было рассмотрено 6 июня 1719 г. Пошлины, согласно записной книге, были записаны «в приход июля 30 числа нынешнего 1719 году. Смотрил Петр Булгаков. Такову подлинную данную Вяцкого драгунского полку драгун Осип Андреев от записки взял, а вместо ево расписался того ж полку писарь Леонтей Давыдов» [4, ч. II, д. 1472, л. 2а–3а].

Несмотря на отсутствие в 1719 г. нужного количества квалифицированных подьячих, опыта в сфере нотариальной практики, недостаточное материальное обеспечение, необходимость укомплектовывать кадрами провинциальные учреждения и прочие трудности, Крепостная контора при Юстиц-коллегии всё же справлялась с возложенными на нее обязанностями по оформлению сделок: за рассматриваемый год, согласно конторской записной книге, состоялся 101 приговор Юстиц-коллегии, утверждавший «крепостные» акты. А. Сверчкову пришлось заниматься документами, составленными не только в 1719 г., но даже до 1700 г., при этом ни одно дело граф Матвеев «с товарищи» не вернули в контору из-за недостаточной подготовленности, ни одно коллежское решение о регистрации крепостей не было оспорено заинтересованными лицами (по крайней мере подобные факты не обнаружены). Правда, как свидетельствуют «Подлинные» записные книги, между подачей челобитной о регистрации и приговором Юстиц-коллегии могло пройти от двух дней до четырех месяцев. В среднем же этот срок составлял около 10 дней.

Мы не можем, к сожалению, сказать, сколько всего подданных, к примеру, в 1719 г. хотели узаконить приобретенные

имущественные права и, следовательно, какой процент от общей массы составили рассмотренные дела, т. к. в фондах РГАДА сохранилась всего одна соответствующая записная книга челобитных, состоящая из 21 листа. Зато собираемость «пошлинных» денег в Крепостной конторе была, вероятно, довольно высокой, иначе граф Матвеев не мог бы оплачивать из ее средств всевозможные «нужные расходы» всей Юстиц-коллегии (бумага, свечи, дрова, прогоны курьерам и др.) и даже иногда выплачивать жалованье своим чиновникам.

Библиографический список

1. Злотников М. Ф. Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // Сборник статей, посвященных Алексею Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. – Петроград, 1916. – С. 129.
2. Капустина Г. Д. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник // Проблемы источниковедения. – М., 1959. – Т. VII. – С. 216–221.
3. Мандельштам Л. Б. Учреждение нотариата и его организация // Журнал Министерства Юстиции. – Кн. 4. – С. 29–30.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 285. Оп. 1.

ВОЕННЫЕ СУДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕННОЙ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЫ

Н. Н. Веретенников

**Дальневосточный филиал Российской академии
правосудия, г. Хабаровск, Россия**

Summary. The questions related to activity of courts martial of the Russian empire in the conditions of super excellence are examined in the article. Drawn conclusion, that change of jurisdiction of general courts on military jurisdiction in the localities declared on super excellence, was a force measure sent to maintenance of the Russian state. Thus a legislator tried maximally to save fundamental principles of the bourgeois rule-making at consideration by the military district courts of businesses in regard to civilians.

Key words: reform; the crisis; the military courts; State of emergency; martial law; jurisdiction.

1 (13) марта 1881 г. народоволец И. Гриневицкий выполнил решение Исполнительного комитета «Народной воли», вынесшей в июне 1879 г. на съезде в Липецке Александру II смертный приговор. Он смертельно ранил на набережной Екатерининского канала в Петербурге русского императора именно в тот день, когда тем было принято решение дать ход конституционному проекту М. Т. Лорис-Меликова [5, с. 19–23]. Этот проект мог осуществить в России комплекс мер по демократизации

государственной и общественной жизни, снизить, а то и вовсе исключить накал революционных страстей. Закончилась эпоха царя освободителя, своими либеральными реформами расшатавшего николаевскую империю, и Россия в очередной раз избрала только ей уготованную судьбу. И судьбу, как показали последующие события, не самую лучшую.

Управление империей перешло к Александру III, который смог решительными действиями на время приостановить гибель державы. При этом у нового императора были хорошие и дальновидные государственоведы. Так, в письме от 6 марта 1881г. оберпрокурор К. П. Победоносцев писал Александру III: « ... час страшный и время не терпит. Или теперь спасти Россию и Себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены... о либеральном направлении, – о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте» [17, с. 316].

Наступило время коррекции либеральных преобразований, призванных нейтрализовать негативные последствия реформ, которые в обязательном порядке присутствуют в столь грандиозных государственных преобразованиях. В этой связи русский писатель и публицист В. П. Мещерский писал: «Очень легко от теории крестьянского счастья, от всеобщего или земского хозяйства прийти к теории уничтожения дворянства, а от этой теории до теории бесполезности самодержавия – один шаг» [20, с. 171].

Власть прекрасно понимала, что пришло время выработки решительных мер по наделению органов административной власти чрезвычайными полномочиями с приостановлением действий общих законов. Так, Министр внутренних дел Н. П. Игнатьев (1881–1882 г.) докладывал Комитету министров, что отсутствие законных полномочий ограничивает действие властей. Несогласованность распоряжений по борьбе с революционным движением и выбору средств борьбы с крамолой создало сложные и не вполне удобные приёмы управления [8, с. 401].

Обстановка требовала срочных мер, направленных на предупреждение и пресечение террористических актов оппозиционно настроенной части населения империи.

Работа началась во второй половине мая 1881 г. и уже 14 августа Комитет министров представил Александру III проект Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, который в этот же день «Высочайше его утвердил» [19, ст. 350].

Это был крайне своевременный шаг, поскольку государство находилась на грани гражданской войны. В стране существовала и активно действовала хорошо организованная радикальная оппозиция, целью которой было свержение монархии.

Империю сотрясали крестьянские волнения, которые были крайне недовольны проводимой правящим классом земельной реформой.

Положение состояло из двух разделов: усиленной и чрезвычайной охраны. Разница заключалась в том, что усиленная охрана объявлялась в случае, когда преступные посягательства или их подготовка нарушали государственный порядок и общественное спокойствие частных лиц или существовала угроза их имуществу [19, п. «а» ст. 6]. А чрезвычайная охрана – когда «преступной деятельностью злоумышленников» создавалась столь явная угроза государственному порядку и общественной безопасности, что требовались особые «мероприятия к их прекращению» [19, п. «б» ст. 6].

Стоит выделить ряд основных нормативных предписаний, закрепленных в Положении и непосредственно определяющих механизм правового регулирования деятельности военно-судебной власти в условиях чрезвычайного положения:

– Во-первых, на территориях, объявленных находящимися на усиленной или чрезвычайной охране, была заменена юрисдикция общих (гражданских) судов на военную юрисдикцию [19, ст. 17]. Дела о преступлениях, предусмотренных общими уголовными законами, передавались на рассмотрение военной юстиции «для суждения их по законам военного времени». При этом подсудность изменялась не произвольно, а на основании распоряжения высших должностных лиц империи – Генерал-губернатора, а в губерниях, ему не подчинённых, – Министра Внутренних дел. Столь высокий статус должностных лиц, на которых лежала ответственность по изменению подсудности дел, являлся дополнительной гарантией против произвольного разрешения данного вопроса иными чиновниками органов исполнительной власти. Нелишне заметить, что изменялась подсудность только в том случае, когда в этом «была необходимость в целях ограждения общественного порядка и спокойствия».

– Во-вторых, рассмотрение и разрешение дел по первой инстанции возлагалось не на полковые суды, в которых судьи были представлены строевыми офицерами, а на Военно-окружные и временные Военные суды, где председательствовали в судебных заседаниях профессиональные юристы с хорошим уровнем теоретической и практической подготовки. Это позволяло судьям оценивать не только фактическую, но и юридическую сторону дела и, как следствие этого, более качественно и объективно рассматривать дела в условиях чрезвычайного положения. Временные Военные суды учреждались в тех губерниях, в которых отсутствовали Военно-окружные суды, или если постоянные Военно-окружные суды не справлялись с высо-

кой судебной нагрузкой. Требование, чтобы временные военные судьи для участия в рассмотрении дел должны были быть в воинском звании старших офицеров и именно из того военного округа, в котором рассматривались дела, было обусловлено, с одной стороны, желанием законодателя сформировать более опытный судебный состав, с другой – оперативно рассматривать дела.

– В-третьих, рассмотрение дел происходило не в сокращённой форме, как, к примеру, в военно-полевых судах, а по правилам, установленных в гл. 3 раздела V книги XXIV Свода Военных Постановлений изд. 1879 г. [4]. В обязательном порядке производилось дознание и предварительное следствие. Порядок предания суду соблюдался тот же, что и для мирного времени, с тем лишь исключением, что материалы предварительного следствия сразу направлялись товарищу Главному военному прокурору, который докладывал командующему военным округом свои предложения относительно дальнейшего движения дела [4, ст. 1225]. Конфирмация приговора (лат. *confirmatio* утверждение) возлагалась на Генерал-губернаторов, а в местностях, им не подчинённых, на командующих военным округом [19, ст. 19]. Они вправе были не согласиться с приговором вследствие его мягкости, но в то же время могли рассмотреть ходатайство о смягчении осуждённому наказания в размере, выходящем за пределы военно-судебной власти, или помиловать осуждённого. В то же время, в исключительных случаях, когда требовалось привести наказание в исполнение, должностные лица вправе были, не направляя дело на кассационное рассмотрение в Главный военный суд, окончательно утвердить приговор. Однако о каждом таком «отступлении от общих правил судопроизводства» докладывалось лично Государю Императору» [4, ст. 1241].

– В-четвёртых, не всякое преступление подпадало под действие Положения, а только отнесённые законом к особо тяжким. Например, вооруженное сопротивление властям; нападение на военнослужащих, чинов полиции или иных государственных служащих при исполнении ими должностных обязанностей и связанное с угрозой их жизни и здоровью; умышленное уничтожение имущества путём поджога [19, п. «а» ст. 18]. Поскольку состав таких преступлений относился к разряду особо тяжких, вполне закономерно законодателем в Положении была определена и мера ответственности. Наказание назначалось по правилам ст. 279 Воинского Устава о наказаниях: «в военное время за умышленное убийство, разбой, грабёж и умышленное зажигательство или потопление чужого имущества виновные приговариваются к лишению всех прав состоя-

ния и к смертной казни». Правда, в особых случаях казнь могла быть заменена: для осуждённого к расстрелу или повешению – на совершение над ним обряда казни, которая означала политическую смерть, и ссылку на каторжные работы бессрочно или на определённый срок [16, ст. 55].

– В-пятых, даже в условиях практически военного времени, Положение [19, приложение к ст. 18] гарантировало подсудимым участие в процессе защитника. Это производилось на основании ст. ст. 671–672 Военно-Судебного Устава. Подсудимый имел право защищать свои интересы как лично, так и с помощью профессионального адвоката (присяжного поверенного) или иного лица. В качестве военнослужащего поручалось вести защиту временному члену Военно-окружного суда, имеющему безупречную репутацию, стаж военной службы не менее 8 лет, в том числе на командных должностях не менее 4 лет [4, ст. 36]. Законодатель, делегируя подсудимому право в выборе защитника, исходил из того гуманного начала, что ему должны быть предоставлены все средства к оправданию, и что в числе этих средств должен быть и свободный выбор защиты. Как отмечали русские юристы того времени, «иногда подсудимому выгодно отказаться от услуг привилегированной адвокатуры: его может защитить опытный юрист, не принадлежащий к адвокатскому сословию, профессор, магистр, доктор права и др.» [13, с. 352].

Положение предусматривало в обязательном порядке рассмотрение дел в режиме «закрытых дверей», но только по таким делам, которые «могли послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка» [19, п. «в» ст.18]. Хотя в вопросах гласности у юристов того времени не было единого мнения. «Дайте мне», – говорил Мирабо законодательному собранию Франции от имени г. Марсея, – «какого хотите судью, пристрастного, корыстолюбивого, даже моего врага, лишь бы только он действовал в виду публики» [1, с. 66]. В то же время против гласности выступали последователи итальянской антропологической школы (Чезаре Ломброзо). Они считали, что из соображения общественной нравственности необходимо удаление публики из залов уголовного суда, ввиду её «склонности покрывать славой героев преступления и порока, а также подражать им <...>. Закрывание дверей суда для публики являлось одним из факторов уменьшения преступления в обществе» [2, с. 548–591].

Положение, когда преступления, в том числе политические, совершённые гражданскими лицами, передавались для рассмотрения военно-судебной власти, у многих юристов вызвало резкую критику. В середине XIX в. известный немецкий криминалист Karl.-Jos.-Ant. Mittermaier писал: «Я не знаю боль-

шего несчастья для страны, чем предание военному суду политических преступников» [6, с. 131]. В более позднее время другой юрист, итальянский учёный Ранелетти высказался ещё более категорично: «в душе народа она оставляет по себе долгий след великой скорби. Она ненавистна народу, который видит в ней не правосудие, ...а могучее орудие правительственного гнёта» [6, с. 132]. Схожая точка зрения была и у русского юриста В. М. Гесена, который считал: «Если есть истина, признанная всеми, это та истина, что военный суд – не суд; если есть факт, осуждаемый всеми, это факт существования военных судов» [6, с. 132].

Вместе с тем, нельзя забывать, что в построении военно-судебных органов Российской империи конца XIX в. был заложен ряд основополагающих принципов буржуазного судоустройства и судопроизводства: военные суды учреждались на постоянной основе; судьи военно-окружных судов имели юридическое образование; принципами уголовного судопроизводства провозглашались публичность, гласность и справедливость; приговоры могли быть обжалованы осуждённым; подсудимому предоставлялось право вести свою защиту самостоятельно или через своего защитника; слушание дел происходило коллегиальным составом суда.

Высокую степень независимости русской судебной власти отмечал А. А. Керсновский: «характерными чертами русского суда являлись его неподкупность и редкая независимость, столь отличавшие его от продажной западноевропейской магистратуры» [11, с. 169]. Мнение А. А. Керновского разделял и С. В. Завадский, который писал, что в период его служебной поездки в Королевство Италия у него сложилось твёрдое убеждение, что итальянские судьи недобросовестны, а присяжные заседатели подкупны. Говоря о российских судах, автор отмечал: «слава Богу, мы, русские, можем гордиться тем, что судейская служба у нас до сих пор пользуется всеобщим уважением, а наши судьи ещё ни разу не сходили с высоты своего положения» [7, с. 26–29].

Почему власть делала ставку на военные суды: ответ очевиден. Второй половине XIX в. характерно повальное увлечение в России идеями Великой Французской революции. И даже, как полагал известный русский цивилист К. И. Малышев, «ненавистью к историческому порядку вещей» [9, с. 18]. Террор воспринимался не как зло, а как некий инструмент, при помощи которого в стране ликвидируется царизм и наступит эра нового, светлого и прекрасного. При таком положении вещей только судьи в погонах, не подверженные радикальным либеральным идеям и мнению определённой части населения, когда «насилие – повивальная бабка истории» [10, с. 761], «кто не с нами, тот против нас» и т. д., могли объективно рассматривать дела, отне-

сённые Положением к их компетенции. Кстати, об объективности: когда министр юстиции К. И. Пален просил от А. Ф. Кони (председательствующего по делу) объективности при рассмотрении дела в отношении В. Засулич, тот ему ответил: «Всё, за что я могу ручаться, это за соблюдение по этому делу полного беспристрастия и всех гарантий правильного правосудия» [12, с. 74]. Как показали дальнейшие события, не было правильного правосудия, как не было и законности. После вынесения судом присяжных оправдательного приговора в отношении В. Засулич либеральная общественность рукоплескала этому беззаконию, с ликованием встретив оправдательный приговор. И всё это закончилось пролетарской революцией 1917 г., но через непродолжительное историческое время либералы пошли по этапу в сталинские лагеря, и уже без ликования.

На основании выше изложенного можно сделать ряд выводов:

– одним из основных механизмов борьбы с насилием и всеобщим хаосом в условиях чрезвычайного положения были Военно-окружные суды. Основной задачей, решаемой военно-судебной властью, было определение виновных лиц и их наказание за совершенные преступления на основании закона;

– принятие Положения было очень своевременным шагом, поскольку та лёгкость покушения на «священную жизнь главы Российской державы» показала, что власть теряет управление империей;

– разработчики Положения в короткие сроки сумели разработать комплекс правовых предписаний, которые в своей совокупности позволяли в рамках закона навести в государстве должный порядок;

– законодательные меры носили превентивный характер, так как строгость наказания, в том числе и высшей меры, служила действенным уроком для той части «либерального общества», которая наивно полагала, что их преступные действия должной оценки со стороны власти не получают;

– правовые меры по обузданию революционного ажиотажа носили адекватный характер, поскольку предполагали меры крайней уголовной репрессии только за особо тяжкие преступления;

– в целом усилия административного характера и военно-судебного реагирования носили достаточно эффективный характер, что позволило в кратчайшие сроки навести в империи должный порядок. Историк М. Н. Покровский указывал на значительный упадок революционного движения и террористической активности [18, с. 259]. В годы правления Александра III было лишь одно удавшееся 18 марта 1882 году покушение народовольцев на военного прокурора В. С. Стрельникова. После

этого террористических актов в империи не было вплоть до начала XX века.

Библиографический список

1. Бентам И. О судоустройстве. – СПб., 1860.
2. Викторский С. И. Гласность в уголовных судах современной России // Юридический вестник. – Т. X. – Кн. 4. – М., 1892. – № 4.
3. Воинский Устав о наказаниях (1869 г. XXII, изд. 4). – Петроград, 1917.
4. Военно-Судебный Устав. – 4-е изд. – Варшава, 1879.
5. Галустьян О. А. О Лорис-Меликове, главе МВД России, и его реформе при императоре Александре II // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 4. – С. 19–23.
6. Гессен В. М. Исключительное положение. – СПб., 1908.
7. Грибовский В. Завадский В. С. Кандидаты на судебные должности в Италии // Журнал юридического общества. – СПб. – 1896. – Май.
8. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. – М., 1964.
9. Захаров В. В. Система общих гражданских судов в России в первой половине XIX в.: кризис модели судоустройства // Мировой судья. – 2008. – № 6.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 23.
11. Керсновский А. А. История русской армии. – Т. 2. – М. : Голос.
12. Кони А. Ф. Собр. соч. – Т. 2. – М., 1966.
13. К вопросу о защите по уголовным делам // Юридический вестник. – № 6–7. – Т. XXVIII. – М., 1888.
14. Mittermaier. Статья в Archiv fur Criminalrecht. – 1849 // цит. по Гессену.
15. Orlando-Raneletti. – С.1230 // цит. по Гессену.
16. Огнев Д. Ф. Воинский устав о наказаниях. – 4-е изд. – СПб., 1912.
17. Письма Победоносцева к Александру III. – Т. I. – М., 1925.
18. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. – Т. 5. – М., 1911.
19. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ Российской империи. Собрание III. – Т. I.
20. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. – Л., 1973.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАИ НКВД-МВД СССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР)

Е. А. Войтенков
Московский университет МВД России,
г. Москва, Российская Федерация

Summary. The attempts to increase the level of traffic safety are realised in Russia now. It is done through a prism of definition and specification of a role and a place of the State traffic inspectorate in this work. In this regard a certain scientific interest is represented by historical and legal aspects of formation and development of service GAI–GIBDD.

Key words: GAI, safety of traffic, legal status, legal regulation, legal status.

В дореволюционной России не существовало специальной службы, основной задачей которой являлось бы обеспечение

безопасности дорожного движения. Функции обеспечения правопорядка, в том числе и на дорогах и улицах городов, были отнесены к компетенции полиции. В первые годы советской власти таких служб не было и в составе Рабоче-крестьянской милиции. Задачи по обеспечению безопасности дорожного движения являлись одними из многих, возложенных на милицию.

В 20-е годы XX века предпринимались попытки возложить отдельные задачи по обеспечению безопасности движения на различные службы. В частности, в 1919 году в Москве при авточасти Транспортного отдела Моссовета была создана автомобильная инспекция, на которую возлагались следующие функции:

- надзор за соблюдением правил автомобильного движения;
- контроль над исполнением постановлений об автотранспорте, издаваемых центральной и местной властью;
- контроль над распределением и использованием горючего.

К концу 20-х годов XX века с учётом преобладания административно-командных форм управления государством, всё отчетливее стала проявляться потребность в создании единого органа по обеспечению и координации работы в области безопасности дорожного движения.

В 1931 году в Москве и других городах образуется отряд по регулированию уличного движения. На данные подразделения возлагались функции административного надзора за выполнением правил городского движения, изучения особенностей движения отдельных видов транспорта, осуществление регулирования уличного движения, учёт и анализ аварийности на транспорте, а также подготовка кадров.

Ранее, в 1927 году, параллельно созданию в милиции подразделений по регулированию уличного движения Центральное управление местного транспорта НКПС было реорганизовано в Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог автомобильного транспорта (Цудортранс). На него возлагались задачи по руководству автомобильным и дорожным делом, учёт автотранспорта, участие в разработке международных конвенций о международном автомобильном сообщении [1, ст. 52, 61]. В 1931 году Цудортранс был выделен в самостоятельное управление с правами объединённого наркомата [2, ст. 258].

В 1932 году было решено образовать автодорожную инспекцию, на которую возложить контроль состояния автотранспорта, автодорог; издать обязательное постановление о регулировании дорожного движения и поручить милиции привлекать к ответственности лиц, виновных в нарушении такого постановления [3, ст. 236].

Фактически правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения на улицах городов и дорогах

СССР осуществлялась силами милиции. Доля выявляемых нарушений правовых предписаний, которые совершались не непосредственно в процессе движения автотранспорта, а в процессе организации работы автохозяйств, была крайне мала. Цудортранс не осуществлял активной работы в этом направлении, поскольку был перегружен задачами организационно-распорядительного характера по другим направлениям деятельности в масштабах всего государства. С целью исправления сложившегося положения и улучшения надзорной деятельности Цудортранса в 1934 году при нём была образована Государственная автомобильная инспекция.

Постановлением СНК СССР от 23 июля 1935 года был утверждён правовой статус ГАИ. В дальнейшем на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 28 октября 1935 года [4, ст. 349] данная служба была передана в НКВД СССР.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 марта 1936 года [6, ст. 121] перед Государственной автомобильной инспекцией ставились следующие задачи: борьба с авариями на дорогах, разработка технических норм эксплуатации автотранспорта, наблюдение за подготовкой шофёров, учёт автомобильного парка. К обязанностям ГАИ были отнесены:

- учёт аварий, анализ и выявление их причин,
- привлечение лиц, виновных в дорожно-транспортных происшествиях к ответственности,
- руководство работой специальных квалификационных комиссий по испытанию водителей,
- контроль проведения мероприятий по содержанию автомобильного парка в исправном состоянии,
- учёт автотранспорта по маркам, владельцам и категориям,
- выдача номерных знаков и технических паспортов,
- производство регулярных технических осмотров,
- разработка норм расходования горюче-смазочных и иных расходных материалов.

Период со второй половины 1936 года и до середины 1939 года в деятельности ГАИ был периодом становления этой службы. Он во многом определил фундаментальные принципы и направления её работы на многие годы вперёд.

В 1941 году с момента начала боевых действий перед подразделениями ОРУД и ГАИ был поставлен ряд специфических задач по обеспечению безопасности дорожного движения в условиях военного времени и обороны в масштабах всей страны.

На начальных этапах ведения боевых действий одной из основных задач Госавтоинспекции было проведение мероприятий, направленных на мобилизацию всех имеющихся в народном хозяйстве транспортных средств на нужды фронта. Данные

статистики свидетельствуют о том, что в первый день войны силами ГАИ московского региона и сотрудниками ленинградской Госавтоинспекции, было мобилизовано около 60 % всего автотранспорта [18, с. 64].

Отличительной чертой обеспечения безопасности дорожного движения в годы войны стало принятие дополнительных мер по пропаганде безопасности дорожного движения. Вопросы надлежащего контроля технического состояния автомобильного транспорта, обеспечения его мобилизационной готовности и безопасности дорожного движения всесторонне освещались в центральной и местной печати, милицейских и фабрично-заводских многотиражках.

Организационно-практические мероприятия по перестройке работы служб Госавтоинспекции и ОРУДа на начальном этапе войны оказались эффективными. В основном удалось выполнить правительственные задания по поставке автомобилей для нужд фронта. Уже к 1 октября 1941 года в целом по стране Вооружённым Силам СССР было передано около 190 тыс. автомобилей, т. е. 39,3 % от общей численности автомобильного парка страны. Работники ОРУДа справились с задачами организации и регулирования дорожного движения в специфических условиях затемнённых городов и совместно с коллективами ГАИ обеспечили систематическую работу по пропаганде безопасности дорожного движения.

Другим направлением деятельности Госавтоинспекции стал надзор за рациональным использованием жидкого автомобильного топлива, а также организация внедрения газогенераторных установок на автомобильном транспорте [13].

В результате осуществления службами Госавтоинспекции и ОРУДа разносторонних мер удалось добиться положительных результатов. В 1943 году количество дорожно-транспортных происшествий в Москве снизилось на 8,1 % [14].

Одной из актуальных задач, стоящих перед Госавтоинспекцией после окончания Великой Отечественной войны, было осуществление надзора за техническим состоянием транспортных средств. Её решение осуществлялось путём проведения регулярных технических осмотров автомобильного транспорта, как в автохозяйствах, так и у частных владельцев. Проведение техосмотров в первые послевоенные годы дало определённые результаты. К 1947 году только 3,3 % дорожно-транспортных происшествий произошло вследствие неисправности автомобилей, а по сравнению с 1945 годом в 1946 году показатели аварийности снизились на 15 %. И это сокращение во многом произошло за счёт снижения показателей аварий на транспорте, произошедших по причине неисправности автомобилей [19].

Функционирование аппаратов ОРУД и ГАИ в послевоенные годы происходило в условиях дефицита профессиональных кадров. Эта проблема являлась одной из ключевых в деятельности коллективов ОРУД и ГАИ. Одним из способов решения данной проблемы стало привлечение к работе по обеспечению безопасности дорожного движения общественности. Правовой основой этого стала изданная в 1946 году МВД СССР инструкция «Об организации и практическом использовании бригад содействия милиции». В дальнейшем вышел приказ МВД СССР от 28 июля 1947 года № 444 «О привлечении общественности к работе в Автоинспекции», согласно которому были созданы группы общественных инспекторов, которые несли службу совместно с нарядами ОРУД и принимали активное участие в обеспечении безопасности дорожного движения.

Несмотря на ранее достигнутые положительные результаты в борьбе с аварийностью, к концу 40-х – началу 50-х годов XX века ситуация стала приобретать негативную динамику. Это было обусловлено рядом обстоятельств, таких как кадровый дефицит, недостаточная штатная численность личного состава ГАИ, рост количества задач, возлагаемых на Госавтоинспекцию.

В начале 50-х годов XX века основные показатели аварийности продолжили рост. Работа подразделений ОРУД на трассах, пропаганда безопасности дорожного движения подразделениями Госавтоинспекции, проведение мероприятий по систематическому техническому надзору за состоянием автомобильного транспорта в автохозяйствах и повышению уровня подготовки водительского состава демонстрировали свою недостаточную эффективность. Участились случаи нарушения Правил уличного движения, возросло количество случаев управления автомобилем водителями, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Контроль технического состояния автотранспорта в автохозяйствах не обеспечивал эффективного сокращения количества автомобилей, которые эксплуатировались в неисправном состоянии.

В 1953 году указанием МВД СССР от 7 сентября 1953 года № 109 в целях усиления борьбы с дорожно-транспортными происшествиями и более эффективного проведения мероприятий по пресечению нарушений на автотранспорте было предписано возложить на ГАИ выполнение задач по предупреждению и пресечению дорожных происшествий. Для этого были переданы в ГАИ подразделения регулирования уличного движения и инспекторы милицейской службы дорожного надзора. Таким образом, произошло присоединение подразделений ОРУД к штатам Госавтоинспекции МВД СССР.

Во второй половине 50-х годов XX века стало очевидным, что в условиях роста интенсивности перевозок автомобильным транспортом и увеличения численности автомобильного парка в СССР существующий механизм обеспечения безопасности дорожного движения, несмотря на активно предпринимаемые шаги организационно-правового характера, утрачивает свою эффективность и требует коренного пересмотра. При этом было ясно, что в сложившихся условиях требуют корректировки не только формы и методы работы Госавтоинспекции, а необходимы более масштабные изменения в деятельности и других министерств и ведомств.

В начале 60-х годов происходят изменения в правовом статусе милиции и подразделений Госавтоинспекции. В развитие решений XXII съезда ЦК КПСС Советом Министров СССР принимается постановление от 17 августа 1962 года «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», согласно которому МВД РСФСР и союзных республик, а также УВД краёв, городов, и областей переименовывались в Министерства охраны общественного порядка и управления охраны общественного порядка соответственно. Одновременно с этим принимается Положение о советской милиции, определяющее её задачи, права и обязанности, условия службы в милиции, а также место в системе государственного управления [7] и Типовое положение о Государственной автомобильной инспекции МООП союзной республики [8]. Несмотря на то, что в 1959 году с Госавтоинспекции фактически был снят существенный объём различных хозяйственных и технико-экономических задач, в данном Положении на ГАИ вновь были возложены такие функции, как контроль исправности спидометров, выбраковка пришедших в негодность индивидуальных автомобилей и ряд других. Круг обязанностей ГАИ в сфере технического надзора сильно расширился.

В 1966 году было создано Министерство охраны общественного порядка СССР, которое в 1968 году было реорганизовано в МВД СССР и стало ведущим союзным министерством в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Постановлением Совета Министров СССР «О повышении безопасности движения в городах, других населённых пунктах и на автомобильных дорогах» [9, ст. 207] предусматривался круг разносторонних мероприятий в данной сфере, где ГАИ МВД СССР отводилась одна из ведущих ролей. Признаки преемственности ряда положений, изложенных в этом постановлении, усматриваются в принятом 5 лет спустя постановлении Совета Министров СССР от 20 июля 1972 года № 539 «О дополнительных мерах по обеспечении безопасности дорожного движения» [10, с. 95]. Получила своё развитие тенденция на расшире-

ние полномочий МВД СССР в сфере безопасности дорожного движения. На него были возложены функции по установке и эксплуатации дорожных знаков и средств регулирования движением, для чего в составе МВД СССР создавались специальные подразделения (СМЭПы). Также помимо ранее возложенных полномочий, за МВД СССР закреплялся целый спектр дополнительных полномочий и задач:

- разработка правил, нормативов и стандартов, относящихся к вопросам обеспечения безопасности дорожного движения;
- согласование конструкций транспортных средств, чтобы обеспечить безопасность дорожного движения;
- разработка технических паспортов транспортных средств, номерных знаков и бланков водительских удостоверений;
- разработка правил регистрации и учёта автотранспортных средств;
- разработка правил проведения технических осмотров;
- разработка положения о порядке квалификации водителя, а также правил дорожного движения.

Такое расширение задач и функций неизбежно требовало пересмотра правовой базы функционирования ГАИ МВД СССР и специализации работы её подразделений.

В 1969 году были созданы подразделения технического надзора, отделение пропаганды, учётно-аналитическое отделение и отделение технических средств, а силы дорожно-патрульной службы были сведены в строевые подразделения для обслуживания территорий отдельных городов, городских трасс и магистралей, а также автомобильных дорог общегосударственного или республиканского значения. На дорожно-патрульную службу возлагались функции Госавтоинспекции непосредственно в дорожном движении. Результатом этих структурных изменений стало существенное улучшение деятельности Госавтоинспекции, поскольку рассредоточение сил дорожно-патрульной службы между городскими и районными органами внутренних дел, существовавшее ранее, не обеспечивало полноценного использования этих подразделений и затрудняло возможность применения имеющихся современных оперативно-технических средств.

В условиях бурной автомобилизации страны, работа ГАИ по контролю строительства и содержания дорог приобретала чрезвычайно большое значение. К концу 60-х годов XX века во многих городах стали строиться подземные переходы, островки безопасности, устанавливаться светофоры для пешеходов, а также вводиться в строй системы координированного регулирования движения. Однако зачастую организации, осуществлявшие строительство дорожных объектов, в целях экономии ис-

ключали из проектов элементы дорожных сооружений, обеспечивающих безопасность движения.

Особую актуальность в рассматриваемый период имела работа над проблемой чёткой организации регулирования дорожного движения, обеспечения информации об особенностях движения на дорогах и рационального размещения знаков и дорожной разметки. Уже в 1968 году создание условий для наиболее быстрого продвижения транспортных потоков при его максимальной безопасности как составляющая эффективной организации дорожного движения представлялась для руководителей МООП СССР одной из наиболее важных задач в сфере безопасности дорожного движения. В 1969 году стали функционировать специальные подразделения по организации дорожного движения.

В 1974 году в соответствии с решением МВД СССР были созданы регистрационно-экзаменационные подразделения (РЭП). На них была возложена работа по учёту автотранспорта, выдаче водительских удостоверений, технических паспортов и номерных знаков, осуществлению регистрации учебных организаций по подготовке водителей и приём экзаменов. Устанавливалось, что регистрации подлежат все автототранспортные средства, а эксплуатация незарегистрированных транспортных средств запрещается.

Другим, не менее важным направлением в деятельности Госавтоинспекции МВД СССР в рассматриваемый исторический период стало участие в разработке проектов конструкций автототранспортных средств. Целью этого было обеспечение безопасности дорожного движения. Перед отечественным автомобилестроением был поставлен ряд технических задач, успешное решение которых повышало безопасность движения автотранспорта.

К функциям Госавтоинспекции по агитации и пропаганде безопасности дорожного движения и предупреждению дорожно-транспортного травматизма в рассматриваемый исторический период было отнесено:

- осуществление работы по разъяснению законодательства по безопасности движения и Правил дорожного движения;
- организация и проведение смотров, рейдов, конкурсов и других массовых мероприятий;
- оказание содействия изучению в школах, учебных заведениях, дошкольных учреждениях Правил дорожного движения, организация в них «Уголков безопасности», создание отрядов юных инспекторов движения.

Рассмотренные меры, реализуемые государством с целью повышения безопасности дорожного движения, в конце 60-х – начале 70-х годов XX века дали положительный результат. Пе-

решение подходов к подготовке водительских кадров, систематическая пропаганда безопасности дорожного движения, шаги, направленные на сокращение отставания в дорожном строительстве, позволили в первой половине 70-х годов XX века добиться стабилизации и снижения основных показателей аварийности. Большую роль в этом играли действия, направленные на улучшение качества организации дорожного движения и развитие дорожной инфраструктуры, а также различные формы привлечения общественности к решению проблем аварийности на автомобильном транспорте. Однако данная положительная тенденция не получила развития, и к середине 70-х годов XX века негативные показатели вновь начали расти.

Для преодоления этих явлений постановлением Совета Министров СССР от 2 февраля 1976 года № 81 «О мерах по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий» [11, с. 276]. При МВД СССР была создана Комиссия по обеспечению безопасности дорожного движения «для координации деятельности министерств, ведомств и других организаций по вопросам, связанным с безопасностью дорожного движения». В состав комиссии вошли руководители основных министерств и ведомств, имеющих отношение к вопросам обеспечения безопасности дорожного движения, – заместители министров здравоохранения, просвещения, транспортного строительства и др.

На комиссию возлагались функции по изучению причин аварийности и выработке мер, направленных на повышение безопасности дорожного движения; рассмотрению положения о состоянии дел с обеспечением безопасности дорожного движения; изучению и обобщению передового отечественного и зарубежного опыта по предупреждению аварийности на автотранспорте и ряд других. Комиссия была наделена правом обязательных предписаний в сфере обеспечения безопасности движения и предупреждения аварийности. Ведущая роль в деятельности Комиссии была за Госавтоинспекцией, которая, как правило, выступала инициатором при рассмотрении наиболее актуальных вопросов и нередко сама контролировала исполнение принятых решений [15, с.185].

Создание данной комиссии именно при МВД СССР окончательно закрепило ведущую роль его и Госавтоинспекции в его составе как ключевого органа по обеспечению безопасности дорожного движения. Данное обстоятельство, а также обязательность всех решений данной комиссии весьма существенно расширили возможности участия МВД СССР в нормотворческой деятельности по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения.

В 1978 году было принято Положение о Госавтоинспекции МВД СССР, в котором нашли отражение те качественные изменения, которые произошли с данной службой с середины 60-х по конец 70-х годов XX века. Было определено, что главной задачей ГАИ МВД СССР является совершенствование организации дорожного движения с целью обеспечения его безопасности и повышения эффективности автотранспортных средств [12, ст. 124].

Целенаправленная и скоординированная нормотворческая и организационная деятельность Госавтоинспекции МВД СССР и других министерств и ведомств, задействованных в пределах своей компетенции в обеспечении безопасности дорожного движения, дала положительные результаты. Это позволило добиться к середине 70-х годов устойчивой тенденции сначала к стабилизации ситуации с аварийностью на автомобильном транспорте, а затем и признаков снижения её основных показателей, несмотря на продолжающийся рост количества автотранспорта на дорогах страны.

В ходе проведения XXVI съезда КПСС было намечено дальнейшее увеличение производства грузовых автомобилей, расширение их модельного ряда, совершенствование организации работы пассажирского автомобильного транспорта и его развитие в сельской местности. При этом большое значение придавалось дальнейшему развитию улично-дорожной сети и автомобильных магистралей, повышению эффективности мер по обеспечению безопасности дорожного движения [16, с. 158–173].

В целях реализации данных решений партии в 1984 году Всесоюзной комиссией по обеспечению безопасности дорожного движения были утверждены основные мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения на 1984–1990 годы. Этот документ фактически стал первым программным документом для реализации ключевых направлений работы в рассматриваемой сфере. Такими направлениями были:

- подготовка водителей и укрепление их дисциплины;
- пропаганда безопасности дорожного движения;
- предупреждение детского дорожно-транспортного травматизма;
- совершенствование дорожных условий и улучшение организации дорожного движения;
- обеспечение безопасности конструкций транспортных средств и контроля над их техническим состоянием;
- разработка законодательных и иных нормативных актов в сфере безопасности дорожного движения.

Принятие данного документа ознаменовало принципиально новый подход к вопросам планирования работы по без-

опасности дорожного движения. Был осуществлён переход от разработки отдельных правовых актов по ограниченному кругу вопросов или направлению работы к долгосрочным комплексным межведомственным программам, ориентированным на последовательную работу в течение нескольких лет. Позднее в развитие этого документа были приняты соответствующие локальные программы на уровне регионов, которые учитывали специфику таковых. Так, в 1988 году была подготовлена программа по обеспечению безопасности дорожного движения в Московской области.

Вместе с тем, несмотря на предпринятые меры и определённые успехи в борьбе с аварийностью, достигнутые в 70-е – начале 80-х годов XX века, с середины 80-х годов начался новый виток роста основных показателей аварийности на автомобильном транспорте. Более того, в сфере безопасности дорожного движения впервые стали проявляться негативные тенденции, ранее не характерные для данной сферы.

К 1989 году аварийность достигла самого высокого уровня за всё время автомобилизации СССР. Количество ДТП превысило среднегодовые показатели за последние 5 лет на 20,9 %, погибших стало больше почти на 30 %, а раненых на 21,5 %. При этом темпы роста аварийности превысили темпы прироста автомобильного парка. Применительно к данному периоду основными причинами ДТП являлись:

- нарушения Правил дорожного движения – около 80 % водителями и около 20 % пешеходами;
- неудовлетворительное состояние дорог и улиц;
- техническая неисправность транспортных средств.

При этом в аналитических материалах МВД СССР отмечалось, что нарушение Правил дорожного движения чаще всего выражается в превышении скоростного режима, выезде на полосу встречного движения, несоблюдении очерёдности проезда перекрёстков. Большое распространение получила практика сознательного нарушения Правил дорожного движения, участились случаи невыполнения требований сотрудников милиции об остановке (около 400 тыс. случаев в год по состоянию на конец 80-х годов XX века), покидание места ДТП.

Эксперты МВД СССР в качестве причин этого явления указывали недостаточную конструктивную безопасность транспортных средств, их низкую эксплуатационную надёжность, старение автомобильного парка, пренебрежение водителей к использованию ремней безопасности [17, с. 11–12].

В 1989 году было создано Министерство внутренних дел РСФСР, в состав которого вошло Управление ГАИ. Деятельность этого республиканского министерства в целом и Управления

ГАИ в его составе начиналась в сложных для СССР внутривнутриполитических условиях. Правовая и методологическая база деятельности ГАИ на данном этапе теряла свою эффективность в связи с фактическим переходом экономики страны к рыночным отношениям. В определённой степени усложняло правоприменительную деятельность Госавтоинспекции то обстоятельство, что на территории РСФСР был провозглашён принцип действия правовой базы СССР только в части, не противоречащей законам РСФСР. А в дальнейшем, в условиях становления новой российской государственности после распада СССР, потребовался коренной пересмотр всей правовой базы обеспечения безопасности дорожного движения с учётом новых социально-экономических и политических реалий.

Таким образом, в исторический период второй половины 60-х – начала 90-х годов XX века продолжился рост автомобильного парка СССР и объёмов перевозок автомобильным транспортом. Это происходило как за счёт увеличения автотранспорта в государственных автопредприятиях, так и за счёт увеличения числа индивидуальных владельцев транспорта.

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века принятием ряда постановлений Совета Министров СССР и мер, направленных на исполнение данных постановлений, была предпринята попытка реализации комплексных мероприятий, направленных на повышение безопасности дорожного движения.

Действия, реализованные в сфере дорожного строительства, позволили отчасти сократить диспропорцию между ростом автопарка СССР и протяжённостью улично-дорожной сети. Однако это негативное явление в полном объёме преодолено не было, несмотря на то, что в условиях ограниченного импорта транспортных средств из-за рубежа и особенностей плановой экономики СССР представлялось возможным осуществлять практически безошибочное прогнозирование прироста автопарка и корректировать планы дорожного строительства и застройки населённых пунктов.

Аналогичная ситуация сложилась в рассматриваемый период и с объектами дорожной инфраструктуры. Принятые решения о необходимости повышения качества организации движения и развитию средств регулирования отчасти были реализованы и, безусловно, дали свои положительные результаты, но во многом носили декларативный характер и в полном объёме выполнены не были.

Корректировка учебных программ по подготовке водителей-профессионалов в сочетании с систематической работой по пропаганде безопасности дорожного движения в автотранспортных предприятиях, применением отдельных форм эконо-

мического стимулирования при проведении различных видов социалистического соревнования обеспечили устойчивое снижение показателей аварийности среди водителей-профессионалов. Сыграло положительную роль также привлечение трудовых коллективов к общественной работе по повышению безопасности дорожного движения. Эти меры оказались достаточно эффективными, но всё-таки из-за ряда организационно-управленческих просчётов добиться высокого уровня подготовки владельцев индивидуальных транспортных средств не удалось, несмотря на то, что данная задача была крайне актуальна в условиях роста их количества.

Несмотря на поставленные руководством страны и изложенные в ряде постановлений Совета Министров СССР задачи по повышению качества технического обслуживания автомобильного транспорта индивидуальных владельцев и повышению уровня конструктивной безопасности транспорта, добиться их решения в рассматриваемый период не удалось, что, безусловно, негативно сказалось на состоянии безопасности дорожного движения.

В рассматриваемый исторический период наблюдалась тенденция дальнейшего расширения полномочий в сфере обеспечения безопасности дорожного движения МВД СССР и Госавтоинспекции в его составе, что находит отражение в соответствующих правовых актах. Во второй половине 70-х годов происходит создание Комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения при МВД СССР, что окончательно закрепляет ведущую роль данного министерства в вопросах координации деятельности всех министерств и ведомств по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения.

Говоря об эффективности рассмотренных государственно-правовых решений, принятых в рассмотренный период и направленных на повышение безопасности дорожного движения, можно утверждать, что их реализация давала весьма ощутимые положительные результаты. Об этом говорят статистические данные аварийности 70-х годов XX века – рассмотренные шаги позволили добиться стабилизации и устойчивой тенденции к снижению основных показателей аварийности на автомобильном транспорте. Создание при МВД СССР координирующего межведомственного органа по вопросам безопасности дорожного движения обеспечило слаженную работу всех министерств и ведомств по широкому кругу вопросов в сфере безопасности дорожного движения и повысило её эффективность.

Однако преобладание административно-командных методов над экономическими мерами управления в данной отрасли привело к тому, что в 80-е годы XX века начался рост показате-

лей аварийности. Следует отметить также отсутствие достаточного материально-технического и финансового потенциала для полноценной реализации всех вышеуказанных мероприятий по развитию улично-дорожной сети, дорожной инфраструктуры, повышения конструктивной безопасности транспортных средств и их технического обслуживания, подготовки водительских кадров и мер по профилактике ДТП, намеченных руководством страны, , который в дальнейшем продолжился в условиях начала масштабных социально-политических изменений конца 80-х – начала 90-х годов XX века.

Библиографический список

1. СЗ СССР. – 1929.
2. СЗ СССР. – 1931. – № 35.
3. СЗ СССР. – 1932. – № 39.
4. СЗ СССР. – 1935. – № 41.
5. СЗ СССР. – 1935. – № 56.
6. СЗ СССР. – 1936. – № 14.
7. Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. – Т. II. – Ч. 2. – М., 1972.
8. СП СССР. – 1963.
9. СП СССР. – 1967. – № 29.
10. Безопасность дорожного движения : сборник нормативных актов. – М., 1978.
11. Безопасность дорожного движения : сборник нормативных актов. – М., 1984.
12. СП СССР. – 1978. – № 20.
13. ГАРФ. Ф. 9415. Оп.3. Д. 1208. Л. 7.
14. Архив ГУВД по г. Москве. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.
15. История ГАИ: К 60-летию Госавтоинспекции МВД России / под общ. ред. В. А. Федорова. – М., 1996.
16. Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981.
17. Проблемы безопасности дорожного движения. – М., 1990.
18. Скилягин А. Т. Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ленинград, 1976. – С. 64.
19. Служба государственной автомобильной инспекции. – М., 1960

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

И. Д. Афанасьева
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Summary. The article is dedicated to the problem of the legal regulations of civil service. The author in this article gives two main development trends in the field of legal regulations, determines the specificity of civil service law. The author also analyzes the reasons of successful changes in civil service law.

Key words: civil service; labour law; legal regulations; responsibility; civil service law.

Законодательство о государственной службе направлено на создание стимулов к добросовестному и инициативному выполнению служебных обязанностей, введение необходимых ограничений и запретов, установление адекватного затраченным усилиям вознаграждения за труд. В ходе дискуссии о путях развития и совершенствования этого законодательства выявились две основные и принципиально различные позиции.

Первая выдвигается и обосновывается специалистами в области трудового права. Суть ее в том, что «отношения государственных гражданских служащих, возникающие в связи с поступлением на государственную службу, ее исполнением и прекращением, – это не что иное, как трудовые отношения. Поэтому, говоря о совершенствовании правового регулирования этих отношений, необходимо, применяя к государственным служащим общие нормы трудового законодательства, в специальном законе предусмотреть для них особенности правового регулирования исходя из специфики осуществляемой ими служебной деятельности» [5, с. 24].

Такой подход соответствует ст. 11 ТК РФ, предусматривающей, что особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников, в том числе государственных служащих, устанавливаются ТК РФ и иными федеральными законами, а также Конвенцией МОТ от 27 июня 1978 г. № 151 «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе», рассматривающей государственных служащих как наемных работников. Он был закреплен и в Федеральном законе от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу).

Вторая позиция выдвигается и обосновывается некоторыми учеными в области административного права. В основу этой позиции положены следующие идеи и суждения. Государственная служба как публично-правовой институт должна представ-

лять собой целостную систему, основанную на служении государству в целом, а не отдельному государственному органу. Отношения на государственной службе – это отношения долга, обязанности, верности. Государственно-служебные отношения в реальной жизни выступают исключительно как государственные и административные правоотношения, отношения службы и подчинения государственных служащих исключительно государству [1, с. 51].

Отметим также, что в Законе ничего не говорится о физических и моральных качествах гражданских служащих при их поступлении на службу. Однако совершенно ясно, что гражданским служащим может быть лишь гражданин, способный по состоянию здоровья и своим деловым качествам профессионально обеспечивать выполнение функций, возложенных на соответствующий государственный орган.

К сожалению, на сегодняшний день формирование правовых основ регулирования труда государственных служащих далеко не всегда соответствует современным критериям. Если же говорить о перспективах развития законодательства о государственной гражданской службе в России, в общем виде они могут выглядеть следующим образом:

1. Служение государству, а не конкретному государственному органу или должностному лицу требует усилить императивные начала государственной службы в плане упрощения возможности изменения условий служебной деятельности. Данное предложение уже высказывалось в научной литературе. Так, например, А. А. Гришковец указывал, что усиление административного начала на государственной службе при одновременном сохранении на какой-то срок трудового договора как основы взаимоотношений между государственным служащим и государством (органом государства) должно выразиться в значительном расширении оснований, когда существенные условия этого договора могут быть на законных основаниях изменены по инициативе государства и без согласия на то государственного служащего [1, с. 58].

Вышеназванное предложение не учитывает следующего: в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Конвенции Международной организации труда «О принудительном или обязательном труде» № 29 (Женева, 28 июня 1930 г.) Российская Федерация обязалась исключить применение принудительной или обязательной трудовой деятельности во всех ее формах, «то есть всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг» (п. 1 ст. 2 Конвенции). В связи с этим перевод без согласия государственного гражданского служащего

го может быть рассмотрен как принуждение к занятию определенной деятельностью, то есть как принудительный труд.

Здесь можно отметить следующее. Во-первых, далеко не любое изменение трудового договора (служебного контракта) является переводом. Так, например, в соответствии с ч. 4 ст. 28 Закона «не является переводом на иную должность гражданской службы и не требует согласия гражданского служащего перемещение его на иную должность гражданской службы без изменения должностных обязанностей, установленных служебным контрактом и должностным регламентом». Представляется, что определенное изменение условий служебного контракта без согласия государственного гражданского служащего (например, в случае предоставления ему дополнительных полномочий либо перемещения на другую должность) не противоречит вышеуказанной Конвенции МОТ.

Во-вторых, применительно к государственной и муниципальной службе, на наш взгляд, требуется концептуально иной подход к определению места прохождения службы и выполняемых обязанностей. Трудовой договор (служебный контракт) с государственным (муниципальным) служащим (пока они сохраняются в системе служебных отношений) должен быть соглашением о прохождении службы, а не о выполнении каких-либо конкретных обязанностей при замещении конкретной должности. Таким образом, не будет нарушен запрет на принудительный или обязательный труд, так как гражданин при поступлении на государственную (муниципальную) службу будет давать свое согласие на переводы на другие должности а priori. Представляется, что в случае возникновения служебной необходимости служащий может быть переведен и на нижестоящую должность, однако государственной гарантией в таком случае должно выступать сохранение ему денежного содержания не ниже, чем по предыдущей должности, на весь период исполнения служебных обязанностей, с учетом всех предусматриваемых законодательством индексаций. Обязательное согласие служащего на перевод должно требоваться, на наш взгляд, только в случае перевода в другую местность [4, с. 211].

2. Также должны быть существенно расширены возможности привлечения государственных и муниципальных служащих к осуществлению служебной деятельности за пределами нормальной продолжительности служебного времени (в том числе в ночное время), а также в выходные и праздничные дни. В настоящее время вопросы служебного времени государственных и муниципальных служащих практически полностью регулируются трудовым законодательством (ст. 97, 99, 113 ТК РФ и др.).

В рамках служебного законодательства, по мнению Г. М. Преснякова, должны быть решены следующие вопросы:

«– определена максимальная продолжительность служебного времени при установлении для служащего ненормированного служебного дня;

– установлена принципиальная возможность привлечения служащих к осуществлению служебной деятельности за пределами нормальной продолжительности служебного времени, а также в выходные и праздничные дни в случае возникновения необходимости неотложного решения государственным (муниципальным) органом задач, имеющих общесоциальное значение;

– четко определены размеры компенсаций, полагающихся государственным и муниципальным служащим в случае осуществления ими служебной деятельности за пределами нормальной продолжительности служебного времени, в выходные и праздничные дни. При этом, учитывая специфику оплаты труда государственных и муниципальных служащих, размер компенсаций должен рассчитываться не от должностного оклада (как это предусмотрено трудовым законодательством), а от среднемесячного денежного содержания» [4, с. 211].

3. Непрерывность осуществления служебной деятельности должна обеспечиваться сохранением существующего в настоящее время запрета на проведение забастовок как средства разрешения коллективных служебных споров. В настоящее время вопрос о допустимости забастовок на государственной и муниципальной службе является спорным. Некоторые авторы, ссылаясь на опыт Западной Европы, считают, что следует исключить из законодательства о государственной службе норму, запрещающую гражданским служащим принимать участие в забастовках, сохранив такой запрет для военнослужащих и государственных служащих правоохранительных органов [2, с. 21].

Представляется, однако, что проведение забастовок в государственных и муниципальных органах нанесет существенный ущерб общественным интересам, поэтому данный запрет соответствует критериям, установленным ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Как совершенно обоснованно утверждает А. Ф. Ноздрачев, «государственный служащий органически связан с государством, осуществляет свои полномочия от имени и по поручению государства. Поэтому его необоснованный отказ от работы или согласованное уменьшение результативности труда, а также иные акции, аналогичные забастовкам (снижение темпов работы, «служба по предписанию» – излишнее рвение к формальному соблюдению правил, приближающееся к фактическому отказу от работы), могут серьезно нару-

шить функционирование госорганов и даже поставить под угрозу безопасность государства» [3, с. 87].

4. Существует проблема прекращения прохождения государственной службы в Российской Федерации в порядке увольнения по инициативе представителя нанимателя. В данном случае речь идет в основном о создании дополнительных гарантий для служащих.

В литературе отмечают, что о любом случае увольнения служащего по инициативе представителя нанимателя должен заранее ставиться в известность компетентный государственный или муниципальный орган по управлению государственной или муниципальной службой (в случае отсутствия такие органы должны быть созданы). При этом государственный или муниципальный служащий должен быть наделен правом обратиться в такой орган с требованием провести проверку обоснованности увольнения (в установленные законодательством сроки). До окончания проверки служебные отношения с ним прекращены быть не могут. Государственным и муниципальным служащим также должно быть предоставлено право обращения в эти органы и при увольнении по собственному желанию или по соглашению сторон в случаях, когда заявления об увольнении были ими написаны под давлением непосредственного руководства. При увольнении по инициативе представителя нанимателя (кроме случаев увольнения по виновным основаниям) служащим должна выплачиваться денежная компенсация, размер которой должен быть прямо пропорционален стажу государственной или муниципальной службы [4, с. 213].

5. Высокая социальная значимость принимаемых государственными и муниципальными служащими решений требует установления для них повышенных мер ответственности (в первую очередь для должностных лиц). В рамках института дисциплинарной ответственности требуется более четко определить соотношение между тяжестью совершаемых дисциплинарных проступков и налагаемых мер взыскания. Дисциплинарная ответственность государственных служащих должна носить не частно-правовой, как у обычных работников, а публично-правовой характер, что может выразиться, в частности, в определении в федеральном законодательстве перечня дисциплинарных проступков, за которые ответственность будет наступать независимо от усмотрения непосредственного руководителя.

Разумеется, данный перечень является далеко не полным. Приведенные примеры лишь иллюстрируют особенности государственной и муниципальной службы как публичных институтов, невозможность их регулирования в рамках традиционных трудовых отношений, в силу несоответствия объективно суще-

ствующих потребностей базовым положениям отрасли трудового права. Сохранение правового регулирования служебных отношений в системе трудового права ведет к разрушению единства его предмета, превращению отрасли трудового права в аморфную структуру, лишь по формальным признакам объединяющую качественно различные общественные отношения.

Библиографический список

1. Гришковец А. А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации. – М., 2003. – 274 с.
2. Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 38 с.
3. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба : учеб. для подготовки гос. служащих. – М., 1999. – 416 с.
4. Пресняков М. В. Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика / под ред. Г. Н. Комковой. – Саратов : Научная книга, 2008. – 412 с.
5. Чиканова Л. А. Правовое регулирование служебных отношений на государственной гражданской службе: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 24–27.

ЛОББИЗМ В РОССИИ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СПЕЦИФИКИ

А. С. Лукманов

**Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия**

Summary. The article is devoted to the problems connected with an impact of features of political system on lobbyism in Russia. The main specificities of lobbyism in Russia are marked out and the efficiency of some instruments of interests' lobbying is proven.

Key words: lobbyism; etatism; neoetatism; nomenclature and political groups; «politbureau».

В Российской Федерации, как в государстве переходного типа, взаимодействие политической системы и гражданского общества характеризуется динамичными изменениями, которые в свою очередь могут быть тенденциями демократизации или откатом к тоталитарному типу. В этом плане важно обратить внимание на процесс функционирования механизмов агрегации интересов, в частности, одним из таких важных механизмов является институт лоббизма.

За два десятилетия радикальной трансформации российского общества лоббизм получил качественно новый виток раз-

вития. В Советском Союзе существование лоббизма отрицалось, и считалось, что лоббизм присущ только капиталистическим системам. Однако нужно понимать, что своеобразной формой лоббизма в СССР являлся корпоративизм, т. е. представительство интересов через официально разрешенные общественные объединения, чаще всего – по профессиональному признаку.

На современном этапе развития, в условиях формирования институтов гражданского общества, роста плюрализма в политической системе и дифференциации групп интересов, мобилизация групповых усилий с целью влияния на решения государственной власти является обыденной практикой. Однако специфика лоббизма в конкретной стране зависит не только от формального, но и от реального статуса игроков. Так, для того чтобы понять, в каких условиях функционирует институт лоббизма, необходимо дать характеристику политической системе страны в целом.

В контексте нашего вопроса особый интерес представляет гипотеза российского социолога О. И. Шкаратана о неоэтакратическом характере социально-экономических отношений в современной России. Речь идёт о том, что «после распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества» [3, с. 3]. Т. е. этакратизм, означающий доминирование бюрократии и номенклатурных групп в социальной иерархии, продолжает существовать в несколько обновленной форме, по факту довлея над существующей в подчиненных ролях частнособственнической экономикой. Шкаратан называет сложившуюся специфику взаимодействия государственной власти и частнособственнической экономики неоэтакратической. Фактическая «вертикаль власти» в России характеризуется доминированием бюрократии и силовых структур не только на политической, но и на экономической сцене. Как выражается Шкаратан, «бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят государственно-бюрократическими структурами» [3, с. 4].

На наш взгляд, неоэтакратизм можно назвать существенной чертой политической системы, оказывающей влияние на институт лоббизма. Во-первых, в сложившейся системе диалог между государственной властью и бизнесом не может являться равноправным, то есть бизнес вынужден выступать в качестве «просителя», а не партнёра. Во-вторых, сложившийся порядок усиливает значение таких инструментов лоббирования, как лоббирование назначений. Основная причина роста популярности данного инструмента в том, что не выстроена система регулирования взаи-

модействия чиновников с частными структурами, где бы соблюдалась объективно необходимая транспарентность.

Следующей специфической чертой российской политической системы является то, что решающее влияние на политические решения оказывают не столько формально встроенные в систему государственного управления акторы, а, скорее, неформальные игроки. Так, например, в книге «GR для эффективного бизнеса» А. Б. Шатилов и А. С. Никитин констатируют, что уже в начале 2000-х годов сформировались основные номенклатурно-политические группы, которые стали опорой для существующей власти. Лидерами таких элитных сообществ являются люди из ближайшего окружения В. В. Путина. Примечателен тот факт, что «уже к середине 2010 г. были сформированы несколько крупных элитных сообществ, которые обладают не только политическим, но и экономическим влиянием и контролируют 70–80 % госсектора» [2, с. 63]. Каждая из сложившихся элитных групп контролирует определённые крупные активы, зачастую в форме государственных корпораций. Так, например, лидер «силовиков» И. И. Сечин является президентом крупной российской нефтяной компании «Роснефть», а петербуржец В. И. Якунин контролирует крупнейшего оператора российской сети железных дорог ОАО «РЖД». Очевидно, что контроль над крупнейшими предприятиями страны, осуществляемый лицами, имеющими неформальный доступ к В. В. Путину, является значимым фактором, определяющим специфику лоббизма в России. На наш взгляд, в силу доминирования на рынке государственных монополий, лоббирование интересов небольших частных компаний во многих отраслях сводится до уровня лоббирования тактических решений. Стратегические решения в отраслях, где доминируют государственные монополии, таких как, например, топливно-энергетический комплекс, принимаются на уровне ближайшего окружения Владимира Путина, или в «режиме ручного управления». Соответственно, самым эффективным инструментом лоббизма является выход на первое лицо, что, разумеется, является неформальным инструментом.

Также в рамках нашего вопроса интересен аналитический доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» «Большое правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0.», где правящая элита России была представлена в качестве специфичного аналога коллективного органа – Политбюро ЦК КПСС [1]. В докладе развивается уже вышеупомянутая идея о том, что российская власть – это конгломерат элитных групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы. А В. В. Путин выполняет важную роль модератора (или как это звучало бы на английский лад – consensus maker), мнение которого на данном

этапе продолжает оставаться решающим. Искусство модерирования в сложившейся ситуации заключается в том, что ни одна из элитных групп не получает возможности однозначного доминирования над другой. В результате основные номенклатурные группы поддерживают политику модератора, тем самым сохраняется стабильность системы. Однако с точки зрения лоббизма следует обратить внимание на то, что сложившаяся система сохраняет ключевую роль неформальных инструментов лоббизма – т. е. доступ к первому лицу и его ближайшему окружению, которые, как мы уже говорили, принимают решения в «режиме ручного управления». В сложившейся обстановке основной предпосылкой стабильности является сохранение внутриэлитного баланса, основой которого является удовлетворение интересов каждой отдельной группы при недопущении чрезмерного усиления какой-либо одной.

Исходя из вышесказанного, важно еще раз подчеркнуть, что формальный функционал чиновника в государственной иерархии и реальные возможности влияния следует отличать.

Следующая специфическая черта российской политической системы связана с тенденциями к транспарентности органов государственной власти.

В результате анализа результатов опросов общественного мнения ВЦИОМ, проведенного автором статьи, в России примерно 60 % граждан проявляют интерес к политике, в большинстве не будучи ориентированными на участие. Данный показатель свидетельствует о том, что политическая система находится на авторитарно-модернизирующей стадии. Данная стадия предполагает наличие активных участников (10–20 %) из числа граждан, которые и являются двигателями модернизации, работающими на опережение по пути к формированию полноценной культуры гражданского участия. Доминирование ценностей выживания обусловлено низким уровнем жизни на данном этапе, что и является основным препятствием, не позволяющим сформироваться стабильной культуре участия, характерной для демократических стран.

Исходя из сказанного, допустимо предположить, что при условии стабильного роста уровня жизни граждан рейтинг действующей власти будет не повышаться, а, наоборот, снижаться. Так как рост уровня жизни приведет к формированию ценностей самовыражения, в результате которого всё больше граждан будут требовать участия в принятии решений. Будет происходить постепенное разложение пакта «лояльность взамен на стабильность».

Опираясь на вышеупомянутые доводы, логично сделать вывод о том, что для сохранения стабильности социально-

экономическая модернизация России должна сопровождаться политической модернизацией, предполагающей демократизацию и движение ко всё большей транспарентности.

Нужно признать, что нынешняя власть это понимает, и первые шаги в сторону транспарентности политической системы уже были сделаны. В качестве примера можно привести проекты «Открытое правительство РФ», открытые правительства субъектов РФ, Федеральная контрактная система, активность российских политических деятелей в блогосфере и т. д.

Следующая и очень важная особенность российской политической системы, влияющая на специфику лоббизма в России, это нивелирование субъектности политических партий и снижение роли парламента.

Администрация Президента РФ на данном этапе является основным центром принятия стратегических решений, а профильные министерства только детализуют уже принятые решения. Соответственно, в данных условиях снижается роль Государственной Думы РФ как главного законодательного органа страны, который на данном этапе де-факто выполняет функции дооформления уже готового законопроекта и его принятия. Несмотря на вышесказанное, Государственная Дума всё же обладает значимыми возможностями влияния. С точки зрения лоббизма субъектностью здесь обладают опять же не политические партии как таковые, а председатели и заместители председателей профильных комитетов и главы фракций.

Подытоживая выявление специфических черт российской политической системы, оказывающих влияние на лоббизм на данном этапе, мы выяснили следующие особенности.

1. Социально-экономические отношения имеют неэтакратический характер, т. е., проецируя данную особенность на институт лоббизма, мы выделили, что, во-первых, в сложившейся системе диалог между государственной властью и бизнесом не может являться равноправным, то есть бизнес вынужден выступать в качестве «просителя», а не партнёра. Во-вторых, сложившийся порядок усиливает значение таких инструментов лоббирования, как лоббирование назначений.

2. Следует отличать формальный функционал чиновника в государственной иерархии и реальные возможности влияния. Предпосылкой данного состояния мы назвали существование неформальных элитных кланов, сохранение баланса между которыми является условием сохранения стабильности системы. То есть ключевые политические решения являются результатом межэлитарного консенсуса.

3. Самым эффективным инструментом лоббирования является доступ к первому лицу (или доверие первого лица), что, конечно же, является неформальным инструментом.

4. Политическая система на данном этапе характеризуется тенденциями к транспарентности. Для сохранения стабильности социально-экономическая модернизация России должна сопровождаться политической модернизацией, предполагающей демократизацию и движение к всё большей транспарентности. Описанная тенденция по-новому даёт шанс на рассмотрение вопроса о законодательном регулировании лоббизма.

5. Нивелирование роли политических партий, снижение влияния Государственной Думы РФ. Центр принятия решений – Администрация Президента РФ.

Библиографический список

1. Доклад. Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0». URL: [http://www.stratagema.org/netcat_files/File/Политбюро%20и%20большое%20правительство-2-2\(1\).pdf](http://www.stratagema.org/netcat_files/File/Политбюро%20и%20большое%20правительство-2-2(1).pdf)
2. Шатилов А. Б., Никитин А. С. GR для эффективного бизнеса. – М. : ФОРУМ, 2011. – 160 с.
3. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Российское неоэтакратическое общество и его стратификация. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 48 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА

Н. А. Ломако

**Шадринский финансово-экономический колледж-
филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Шадринск, Россия**

Summary. The article discusses issues related to the peculiarities of labor regulation of remote workers as well as the application of regulations in this area in practice.

Key words: remote worker; the employer; the Labour Code of the Russian Federation; the employment contract.

В настоящее время переход к инновационной экономике приводит к изменению структуры занятости работников, и в рамках трудового права выделяется такая форма нетипичной трудовой занятости, как дистанционный труд.

Широкое распространение получают формы организации труда, не связанные с фактическим присутствием работника в месте нахождения организации, одной из них является выполнение работы на дому. Существуют различные виды таких работ,

а с развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий спектр домашних работ постоянно расширяется. В настоящее время большую часть домашнего труда осуществляют журналисты, фотографы, дизайнеры, бухгалтеры, программисты и др., т. е. те лица, которым для выполнения работы достаточно иметь компьютер, оснащенный доступом в Интернет, необходимый набор программ для работы с персональным компьютером.

Правовое регулирование домашнего труда вызывало на практике ряд проблем и нуждалось в совершенствовании. Термин «домашняя работа», содержащийся в Трудовом кодексе РФ, не закрепляет возможность использовать Интернет и другие средства коммуникации в работе. В связи с этим Федеральным законом от 05.04.2013 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в силу 19 апреля 2013 года, введена в действие новая глава 49.1 Трудового кодекса «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Данная глава устанавливает особенности регулирования труда сотрудников организаций, работающих дистанционно, и можно сказать, что информационно-телекоммуникационные сети общего пользования, в том числе Интернет, являются основным инструментом взаимодействия между работодателем и дистанционным работником.

Нормами данных поправок узаконена форма трудовых отношений, они не носят ярко выраженной направленности на защиту интересов какой-либо из сторон трудовых отношений, одинаково выгодны как для работника, так и для работодателя. Работодатель имеет возможность контроля за дистанционным работником посредством нормативных актов, предусмотреть в трудовом договоре основания для его прекращения в дополнение к основаниям, закрепленным в Трудовом кодексе РФ. Работник же в свою очередь получает гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом РФ, такие как оплату временной нетрудоспособности, охрану труда, устанавливать по своему усмотрению режим рабочего времени и времени отдыха, если иное не предусмотрено трудовым договором, и иные условия.

Обеим сторонам выгодна предоставленная возможность не взаимодействовать лично при заключении или изменении трудового договора, а использовать обмен электронными документами или решать вопросы посредством почтовых отправлений. При этом если осуществляется обмен электронными документами, то сторонам необходимо использовать усиленные квалифицированные электронные подписи, установленные Федеральным законом от 06.04.2011г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Важным нововведением в главе 49.1 Трудового кодекса РФ является то, что по соглашению сторон трудового договора сведения о дистанционной работе могут не вноситься в трудовую книжку дистанционного работника, а при заключении трудового договора впервые трудовая книжка ему может не оформляться. В этих случаях основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже является трудовой договор.

Можно предположить, что с принятием нового закона на практике могут возникнуть сложности, с которыми столкнутся работники и работодатели. В первую очередь, это использование при электронном документообороте электронной цифровой подписи, что потребует как для работодателя, так и для работника не только финансовых затрат на ее оформление, но и определенной подготовки в целях ее применения. Возможны сложности и в случае рассмотрения трудовых споров, контроля за выполнением работником своих трудовых обязанностей, выплат за работу в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, т. к. распределяет рабочее время и время отдыха работник по своему усмотрению.

На основании статьи 312.2 части 2 Трудового кодекса РФ в случае заключения трудового договора о дистанционной работе путем обмена электронными документами работодатель не позднее трех календарных дней со дня заключения договора обязан направить работнику по почте оформленный надлежащим образом экземпляр данного договора на бумажном носителе. Надлежащий образ оформленного трудового договора предполагает заключение его в письменной форме, составляется в двух экземплярах и подписывается сторонами. В случае если стороны подписали данный договор усиленными квалифицированными подписями, возникнет вопрос, должен ли работник на полученном договоре поставить свою подпись собственноручно, необходимо ли ему направить один из подписанных экземпляров обратно работодателю. Оформленный надлежащим образом трудовой договор будет являться основным документом о трудовой деятельности дистанционного работника в случае, если в трудовую книжку не вносятся сведения о работнике. И если трудовой договор не оформлен в соответствии со статьей 67 Трудового кодекса РФ, могут возникнуть сложности подтверждения трудового стажа работника.

Таким образом, закон закрепил существующие уже на практике отношения по дистанционной работе, дано ее понятие, установлена возможность взаимодействия между сторонами договора посредством электронного документооборота и иные условия. Наличие преимуществ в дистанционной работе, как для работника, так и для работодателя, говорит о том, что

большинство трудовых договоров с «надомниками» будут заменены договорами о дистанционной работе, которые получают значительное распространение на территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. Карпов А. В. Трудовое право России : учебник. – М. : Омега-Л, 2011.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации в редакции Федерального закона от 30.06.2006 № 90-ФЗ.
3. Трудовое право : учеб. / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Смигиревой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2012.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон РФ от 05.04.2013. – № 60-ФЗ.
5. Об электронной подписи : федер. закон РФ от 06.04.2011 г. – № 63-ФЗ.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ШВЕДСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

И. М. Тихонов

**Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России,
г. Москва, Россия**

Summary. This article observes political and legal basis of swedish model of the welfare state. An analysis of essential constitutional rules and principles has been made. On its basis the author has come to the conclusion that it is possible to apply the swedish experience in Russia.

Key words: welfare state; Sweden; swedish model.

В 2013 году исполняется 20 лет со времени принятия современной российской конституции. П. 1 ст. 7 устанавливает, что Российская Федерация является социальным государством. Однако, как отмечают специалисты [1], реальная ситуация не соответствует провозглашённым принципам. Представляется, что основная проблема этого несоответствия лежит в отсутствии программы, стратегии развития социального государства. Вследствие распада СССР страна лишилась собственной модели развития. В результате преобразований была создана современная, соответствующая международным стандартам правовая база социального государства, однако не был сделан ключевой политический выбор – какая именно модель социального государства должна существовать в России. Представляется, что именно отсутствие чётко поставленной цели развития, идеального образа социального государства

препятствует сегодня развитию общества и государства и рождает указанное выше противоречие.

Шведская модель социального государства представляет собой уникальный исторический и политический феномен. Её возникновение связано с борьбой двух кардинально противоположных систем – социалистической (коммунистической), с одной стороны, и капиталистической – с другой. Шведская модель появилась на основе синтеза обеих моделей, переняв передовые идеи из каждой из них. В результате появилась система, которая по праву называется одной из самых успешных и справедливых в мире. Во второй половине XX – начале XXI вв. уровень жизни в Швеции является одним из самых высоких в мире, а граждане этого государства регулярно высказывают удовлетворённость своей жизнью и уверенность в будущем [2].

Термин «социальное государство» обозначает особый тип государства, ориентированный на достижение максимального общественного баланса путём обеспечения достойной жизни и свободного развития человека. Говоря о шведской модели социального государства, мы имеем в виду тип государства, появившийся в Швеции в первой половине XX века и существующий по сей день.

Представляется, что шведская модель социального государства представляет для России значительный интерес. Швеция так же, как и наша страна сегодня, стояла перед выбором между двумя генеральными направлениями развития, но последовала по своему пути с учётом национальных особенностей. Россия, унаследовавшая многие черты СССР, но в то же время развивающаяся демократическим путём, могла бы перенять шведский опыт. Безусловно, между нашими странами существуют коренные различия, но есть и немало общих черт. Возможно, шведская модель социального государства лучше других, ныне имеющих в мире моделей, подходит современной России.

В настоящей работе будут рассмотрены политические и правовые аспекты шведского социального государства. Будет проведён анализ основных характеристик исследуемой модели. В заключение будет сделан вывод о возможности практического применения шведского опыта в современной России.

Первым пунктом, на котором нужно остановиться, является ответственность государства перед гражданами, подконтрольность государственных органов обществу. Данные принципы базируются на теории, согласно которой именно народ первичен по отношению к государству. Государство представляет собой лишь механизм управления народом,

проживающим на определённой территории, и служит его интересам. Форма правления в ч. 1 ст. 1 закрепляет, что «единственным источником публичной власти является народ» [3]. То есть именно народ является носителем суверенитета, верховной власти на территории Швеции. Именно от его имени осуществляется управление. Именно такой подход определяет производный, подчинённый характер государства. Важно заметить, что в своей деятельности шведское государство жёстко ограничено законом, что установлено в ч. 3 ст. 1 Формы правления.

Следует обратить внимание, что именно на этой теории базируется шведская модель социального государства. Последнее функционирует в интересах народа и под его контролем. Это позволяет государству брать на себя ключевую роль в организации перераспределения доходов. То есть государство является ключевым элементом не только социальной, но и экономической системы. Обладая подобными полномочиями, лица, наделённые государственной властью, с лёгкостью могли бы проводить политику, ориентированную, прежде всего, на собственные интересы. Иными словами, шведская система, на первый взгляд, предоставляет массу возможностей для злоупотребления властью и её узурпации. Однако провозглашённые положения обеспечены эффективным механизмом народного контроля за властью, эффективными институтами прямой демократии, которые не позволяют лицам, наделённым государственной властью, её узурпировать.

Прежде всего, к таким механизмам относится особая форма правления. Главой государства де-юре является король, который, однако, не обладает полномочиями, позволяющими ему оказывать влияние на политику государства. Монарх выполняет исключительно формальные, церемониальные функции. Он представляет Швецию как за рубежом, так и внутри страны. Король олицетворяет единство нации, преемственность её исторического пути. Личность монарха символизирует, что несмотря на смену составов парламента и правительств, шведское государство остаётся неизменным на протяжении столетий. Кроме того, своим статусом монарх обозначает подчинённость государственной власти народу, ещё раз подчёркивает её производный характер. Конституционная монархия в Швеции выступает главным гарантом разделения властей, их независимости друг от друга и подотчётности народу.

Высшим представительным и законодательным органом в Швеции является Риксдаг. Этот орган формируется на основе прямых, равных, свободных выборов путём тайного

голосования. Это ключевой орган шведской государственной системы, поскольку именно он формируется непосредственно народом. То есть народ напрямую делегирует парламенту часть своих суверенных полномочий. Таким образом, представляя народ, Риксдаг обладает правом принимать ключевые решения, в частности, принимать законы. Парламент выступает непосредственным гарантом производного статуса государства. Избираясь непосредственно народом, Риксдаг как ни один другой орган зависит от мнения и воли людей.

Именно этим объясняется широкий круг полномочий, имеющийся у парламента. К ним относятся, как было уже сказано выше, исключительное право на принятие законов и установление налогов. Кроме того, именно Риксдаг формирует правительство. Главой правительства становится лидер политической партии, из членов которой чаще всего назначаются и остальные министры. Правительство подотчётно парламенту, который контролирует деятельность высшего органа исполнительной власти. Риксдаг имеет право вынести вотум недоверия в отношении отдельного министра или всего правительства. В таком случае министр или весь орган будут вынуждены сложить с себя полномочия. Депутаты также имеют право требовать отчётов о деятельности как отдельных министров, так и всего правительства.

Отношения между правительством и парламентом лучше всего описаны старым конституционным принципом: «Лучше, чтобы пало данное правительство, чем пала сама правительственная власть» [4]. Таким образом, правительство, возглавляющее систему органов исполнительной власти, само зависит от парламента. То есть опосредованно от народа. Именно эта система обеспечивает функционирование исполнительной власти в интересах народа. Получается, что депутаты и члены правительства сами заинтересованы в наиболее эффективной работе правительства. Ведь главным образом именно по её результатам люди на выборах оценивают успешность работы той или иной партии. Таким образом, становится очевидным, что и правительство является исключительно производным органом.

Помимо контроля правительства Риксдаг осуществляет ещё ряд других контрольных полномочий. Во-первых, в его ведении находится Государственное ревизионное управление, ответственное за контроль исполнения бюджета и за расходования бюджетных средств. То есть Риксдаг осуществляет непосредственный контроль использования государственных средств, что имеет немаловажное значение ввиду того, что государство выступает ключевым механизмом

перераспределения доходов. Таким образом, ключевая функция относится к компетенции органа, непосредственно отражающего волю и интересы народа и теснее всего с ним связанного.

Во-вторых, что представляется ещё более важным: Риксдаг выбирает из своего состава четверых омбудсманов – специальных должностных лиц, призванных способствовать гражданам в защите их прав и свобод. Компетенция омбудсмана чрезвычайно широка. К нему может обратиться любой человек с жалобой на противоправное действие или бездействие органов администрации. Представляется интересным факт, что обращение не должно обязательно исходить непосредственно от лица, чьи права или свободы были нарушены. К омбудсману имеют прямой доступ все, в том числе люди, действующие из «общих интересов». На такие жалобы не распространяется общий срок давности, установленный законом. Омбудсман имеет право действовать также по собственной инициативе. Сфера его полномочий в Швеции весьма широка – именно поэтому можно говорить о наличии «сильного» омбудсмана в этой стране. Проверке могут быть подвергнуты любые органы администрации, суды (кроме высших), церковь. Помимо проверок омбудсман уполномочен выносить предупреждения должностным лицам, подавать в суд на них или на государственный орган, направлять предложения об улучшении работы. Регулярно каждый омбудсман отчитывается перед парламентом о проведённой работе. Итак, институт омбудсманов в Швеции, как показывает практика, является чрезвычайно эффективным механизмом защиты прав и свобод граждан, а также контроля за органами публичной власти.

Суд в Швеции выделен в независимую ветвь власти. Отличием деятельности органов администрации от органов суда служит порядок принятия ими решений. Суд в своей деятельности связан правом, он может применять только нормы, предусмотренные законом. Административные же органы часто принимают решения на основании целесообразности. При этом органы административной юстиции уполномочены рассматривать только дела о нарушениях, допущенных органами государственной власти. Эту систему возглавляет Высший административный суд. Особенностью и достоинством данной системы является то, что в рамках данного судопроизводства отдельному человеку куда легче добиться справедливого решения, поскольку ему не требуется доказывать свою невиновность. Бремя доказывания лежит на государственных органах, располагающих куда большими средствами и возможностями, чем частные лица.

Споры, возникающие между государством и отдельным человеком, а также между частными лицами, рассматриваются судами общей юрисдикции, составляющими единую систему с Верховным судом. Таким образом, подобная система выступает эффективной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина государственными органами и частными лицами. При этом нельзя забывать о наличии «сильных» омбудсманов, тесно взаимодействующих с судебной властью. Кроме того, обеспечивается международная защита прав и свобод человека. Являясь участником Европейской конвенции о правах и основных свободах человека, Швеция признала с 1996 г. юрисдикцию Европейского суда по правам человека.

Ещё одним ключевым признаком шведского социального государства является его правовой характер. Это означает, что государство, во-первых, в своей деятельности ограничено правом и может совершать те или иные действия только в соответствии с законом и на его основе, а во-вторых, что сам статус государства, функции и полномочия его органов и должностных лиц чётко закреплены в законе. Как было уже сказано выше, ч. 1 ст. 1 Формы правления устанавливает, что «публичная власть осуществляется исходя из принципа законности» [5]. То есть и здесь проявляется производный характер шведского государства. Оно ограничено волей народа, которая находит отражение в законах, принимаемых парламентом. Таким образом, государственная власть добровольно принимает на себя ограничения и предусматривает санкции за их нарушение.

Правовой характер государства проявляется в следующем. Во-первых, установлено, что все люди равны перед законом. Признаётся, что все обладают равными правами и возможностями. Каждый обладает свободой распоряжаться ими по своему усмотрению. Однако не допускается злоупотребление своими правами, когда действия или бездействия причиняют вред иным субъектам общественных отношений. Государство гарантирует всем людям равные исходные возможности, предоставляя им право самостоятельно строить своё будущее. Особое внимание уделяется недопущению дискриминации по каким-либо признакам, например, таким, как национальность, возраст, половая или религиозная принадлежность. Верховенство права также подразумевает, что нормы закона распространяются в равной степени на всех людей вне зависимости от их финансового или общественного положения.

Во-вторых, правовое государство характеризуется некоторыми особенностями политической системы. В Швеции

существует система разделения властей, при которой органы, входящие в разные ветви власти, самостоятельны и независимы друг от друга. Действует также эффективная система сдержек и противовесов, которая обеспечивает сбалансированность власти и не допускает её узурпации каким-либо субъектом. Действует эффективная система гарантии прав и свобод человека и гражданина. Она проявляется как в действиях судов, так и в наличии и эффективном функционировании омбудсманов. Шведская система позволяет гражданам в максимально быстрые сроки добиться справедливого решения и восстановления нарушенных прав или свобод. В свою очередь, эффективная правоохранительная система обеспечивает со своей стороны общественный порядок. Политический и идеологический плюрализм также являются существенными признаками правового государства. В Швеции отсутствует цензура, закреплены права, обеспечивающие свободу слова, мысли, печати. На территории государства действуют многочисленные политические партии и общественные некоммерческие организации.

В-третьих, в Швеции существует развитое гражданское общество. Существует масса объединений граждан, осуществляющих контроль действий государства, выступающих с критикой правительства и предлагающих свои варианты решения проблем. Эти институты способствуют не только развитию государства и общества, но также выступают ещё одним механизмом гарантий прав и свобод человека и гражданина. Институты гражданского общества также берут на себя ряд организационных функций. Они объединяют не только частных лиц, но и организации, руководя их действиями и выступая также как институты перераспределения благ. Помимо прочего, шведское общество отличается высоким уровнем правовой культуры. Люди осознают ценность закона, уважают закон и понимают необходимость его соблюдения.

Одним из самых важных принципов шведской модели социального государства является всеобщая солидарность. Этот принцип означает, что социальная система охватывает всё население целиком, распространяет своё действие на всех граждан, которые в равной степени имеют право пользоваться преимуществами данной системы, как и несут обязанность поддерживать (в первую очередь, финансировать) её. Данный принцип базируется на основном идеологическом постулате шведской социальной модели – все граждане живут в одном обществе и поэтому все должны заботиться друг о друге. То есть люди, получающие больший доход, должны сами заботиться о тех, у кого нет возможности иметь такой же доход. Как отмечает

Н. С. Плевако, «всё население платит за предоставляемые услуги, и все пользуются этими услугами» [6]. То есть резюмируется, что общество должно быть максимально сбалансированным.

Шведская система базируется, прежде всего, на многочисленном так называемом «среднем классе». К нему относят людей, обеспеченных работой и получающих достаточный доход, чтобы не только удовлетворять базовые потребности, но и чувствовать себя удовлетворёнными своей жизнью и с уверенностью смотреть в будущее. Именно на эту социальную группу и выпадает основная нагрузка по поддержанию экономического и социального баланса в обществе. Дело в том, что шведская система стремится минимизировать разрыв между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан. Для этого созданы различные механизмы перераспределения благ, основным субъектом которых является государство. При этом, как отмечает А. Меллер, «налицо стремление к "горизонтальному" выравниванию доходов (например, между здоровыми и больными, работающими и безработными) в большей степени, чем к "вертикальному" (то есть между богатыми и бедными)» [7].

Представители «среднего класса» как раз и составляют то подавляющее большинство, которое одновременно финансирует социальную систему и в большей степени пользуется результатами её функционирования. Это объясняется многосторонним характером социальной защиты. Социальная помощь в том или ином виде предусматривается для каждого гражданина в случае наступления очень широкого круга обстоятельств. Таким образом, каждый человек в Швеции получает помощь и поддержку государства, что не позволяет ему либо быстро разбогатеть, либо быстро разориться. И чем тяжелее материальное положение человека, тем активнее государство помогает ему, тем большие социальные механизмы оказываются задействованными.

Именно этим объясняются высокие ставки налогообложения. Однако население готово существовать в этих условиях, когда значительная часть дохода отчисляется в государственный бюджет. Это объясняется тем, что функционирование социальной системы приносит пользу не отдельным индивидам или отдельным социальным группам, а всему обществу, всему населению. Каждый может рассчитывать, что в случае наступления неблагоприятных обстоятельств государство окажет ему поддержку. Кроме того, государство на полученные средства обеспечивает поддержание равных условий развития и жизни для всех граждан, не дифференцируя народ по какому-либо признаку.

Ещё одной ключевой особенностью шведской модели социального государства, отличающей её от иных моделей, является ключевая роль государства в процессе перераспределения благ. Шведское государство является основным субъектом данных отношений. Как было отмечено выше, шведская социальная система базируется на принципе всеобщей солидарности. То есть все люди вне зависимости от их материального или социального положения одновременно финансируют социальную систему и пользуются плодами её функционирования.

В таких условиях именно государство берёт на себя обязанность собрать средства, аккумулировать их и затем распределить в необходимой пропорции. Государственный бюджет пополняется, в основном, за счёт прямых и косвенных налогов. Эти налоги выплачиваются как физическими, так и юридическими лицами, и большая часть их идёт в государственный бюджет. Именно здесь в наибольшей степени проявляется зависимость, производный характер государства от народа. В случае отсутствия или недостаточной эффективности контроля финансовой деятельности государства, должностные лица имели бы прекрасные возможности сосредоточить в своих руках огромную экономическую власть, которая быстро бы могла трансформироваться во власть политическую.

Однако финансовые органы и финансовая деятельность государства находятся под постоянным контролем со стороны парламента, представляющего интересы народа, правительства, также зависящего от народа, общественных организаций, а также омбудсманов и судов. Подобный многосторонний контроль жизненно необходим ввиду того, что неэффективная или неудовлетворительная работа финансовых органов государства привела бы к краху всей модели системы социального обеспечения, налоговой системы и спровоцировала бы непредсказуемые социальные последствия.

Государство же, собирая и аккумулируя средства, впоследствии распределяет их среди весьма широкого круга лиц. Причём социальная помощь предусмотрена в самых различных случаях, их список охватывает почти любые негативные жизненные ситуации. Различается несколько видов социальной поддержки. Во-первых, выделяют выплаты, направленные на реализацию самим государством принятых на себя обязательств (на образование, здравоохранение, функционирование социальных служб). Во-вторых, отдельную категорию представляют непосредственные трансферты населению. То есть в случае наступления определённого жизненного обстоятельства (получение травмы, несовместимой

с продолжением профессиональной деятельности, например) деньги выплачиваются непосредственно адресату таких выплат. В-третьих, существует система выплат юридическим лицам – работодателям, продавцам и т. д. Эти меры дают возможность последним решать финансовые вопросы, не прибегая к помощи средств, предназначенных для других целей.

Итак, опыт шведской модели социального государства представляется интересным для современной России. За минувшие двадцать лет удалось провести немало реформ, направленных на социальную защиту населения. Однако до сих пор остаются нерешёнными проблемы, которые не позволяют сказать, что конституционные положения соответствуют действительности. В частности, требуют решения проблемы коррупции, неэффективности государственных органов, отсутствия реального контроля общества действий государства. Необходимо развивать гражданское общество и правовую культуру граждан, воспитывать уважение к закону. Бросается в глаза общий низкий уровень жизни граждан России и увеличивающийся разрыв между самыми обеспеченными и самыми малообеспеченными гражданами. Требуется реформа механизма перераспределения благ. Неразвитая и немодернизированная экономика также представляют препятствие на пути развития социального государства.

В силу исторических традиций государство в нашей стране играет такую же большую роль, как и в Швеции. Именно поэтому представляется, что после ухода от старой советской социальной системы именно шведский опыт является наиболее подходящим для нашей страны. По прошествии 20 лет с момента принятия новой Конституции она доказала свою жизнеспособность, теперь перед нами стоит задача приведения реальной обстановки в соответствие с провозглашёнными нормами. Для этого необходимо сделать выбор, определить стратегию развития. И опыт шведского социального государства в этом отношении представляет богатую пищу для размышлений.

Библиографический список

1. Завьялов В. Т. Развитие социального государства в России // Обозреватель-Observer. – 2008. – № 7. – С. 15–22.
2. Human Development Report 2013 The Rise of the South: Human Progress in the Diverse World / UNDP. – Gilmore Printing Services Inc., 2013.
3. The Instrument of Government, 1974. – № 1974:152. – Ст. 1.
4. Исаев М. А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. – М. : ОАО «Издательский Дом “Городец”», 2004. – С. 247.
5. The Instrument of Government, 1974. – № 1974:152. – Ст. 1.

6. Плевако Н. С. О шведском «государстве благосостояния» // Социальное государство : концепция и сущность. – М. : Издательство «ОГНИ», 2004. – С. 95.
7. Шведская система социального обеспечения / сост. А. Меллер, А. Я. Некрасов // Социальная политика Швеции. – М. : Социальная защита, 1999. – С. 45.

ОТКАЗ ПРОКУРОРА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ И ОБЯЗАННОСТЬ СУДА ЕГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ.

Д. А. Куликов
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The right or duty of the prosecutor to refuse charge. the rights of the victim at refusal of the prosecutor of charge. The bases of refusal of the prosecutor from charge.

Key words: public prosecutor; victim; refusal of charge; rights of the victim; subsidiary claimant.

Во всех правовых системах есть ситуации, когда прокурор вынужден отказываться от государственного обвинения в суде, ибо цель уголовного производства – законное и обоснованное обвинение. В той или иной стране данное утверждение звучит различно, так как различны цели уголовного судопроизводства. Но любая позиция прокурора должна соответствовать закону и быть обоснованной, в противном случае прокурор должен отказываться от обвинения. В различных странах вопрос отказа от обвинения решается по-разному. Рассмотрим некоторые из них.

Известны страны, в которых существует субсидиарная форма участия потерпевшего в уголовном преследовании (так называемое «субсидиарное обвинение») – это поддержание потерпевшим обвинения взамен государственного обвинителя, отказавшегося от обвинения, по делам, уголовное преследование по которым осуществляется в публичном и частно-публичном порядке [7; 44]. На законодательном уровне первоначально он был закреплен в австрийском Уголовно-процессуальном кодексе 1873 г. [7; 8] В действующем УПК Австрии (§ 48) сохраняется норма, что в случае если прокурор отказался от обвинения, то потерпевший имеет право заявить ходатайство о преследовании лица [1; 75–83].

Право потерпевшего поддерживать обвинение в случае отказа от него государственного обвинителя закрепляется также, к примеру, в УПК Республики Беларусь [15] (ч. 3 ст. 28, ч. 8

ст. 293) и УПК Украины 2012 г. [18] (ст. 340). Более того, отметим, что при наличии соответствующих оснований прокурор обязан отказаться от обвинения в данных странах. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 306 УПК Республики Армения [14], ч. 6 ст. 317 УПК Республики Казахстан [16], ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан [17] и ст. 340 УПК Украины 2012 г. отказ от обвинения является обязанностью прокурора.

В уголовном судопроизводстве США, как и в английском уголовном процессе, основной целью является урегулирование конфликта между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, а сам процесс рассматривается как спор в суде между обладающими равными процессуальными правами обвиняемым и обвинителем [7;42]. Уголовно-процессуальное законодательство США, в частности Федеральные правила о доказательствах США [19] (правила 102, 611), закрепляет установление истины как цель уголовного процесса. Именно таким подходом к определению цели уголовного процесса, думается, объясняется то, что подавляющее большинство изменений обвинения в уголовном процессе США является следствием заключения сделок о признании вины, которые в настоящее время являются повседневной практикой в уголовном процессе США. При этом данная практика признается и поощряется Верховным Судом США (решение 1971 г. по уголовному делу Сантобелло), поскольку экономит силы, средства и время органов уголовной юстиции. Необходимо отметить, что сделки о признании вины, инициатором заключения которых во многих случаях выступает атторней, являются основанием изменения в дальнейшем атторнеем обвинения (его объема или квалификации), либо отказа от одного или нескольких обвинений. Атторней зачастую идет на заключение подобного рода сделок, поскольку не уверен в полной законности и обоснованности выдвинутого обвинения (обвинений), достаточности и допустимости имеющихся доказательств. Атторней, принявший уголовное дело к своему производству, в любое время до вынесения приговора и назначения наказания судом (вердикта присяжными заседателями) может отказаться от обвинения и забрать обвинительный акт или заявление об обвинении обратно. При этом в случае, если он отказывается от обвинения до начала судебного разбирательства, то в дальнейшем он вправе вновь возбудить уголовное преследование за то же самое преступление.

Обратимся к законодательству РФ. С момента принятия УПК РФ 2001 года не утихают споры вокруг положения, закрепляемого частью 7 ст. 246 УПК: "Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное

подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части..." Разберемся, в чем же причина возникновения этих споров.

Полный или частичный отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения влечет за собой прекращение судом уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части (п. 1 и 2 части первой статьи 24 и п. 1 и 2 части первой статьи 27 УПК РФ).

Чем вызывается необходимость отказа от поддержания государственного обвинения?

1. Необоснованное возбуждение уголовного преследования.
2. Признание основных обвинительных доказательств недопустимыми.

Как правило, такая ситуация возникает в результате ошибок, допущенных во время проведения предварительного расследования: нарушения закона при собирании доказательств, в результате чего некоторые из доказательств могут утратить юридическую силу; небрежная проверка или неверная оценка доказательств.

3. Изменение обвинительных доказательств в суде.

Нельзя исключить ситуацию, когда лицо, осуществляющее уголовное преследование в досудебном производстве, и обвинитель в суде по-разному оценивают доказательства, собранные по делу. Отказ государственного обвинителя от обвинения может быть обусловлен тем, что собранные по делу доказательства, ранее приведшие к выводу о виновности обвиняемого, после их проверки не кажутся столь убедительными, какими они представлялись по материалам предварительного следствия. Предварительное следствие было проведено по делу исчерпывающе полно и объективно, уличающие обвиняемого доказательства имелись, так что вывод прокурора о необходимости предания обвиняемого суду был обоснован. Но когда все эти доказательства были проверены на судебном следствии, убеждение прокурора поколебалось, и он не может с уверенностью утверждать, что подсудимый виновен, так как остаются сильные сомнения в этом.

4. Доказательства, представленные защитой, ставят под сомнение доказанность обвинения.

Например, были допрошены новые свидетели, вызванные по ходатайству защиты, которые своими показаниями поколебали или вовсе опровергли те доказательства, на которых было основано обвинение.

Приведённые обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в ходе осуществления уголовного преследования может изменяться как фактическая база, на которой возникло определенное субъективное отношение прокурора к обвинению, так и оценка уже известных обстоятельств. И тогда на смену твердому убеждению в виновности могут прийти сомнения или прямо противоположное психологическое состояние – убеждение в невинности обвиняемого (подсудимого). В этих случаях лицо, осуществляющее уголовное преследование, вынуждено отказываться от обвинения полностью или в какой либо его части.

В связи с возможностью возникновения такого убеждения обвинителя и его последующими действиями возникает ряд проблем в суде.

1. Право или обязанность прокурора отказаться от обвинения, если имеются основания, перечисленные выше.

При анализе законодательства следует обратить внимание на то, что УПК РФ, трактует отказ прокурора от обвинения в случае сомнения в доказанности предъявленного подсудимому обвинения как его право. В частности часть 4 ст. 37 УПК определяет, что прокурор *вправе* в порядке и по основаниям, установленным Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования, а ч. 7 ст. 246 УПК говорит об отказе государственного обвинителя от обвинения, если он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, не акцентируя внимание на то, является ли такой отказ правом или же обязанностью этого должностного лица. Распоряжаясь ходом уголовного преследования в суде, прокурор, имея основания для отказа от обвинения, определяет сам необходимость и возможность его дальнейшего поддержания.

В тоже время одним из назначений уголовного судопроизводства п. 2 ч. 1. ст. 6 УПК РФ является «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»; ст. 2 названной статьи закрепляет, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Из этого следует полномочие органов осуществляющих уголовное преследование реабилитировать невиновных, есть их обязанность, а потому при наличии на то оснований о невинности подсудимого, государственный обвинитель обязан отказываться от поддержания обвинения от имени государства. Заметим, что такая позиция отражена в УПК Украины 2012 г. в ст. 340 ч. 1.: «Если в результате

судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что предъявленное лицу обвинение не подтверждается..., он должен отказаться от поддержания государственного обвинения...»

Представляется целесообразным подобным образом изложить ч. 4 ст. 37:

«Прокурор **обязан** в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения».

Как сказано в п. 2 ст. 254 УПК, при отказе государственного обвинителя от обвинения суд обязан прекратить уголовное дело; он не имеет право продолжить рассмотрение уголовного дела, как это было предусмотрено в УПК РСФСР 1960 г. в части 4 ст. 248 ("Отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого"). Заметим, даже если сам подсудимый признает себя виновным в совершении преступления, суд связан мнением обвинителя. Иными словами из текста указанной нормы следует, что отказаться от обвинения – это право прокурора, а принять отказ – это обязанность суда.

Однако ситуацию, когда государственный обвинитель отказывается от обвинения, либо иным образом смягчает предъявленное обвинение, нельзя оценивать однозначно.

Обоснование обвинения в судебных стадиях – исключительная прерогатива государственного обвинителя, суд же не является органом уголовного преследования. Он не должен принимать на себя не свойственную ему функцию. Вместе с тем мы придерживаемся той точки зрения, что не любой отказ прокурора от обвинения должен и может быть принят судом.

Возможность принятия судом доводов прокурора по изменению обвинения может быть в тех случаях, когда по делу имеются бесспорные основания для изменения обвинения в сторону смягчения, частичного или полного отказа от него (например, обвиняемый не достиг возраста, с которого возможна уголовная ответственность). При этом одним из условий реализации такого полномочия прокурора Н. А. Колоколов считает наличие таких обстоятельств, при которых не требуется исследования доказательств, а допущенная ошибка очевидна и может быть исправлена без вторжения в сферу доказывания. [4]

Приведем пример [20]. По ходатайству стороны защиты было назначено предварительное слушание, в ходе которого помощник прокурора пришел к убеждению об отказе от обвинения в части предъявленного К. по ч. 1 ст. 158 УК РФ в связи с отсутствием в действиях обвиняемого признаков состава преступле-

ния. Излагая суду свои мотивы, помощник прокурора указал, что сумма хищения составила 1000 рублей и действия К. содержат в себе признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ. Суд согласился с доводами помощника прокурора, прекратил уголовное дело в отношении К. по ч. 1 ст. 158 УК РФ и назначил судебное заседание в остальной части предъявленного К. обвинения.

И совсем неоднозначно представляется другая ситуация, когда отказ от обвинения прокурором выражен, однако, несмотря на императивность ч. 8 ст. 246 УПК РФ, суд не может согласиться с позицией стороны обвинения. Как поступить суду в такой ситуации?

Вновь сошлемся на судебную практику [20]. В Усть-Илимский городской суд Иркутской области 27 января 2012 года поступило с обвинительным заключением уголовное дело в отношении Н. Последний обвинялся органами предварительного следствия в покушении в сентябре 2011 года на дачу взятки должностному лицу за заведомо незаконные действия (бездействия), то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 291 УК РФ.

По инициативе суда было назначено предварительное слушание. В ходе предварительного слушания помощник прокурора не усмотрел оснований для возвращения дела прокурору, а просил исключить из обвинения Н. квалифицирующий признак «за заведомо незаконные действия» и переквалифицировать действия обвиняемого на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291 УК РФ. В обоснование указал, что исключение квалифицирующего признака «за заведомо незаконные действия» смягчает обвинение Н., не требует исследования доказательств и установления фактических обстоятельств, а потому, сославшись на ч. 5 ст. 236 УПК РФ, просил изменение обвинения отразить в постановлении суда. Дополнил, что предложенная стороной обвинения квалификация позволит разрешить и сомнения в вопросе о подведомственности.

Однако в данной конкретной ситуации суд, тем не менее, пришел к иным выводам и не принял предложенное изменение обвинения в отношении Н.

Мотивы в своем решении суд первой инстанции привел следующие: Во-первых, указал на невозможность городского суда принять отказ помощника прокурора от квалифицирующего признака, так как из предъявленного обвиняемому Н. обвинения следует, что данное уголовное дело относится к подсудности суда субъекта, а предложенная прокурором квалификация содеянного – к подсудности суда районного звена. Во-вторых, отказ прокурора от квалифицирующего признака «за-

ведомо незаконные действия» требует исследования значимых по делу обстоятельств, что невозможно осуществить в ходе предварительного слушания.

Судебная коллегия Иркутского областного суда с решением суда первой инстанции о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ полностью согласилась.

Таким образом, следует признать, что отказ от обвинения, смягчение обвинения на стадии предварительного слушания не всегда может быть принят судом.

2. Следующим вопросом не разрешенным законодателем является: момент отказа обвинителя от обвинения. Возможно ли отказаться от обвинения на стадии предварительных слушаний или необходимо отказаться от обвинения только после судебного следствия?

В большинстве своем, конечно же, убеждение прокурора в том, что предъявленное подсудимому обвинение не подтверждается исследуемыми в суде доказательствами, должно связываться с подведением итогов по делу. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ полный или частичный отказ прокурора от обвинения и принятие судом соответствующего процессуального решения могут иметь место только после «завершения исследования значимых для дела материалов и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты». [9] В тоже время бывают случаи, когда, как указано выше, допущенная ошибка очевидна и может быть исправлена без вторжения в сферу доказывания – скажем, лицо не достигло возраста уголовной ответственности, и в таком случае обоснованность отказа прокурора от обвинения очевидна.

В уголовно-процессуальной литературе нет единства мнений на этот счет. Ряд авторов полагают, что такой отказ возможен, если имеющиеся к отказу от обвинения мотивы и основания бесспорны и не требуют исследования всех материалов дела, например, когда наиболее значимые доказательства исключены как недопустимые [3; 103] [6; 103]. По мнению Н. В. Кулика прекращение уголовного дела на предварительном слушании позволяет исключить существенные затраты на проведение судебного разбирательства и минимизировать процессуальные издержки. [6; 148]

Другие авторы исходят из того, что отказ от обвинения может быть обоснован только по результатам исследования всех доказательств по делу, по окончании судебного следствия или на стадиях прения сторон. [5; 8–9] [12; 230–231], [13; 12] Так С. В. Петраков полагает, что отказ государственного обвинителя от обвинения возможен только в прениях сторон, потому что «в

противном случае, становится непонятно, из чего исходит обвинитель при отказе от обвинения, когда все доказательства еще не были исследованы в судебном порядке. Отказ от обвинения на этапе исследования доказательств представляется преждевременным и необоснованным со стороны государственного обвинителя, т. к. ни одно из доказательств не имеет за ранее установленной силы». [8; 14].

Между тем, Верховный суд РФ в определении от 19 мая 2006 года № 9-О06-21 особо подчеркнул, что «Конституционный суд РФ признал соответствующими Конституции РФ положения уголовно-процессуального закона – ст.236 и 239 УПК РФ – о возможности прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения на стадии предварительного слушания». [2]

Тем не менее в уголовно-процессуальных законах некоторых стран постсоветского пространства закреплено, что отказ государственного обвинителя от обвинения допускается только в результате судебного разбирательства. Так, в соответствии ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан, «если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия свидетельствуют о невиновности подсудимого, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа». Сходная норма, предусматривающая обязанность прокурора отказаться от предъявленного подсудимому обвинения «в результате судебного разбирательства», содержится в ч. 3 ст.210 УПК Эстонии.

Учитывая изложенное, считаем необходимым дополнить ст. 246 частью 11 и указать в ней момент отказа прокурора от обвинения: «Отказ обвинителя от обвинения возможен только после завершения судебного следствия на этапе прения сторон».

3. Какова должна быть форма изложения отказа прокурора от обвинения. Достаточно ли простого устного ходатайства прокурора?

УПК РФ не закрепляет никакой формы специального документирования подобного волеизъявления прокурора. Фактически обвинителю достаточно в устной форме выразить свое мнение, упомянуть о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, и суд, связанный позицией прокурора будет обязан прекратить уголовное дело. Есть, правда, приказ генерального прокурора № 185 "Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства". П. 3.5. абз. 2, который указывает на необходимость закрепления отказа государственного обвинителя от обвинения в письменной форме. Но это акт – ведомственный, подзаконный.

По нашему убеждению данное положение должно получить закрепление в УПК РФ. Это связано с тем, что секретари судебного заседания не в состоянии стенографировать судебное заседание, а записывают его ход сокращённо, и поэтому мотивировка отказа государственного обвинителя от обвинения не отражается ими достаточно полно [21]. Более того, на момент вынесения судом решения о прекращении уголовного преследования, которое выносится сразу после отказа прокурора от обвинения, судья не имеет доступ к протоколу судебного заседания, так как он еще не готов, и не может достаточно полно обосновать свое решение.

Письменная форма обяжет государственного обвинителя более ответственно подойти к мотивировке своего заявления, потерпевшему – обжаловать это процессуальное решение по мотивам необоснованности, а вышестоящему прокурору – оценить правильность действий государственного обвинителя.

В этой связи мы предлагаем внести следующие изменения в ст. 246 УПК РФ: «Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме в порядке и основаниям, указанным настоящим кодексом».

4. Место мнения потерпевшего при отказе прокурора от обвинения?

По мнению многих специалистов в области уголовного процесса (Ф. Багаутдинов, А. Васин и Н. Петрова и др.), отказ прокурора от обвинения без согласия потерпевшего нарушает права последнего. «Государственный обвинитель, – пишет Т. Тетерина, – и при поддержании обвинения, и при отказе от него оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Внутреннее же убеждение потерпевшего как участника стороны обвинения может не совпадать с убеждением прокурора. Несмотря на это, в случае отказа прокурора от обвинения потерпевший лишен права изложить суду основания своего убеждения в том, что вина подсудимого в ходе судебного следствия не доказана. Таким образом, потерпевший лишается и права на доступ к правосудию – вопреки ст. 52 Конституции РФ, которая гласит, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» [11; 15].

В Концепции развития уголовно-процессуального законодательства, предлагаемой В. И. Рудневой, отмечается, что закон призван в максимальной степени защищать права потерпевших, поэтому их реализация не должна зависеть от органов уголовного преследования, в частности от отказа последних от обвинения в ходе судебного заседания [22; 392].

Мы считаем, что суд должен спрашивать мнение потерпевшего по данному вопросу. В этом случае потерпевший может обосновать свою позицию, не согласившись с обвинителем. А в случае согласия, наоборот, не оставит никаких вопросов в дальнейшей судьбе данного уголовного дела.

5. Достаточно ли вынесения судом решения о прекращении уголовного преследования для реабилитации обвиняемого в случае отказа обвинителя от обвинения?

Прекращение судом уголовного дела по инициативе государственного обвинителя в обществе ассоциируется больше с невозможностью правоохранительными органами доказать вину обвиняемого, но сам факт его виновности как бы предполагается. По нашему мнению, отказ государственного обвинителя от обвинения, должен повлечь за собой постановление судом оправдательного приговора. Только оправдательный приговор может полностью реабилитировать обвиняемого в глазах граждан. Оправдательный приговор – правовая и бесспорная констатация факта невиновности. Такой же позиции придерживается и Ф. М. Ягофаров: «...заявление государственного обвинителя и потерпевшего об отказе от обвинения, сделанное после начала судебного разбирательства, влечет вынесение судом оправдательного приговора, при этом суд вправе не обосновывать подобное решение ни чем иным, кроме как ссылкой на заявленный отказ от обвинения» [22] как в случае вынесения оправдательного приговора на основании вердикта присяжных.

Анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран показал, что рассмотренные вопросы разрешаются или уже разрешены тем или иным образом. Есть соответствующая практика, которую можно использовать для предвидения тех ошибок, с которыми они столкнулись. Вместе с тем, история становления института отказа прокурора от обвинения в России показала, что наше законодательство так же как и любое подвержено изменению, но в силу объективных причин рассматриваемые вопросы остались до конца не разрешенными. Тот порядок, который существует после внесения изменений в УПК РФ в 2001 году, должен подвергнуться внимательному изучению на предмет его развития для наиболее полного соответствия законодательства принципам уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Александров А. С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75–83.
2. Кассационное определение Верховного суда РФ от 19 мая 2006 г. №9-Оо6-21 // СПС «Консультант плюс»

3. Кириллова Н. А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 18.
4. Кулик Н. В. Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 103.
5. Колоколов Н. А. Решение судьи в стадии предварительного слушания, пресекающее движение уголовного дела // Мировой судья. 2011. № 9.
6. Колпашникова В. М. Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции: автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8–9.
7. Кулик Н. В. Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 148.
8. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. №1 (1). – Томск, 2013. – С. 8.
9. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. №1 (1). – Томск, 2013. – С. 42.
10. Михайлов А. А. Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы // Уголовная юстиция. №1 (1). – Томск, 2013. – С. 44.
11. Петраков С. В., Поляков М. П. Научные и практические доводы за право прокурора на отказ от обвинения // Уголовное судопроизводство. 2006. – № 4. – С. 14
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».
13. Руднев В. И. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. – М. : Городец, 2004. – С. 392.
14. Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. – № 10. – С. 15.
15. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. – СПб., 2005. – С. 230–231.
16. Тырин А. В., Лукичев Н. А., Громов Н. А. Осуществление прокурором преследования в стадии предварительного слушания // Следователь. 2002. – № 6. – С. 12
17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. – Ереван, б. г. 236 с.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 272 с.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: учеб.-практич. пособие. – Алматы, 2002. 288 с.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI). http://www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar/
22. Федеральные правила о доказательствах Соединенных Штатов Америки // Process-net [электр. ресурс]: Портал уголовно-процессуального права: <http://sergei-nasonov.narod.ru>
23. Шабалина В. О. Обязанность суда принять отказ прокурора от поддержания обвинения в ходе предварительного слушания как один из элементов выражения принципа состязательности уголовного судопроиз-

- водства // Государственная автоматизированная система «Правосудие» : [сайт]. – URL: http://ustilimsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=5
24. Щербаков Ю. Отказ прокурора от обвинения: последствия для потерпевшего // Законность. 2002. – № 2.
25. Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2003.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ю. П. Мясина, Д. Б. Казанцева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. Punishment, its essence and purpose in all States are different. Comparative analysis of the developed countries, such as Germany, USA, France possible to reveal the nature and objectives of punishment in criminal law of foreign countries. The urgency of the problem is caused by the fact that the system of execution of criminal punishments in Russia is in the process of reform. In most foreign countries instead of imprisonment are alternatives such as fines, the postponement of the prison and probation, as well as public censure and various forms of socially useful work. Abroad believe that the severity of the regime's interference in personal life. They believe that strict conditions of imprisonment lead to minimal re-socialisation. Theorists and Russia call for changes of views on the system of punishments, Recalling that Russia goes in the system of European countries.

Key words: Punishment; criminal law; foreign countries; Germany; USA; France; penalty; imprisonment; penal system; resocialization.

Множество государств объединяет отсутствие в их законодательстве общего определения наказания, его сущности и целей. Как правило, в законодательстве устанавливается система наказаний, которые могут быть назначены за совершенное преступление. В целом же наказание можно определить как меру государственного принуждения, назначаемую специально уполномоченными на то органами (судами, трибуналами) и состоящую в определенных неблагоприятных последствиях для лица, осужденного за совершение преступного деяния. Сравнительный анализ систем наказания стран США, Франции, Германии позволяет выявить сущность и цели систем наказания в уголовном праве зарубежных государств, а также такие немаловажные аспекты системы наказаний, как основания наказания и применение наказаний, основные условия, освобождающие от наказания, и меры безопасности в уголовном праве США, Франции и Германии [1].

Актуальность данной проблемы обусловлена еще и тем, что система исполнения уголовных наказаний в России находится в стадии реформирования. Система исполнения уголовных наказаний должна стать более открытой, менее формализованной, а главное – ориентированной на решение основной задачи: исправление осужденных и полноценное их включение в жизнь общества после отбытия наказания. Любой положительный опыт обращения с осужденными следует внедрять в практику работы в настоящее время, а не тогда, когда уже сложится определенная постреформенная ситуация в исполнении наказания. Страны Европы, уже накопили достаточный опыт ресоциализации преступников, отбывавших наказания в виде лишения свободы.

Если мы рассмотрим исполнение наказания в США, то мы увидим, что изначально американские тюрьмы призваны были решать одну задачу – карать зло. Однако постепенно отношение к заключенным изменилось – тюрьма перестала быть местом наказания, а стала центром перевоспитания. Однако, несмотря на это, заключенных в тюрьмах США стало только больше.

Тюрьмы в США появились задолго до образования независимого государства. Как и в Европе, физическое наказание в американских колониях было широко распространено. Американцы использовали колодки на ноги, «позорные столбы», к которым приковывались преступники, клеймение раскаленным железом, телесные наказания, членовредительство – отрезание ушей, ноздрей. Очень часто применялась и смертная казнь. Например, в некоторых колониях (современные штаты Массачусетс, Нью-Йорк) перечень преступлений, которые карались смертью, доходил до 20 % от общего списка. В их число входили карманные кражи, конокрадство, грабеж. Лишь Пенсильвания значительно отличалась от других колоний – здесь смертная казнь применялась только в качестве наказания за убийство, а вместо физических наказаний присуждалось тюремное заключение.

Заклученные в США в настоящий период содержатся как в собственно тюрьмах (prison), так и в изоляторах временного содержания (jail), где содержатся подсудимые, а также отбывают наказание осужденные на небольшие сроки [2].

В американских тюрьмах так же, как и в России, имеются камеры на 60–80 человек, приспособленные к постоянному и самому тесному общению друг с другом, однако наблюдается и другая крайность. В исправительных учреждениях типа «максимакс», оборудованных электронными средствами контроля и наблюдения, осуществляется идея полнейшей изоляции узника. Он отбывает наказание в камере-одиночке, оборудованной душем и туалетом, открытой площадкой для прогулок и упражне-

ний; он получает усиленное питание – и при этом находится в полной изоляции от себе подобных.

Систему, которая предоставляет заключенному «жизненное пространство» площадью в один метр, многие теоретики, среди которых Ю. В. Трунцевский, Н. А. Ушаков, называют бесчеловечной. Однако это определение может быть применено и по отношению к системам, обрекающим человека на многолетнее одиночество. Вся разница лишь в структуре этой бесчеловечности: физические страдания сокращены до минимума, тогда как нравственные доведены до максимума [3].

Особо стоит рассмотреть проблему применения в США смертной казни. Применение смертной казни в США базируется на уголовном законодательстве штатов. Так, в 14 штатах этот вид наказания, хотя и предусмотрен в законе, на практике ни разу не применялся (Канзас, Орегон, Колорадо и др.); в других – смертная казнь хотя и назначается судом, но фактически не исполняется (за 20 лет в Вайоминге, Монтане, Пенсильвании и других штатах казнено по одному человеку); в третьих, наоборот, она применяется в весьма широком объеме; наконец, в нескольких штатах эта мера наказания вообще отсутствует в арсенале средств борьбы с преступностью (Мэн, Нью-Гемпшир, Сев. Дакота и др.) [4].

Средства, с помощью которых осуществляется смертная казнь, различны. Самым ранним являлось повешение, а в конце XIX века был изобретен электрический стул, впервые примененный в 1890 году и вскоре вошедший во всеобщее употребление, так что во многих штатах он вытеснил повешение. В 1913 прошло шумное дело Лео Франка: на основании сомнительных доказательств осужденный был приговорен к смертной казни, затем помилован, похищен и повешен группой видных граждан. Газовую камеру ввели в 1924 году, но она не получила такого широкого распространения. С 1960-х годов правозащитники повели борьбу со смертной казнью. В 1972 году суд Джорджии по делу «Фурман против Джорджии» признал смертную казнь мучительной, а следовательно, противоречащей Конституции. Вследствие этого одиннадцать лет (с 1967 по 1979) во всех штатах никого не казнили. В 1976 году Верховный суд нашел казнь, являющуюся «вполне конституционной» (речь идет об электрическом стуле). Она была возвращена в тех 38 штатах, где не была отменена ранее, а также на федеральном уровне. Повешение и расстрел хотя официально и значатся в законах трех штатов, всё же вовсе вышли из употребления. В настоящий момент правозащитниками ведётся борьба с электрическим стулом: во всех тюрьмах действующие стулья старые, и нередко после первого удара током (5 ампер при напряжении в 2000 вольт)

осужденный остается еще жив, поэтому приходится добивать его новыми разрядами. В США существует и пятый вид казни, ныне самый распространенный, а во многих штатах единственный: смертельная инъекция. Это казнь путём умерщвления заключенного вводимым ему в вену на правой ноге ядом. Немаловажно отметить, что во время этой процедуры приговоренный привязывается к специальной кушетке (gurney) [5].

В ФРГ исполнение уголовных наказаний находится в компетенции Министерства юстиции ФРГ и регламентируется Федеральным законом. Перед учреждениями, исполняющими наказания, законодатель поставил главную задачу – помочь осужденному жить в дружбе с законом после освобождения. Иными словами – поставлена задача его полной ресоциализации. Данной идее посвящены практически все статьи Уголовно-исполнительного кодекса ФРГ. Несмотря на то, что закон об исполнении уголовных наказаний един для всех земель ФРГ, А. Н. Добрынина отмечает, что условия для его реализации в каждой федеральной земле всё же различны. Одной из земель, добившейся наибольших успехов в деле ресоциализации осужденных к лишению свободы, является земля Северный Рейн-Вестфалия. Здесь проживает около 18 % населения всей Германии [6].

В связи с тем, что причины преступного поведения зависят от множества личностных и социальных факторов, для решения задачи ресоциализации преступников необходим к каждому из них дифференцированный, индивидуальный подход. А для этого требуются изучение личности и истории ее криминального развития, выяснение мотивов и факторов, препятствовавших ее законопослушному поведению, определение ее психологических особенностей. Полученные сведения должны стать исходной базой для реализации основной задачи исполнения наказаний, определенной Уголовно-исполнительным кодексом ФРГ.

С этой целью в земле Северный Рейн-Вестфалия создана психологическая служба, имеется специальная тюрьма-распределитель, являющаяся одновременно диагностическим центром. Поэтому все совершеннолетние, имеющие гражданство ФРГ, осужденные к лишению свободы на срок более двух лет, после вступления приговора в законную силу направляются в эту тюрьму [7].

Результаты работы с осужденным проявляются только после его освобождения. Лица, отбывшие длительный срок заключения, не всегда могут правильно ориентироваться на свободе. А если учитывать режимные ограничения в тюрьмах закрытого типа, зарегламентированность всей жизни и большие сроки наказания, то нормальное поведение и ориентация осуж-

денного в условиях свободы становятся проблематичными. Именно поэтому Уголовно-исполнительный кодекс ФРГ предусматривает возможность помещения осужденного в учреждение открытого типа, где он имеет возможность проявить больше самостоятельности и личной ответственности за свое поведение. Тюремь открытого типа отличаются от закрытых отсутствием ограждения (либо оно является чисто символическим).

Особой формой открытого содержания осужденных являются созданные так называемые «переходные дома». Исполнение наказаний в подобных учреждениях имеет целью помочь осужденным к длительным срокам заключения быстрее адаптироваться к жизни на свободе. Туда направляются за 6–12 месяцев до окончания срока такие осужденные, к которым может быть применено условно-досрочное освобождение. Общий срок лишения свободы у них должен быть не менее трех лет. Надзор за осужденными в этих тюрьмах ограничен периодическим контролем. Осужденные, как обычные граждане, могут работать на предприятиях либо учиться в школе или ПТУ. С помощью администрации учреждения работающие осужденные заключают с работодателем трудовой договор и получают заработную плату по полному тарифу. Однако они должны полностью оплачивать свое содержание в тюрьме и по мере возможности восполнять нанесенный пострадавшему ущерб [8].

Исполнение наказания во Франции отличается следующим: пенитенциарная система Франции является составной частью Министерства юстиции и непосредственно подчиняется административному органу, который называется Тюремная администрация.

Франция весьма осторожно (впрочем, как и большинство других европейских стран) применяет к своим гражданам такую меру наказания, как лишение свободы, и такую меру пресечения, как содержание под стражей, справедливо полагая, что в большинстве случаев изоляция человека вовсе не способствует его перевоспитанию или исправлению.

Оправданно широко во Франции применяются такие меры, как условное осуждение с испытательным сроком, общественно полезные работы, штрафы. Лица, приговоренные к альтернативным лишению свободы видам наказания, также находятся в ведении Тюремной администрации.

Средняя продолжительность содержания заключенного в местах лишения свободы во Франции составляет 8 месяцев (в России, по разным данным, 3–4 года), а в следственном изоляторе 4,2 месяца (в России – 9 месяцев). Во французских тюрьмах весьма широко используется условно-досрочное освобождение.

«Полусвободный режим» представляет собой что-то вроде

существовавшего у нас ранее условного освобождения с обязательным привлечением к труду. При этом виде режима осужденные являются в пенитенциарное учреждение только на ночевку. Днем же осужденный может работать, учиться или, при необходимости, проходить курс лечения.

Кроме того, если поведение осужденного не вызывает нареканий, он может воспользоваться льготой сокращения тюремного наказания на 3 месяца ежегодно, а если осужденный судим впервые, то на него распространяется и еще одна дополнительная льгота в виде ежегодного двухмесячного сокращения срока наказания. Таким образом, впервые осужденный при примерном поведении из двух назначенных ему лет лишения свободы реально отбывает только 14 месяцев лишения свободы без всякого условно-досрочного освобождения.

За состоянием здоровья французских заключенных следит общественная (не тюремная) больничная служба, которая организует всё медицинское обслуживание, включая соматическое и психиатрическое лечение, профилактику и подготовку врачебного наблюдения после освобождения. Пункты консультаций и амбулаторного лечения созданы в каждом учреждении. Кроме того, все заключенные, находящиеся во французских тюрьмах, социально застрахованы.

Во Франции контроль за деятельностью пенитенциарных учреждений осуществляют местные органы (специальная комиссия по надзору под председательством префекта), вышестоящие в порядке подчиненности тюремные органы, суды (в том числе Европейский суд по правам человека), комиссии высших административных органов, а также международные организации (например, Комитет по предотвращению пыток). Важная роль в осуществлении контроля принадлежит неправительственным организациям [9].

Подводя итог, можно сказать, что в развитых зарубежных странах система исполнения уголовных наказаний имеет тенденцию к введению альтернативных мер наказания. Несмотря на непрерывную критику, высказанную большинством престижных международных организаций и форумов, альтернативы непосредственному тюремному заключению, такие как штрафы, отсрочка тюремного заключения и probation, а также общественное порицание и различные формы общественно-полезных работ, стали во второй половине XX века частью системы уголовных наказаний в ряде европейских стран. За рубежом считают, что строгость режима при условном лишении свободы определяется в основном двумя факторами: вмешательством в личную жизнь, сопутствующим отсрочке, и продолжительностью периода probation. Они уверены, что жесткие

условия лишения свободы приводят к минимальной ресоциализация. Многие теоретики призывают и Россию следовать наиболее развитым стандартам в пенитенциарной сфере, ссылаясь на включение нашей страны в европейские процессы. Но на данном этапе развития пока этого нет, несмотря на то, что небольшие шаги в данной области уже начинают реализовываться. Таким образом, умеренная гуманизация системы наказаний в РФ необходима, однако всё же излишне гуманные методы не позволят привить уважение к закону из-за специфичной ментальности и нравственности российских граждан.

Библиографический список

1. Поздняков В. М. Пенитенциарные системы зарубежных стран. – М., 2000. – С. 157.
2. Трунцевский Ю. В. Международное пенитенциарное право. Российская академия юридических наук. – М. : Юрист, 2001. – С. 48.
3. Ушаков Н. А. Международное право : учебник / Ин-т государства и права РАН. – М. : Юрист, 2000. – С. 302.
4. Квашиш В. Смертная казнь в США // Российская юстиция. – 1996. – № 6. – С. 21.
5. Болатаев Д. Н. Применение и исполнение смертной казни в США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 24.
6. Добрынина А. Н. Основные вопросы уголовно-исполнительного права Германии: квалификационная работа. – СПб., 2002. – С. 75.
7. Власов И. С. Преступление и наказание в США, Франции, ФРГ. Общая часть уголовного права. – М. : Юрид. лит., 1991. – С. 523.
8. Марусин И. С. Международные уголовные судебные учреждения: судостроительство и судопроизводство. – СПб. : Изд-й Дом СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 224.
9. Голованова Н. А., Еремин В. Н., Игнатова М. А. Уголовно-исполнительное право зарубежных государств. Общая часть: США, Франция, ФРГ, Япония, Италия. – М. : Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2001. – С. 576.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

О. С. Казакова, Д. Б. Казанцева
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In this article the problem of the death penalty which is very actual now is considered. Characteristics of its application are analysed. Opinions of authors of rather this problem are studied and own point of view is formulated.

Key words: death penalty; capital punishment; crime; moratorium.

Проблема смертной казни является сложной и многогранной. На протяжении всего существования государств и на современном этапе вопрос о смертной казни был и остается актуальным. Актуальность обусловлена тем, что проблема смертной казни затрагивает политико-правовые, социально-экономические, нравственно-религиозные, культурно-психологические и другие сферы нашей жизнедеятельности.

Смертная казнь – одно из самых древних наказаний, известных уголовному праву России, существующее уже много веков. В течение этого времени многократно менялось отношение к этому наказанию – оно то применялось весьма широко, то отменялось вовсе. В России вопрос о применении смертной казни как высшей меры наказания до сих пор не решен и остается дискуссионным. Однако не следует переоценивать его значимость в современных мировых и российских условиях, что свойственно многим политикам, законодателям и ученым. Нынешний Президент Российской Федерации Владимир Путин совершенно верно заметил: «Дело не в ужесточении наказания, а в его неизбежности». Данный вопрос действительно не играет такой большой роли, которую ему обычно приписывают в современных условиях (у законодателей не стоит вопрос о том, казнить или не казнить, за воровство или изнасилование; спор лишь идет о том, казнить за особо тяжкие преступления или не казнить вообще) [1; 2].

С одной стороны, ст. 20 ч. 2 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину право на жизнь, но вместе с тем провозглашает, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни», что закреплено Уголовным кодексом РФ 1996 г. в отношении умышленного убийства человека и некоторых других особо тяжких посягательств на жизнь человека. Причем высшая мера наказания включена в систему наказаний, а не вынесена в отдельную статью, как раньше. Это означает то, что отброшена в

сторону формулировка «временная мера» и институт смертной казни рассматривается как действующий на постоянной основе.

С другой стороны, сегодня, когда человечество прошло определенные этапы общественно-экономического развития, оно поставлено перед необходимостью жить в условиях сотрудничества, свободы и доброжелательности. Идеи гуманности и справедливости проникают в общественное сознание и становятся фундаментом права, что закономерно приводит к отказу многих государств от применения смертной казни [3].

С введением моратория, начиная с 1997 г. вынесенные судами приговоры о смертной казни не исполнялись, а Конституционный Суд РФ своим постановлением от 2 февраля 1999 г. № 3-П запретил и назначение наказания в виде смертной казни до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, как того требует ст. 20 Конституции РФ.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: юридически смертная казнь как мера наказания существует в арсенале уголовно-правовых мер, но фактически применяться и назначаться не может.

На современном этапе истории нашей страны ситуация такова, что убийство стало обыденным, каждодневным преступлением и не способствует отказу от применения смертной казни как высшей меры наказания. Вследствии этого участились острые дебаты как органов законодательной и исполнительной власти, так и общества в целом по вопросу о применении смертной казни. И, казалось бы, решенный вопрос обретает новую жизнь, что еще раз доказывает актуальность проблемы смертной казни. Дискуссия на гамлетовскую тему «быть или не быть» тянется до настоящего времени, а именно «Нужна ли смертная казнь России?», «Является ли это наказание гуманным?», «Какие цели оно преследует?» [4].

Снятие моратория со смертной казни бессмысленно, – отметил В. Путин. – Такая постановка вопроса не решит проблему борьбы с преступностью. Позиция президента РФ в отношении смертной казни, мораторий на которую действует в стране уже много лет, давняя и последовательная и не поменялась до настоящего времени.

Большинство ученых посвящают свои работы исследованию проблемы смертной казни в рамках теории права и государства, социологии, уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии. Это такие ученые, как В. Е. Квашиш, С. Г. Келина, И. Я. Козаченко, С. И. Кузьмин, Б. М. Леонтьев, А. В. Малько, В. Б. Малинин, С. Ф. Милуков,

Г. М. Миньковский, А. С. Михлин, А. В. Наумов, Р. В. Нигматуллин, А. В. Орлов, В. Н. Петрашев, Э. Ф. Побегайло, А. И. Рарог, Д. Таланцев, В. Сидоров, К. Г. Лаидер, А. Д. Сахаров и мн. др.

Сложно не согласиться с Д. Таланцевым, который пишет: «Если же в какой цивилизованной стране смертная казнь и отменена, то, очевидно, просто потому, что заслуживающие ее преступления там не совершаются; что, в свою очередь, является просто следствием достаточно длительного исторического периода, когда смертная казнь неукоснительно применялась к злодеям. В России же такого периода не было: у нас людей часто казнили, но как раз вовсе не за те преступления, за которые они смертную казнь действительно заслуживали – казнили за "экономические" преступления, за "измену Родине", за принадлежность к "реакционному классу" и т. п. За преступления же против личности в России как раз наказания традиционно были относительно мягкими – и плоды этого мы сейчас пожинаем» [5].

Кандидат юридических наук В. Сидоров отмечает: «Законодателю следует четко определиться, что он видит в наказании и какие цели преследует, применяя его. Если признать, что есть категория «неисправимых» преступников, то смертная казнь, пожизненное лишение свободы и длительные сроки лишения свободы вполне закономерны и логичны (хотя морально и не обоснованы)... Если же признать, что нет «неисправимых» преступников, а есть «трудновоспитуемые», то из системы уголовных наказаний необходимо исключить пожизненное лишение свободы и смертную казнь. И тогда наказание – это принудительное ограничение прав и свобод... уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в наибольшей степени будут отвечать принципам гуманизма и демократизма» [6].

Один из аргументов против смертной казни, который приводит член РАН А. Д. Сахаров, следующий: «Всегда есть возможность судебных ошибок. Смертный приговор делает их непоправимыми... Наличие института смертной казни дегуманизирует общество» [7].

Как мы видим, вопрос о смертной казни остается открытым для обсуждения, несмотря на целый ряд приведенных аргументов как «за», так и «против». Ведь, действительно, наличие ошибок не является поводом к прекращению деятельности в целом, например, в медицине, где также существуют ошибки при диагнозе, ошибки в ходе операции, приводящие порой к смерти пациента и др., но ведь в данной деятельности об отказе от лечения и речи быть не может, и поэтому смертная казнь, может, всё же и не дегуманизирует общество, так как она не более чем войны, социальные конфликты и даже «простые» политические катаклизмы. Следует также рассматривать тот факт,

что часть народа почти любой страны высказывается за сохранение смертной казни.

Есть предположения сохранить смертную казнь лишь частично – за измену Родине, террористические акты, диверсию и умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Так, О. Ф. Шишов отмечает: «Относясь в принципе отрицательно к смертной казни, я полагаю, что сейчас отмена ее за все преступления была бы несколько преждевременной, ибо общественное мнение, с которым нельзя не считаться, не подготовлено к такой отмене» [8].

Смертная казнь, безусловно, является сдерживающим фактором, ограничением. И с этой точки зрения ее можно рассматривать как средство защиты общества. Так, С. В. Познышев считал, что наказание имеет только одну цель – предупреждение преступлений, которое возможно в форме физического удержания (для преступников) или психического противодействия преступлению (для других членов общества). Учитывая, что наше общество еще не готово оказать должного противодействия ввиду еще не сформировавшейся общей нравственности и национального самосознания, ввиду неуверенности в стране, в народе и самом себе, отменять смертную казнь, по его мнению, нецелесообразно [9].

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что действительно в современной России, уставшей от ожидания позитивных результатов реформ, большинство населения еще далеко от понимания подлинной демократии, и поэтому оно убеждено, что без жестокости нельзя справиться с преступностью. К тому же редкая в цивилизованном мире степень незащищенности граждан сопровождается всё большей отчужденностью от системы правосудия. Поэтому можно предположить, что ни в психологическом, ни в культурном отношении российское общество к отмене смертной казни пока не готово. Ведь замена смертной казни – пожизненное заключение, но для этого необходимы места для осужденных, а с ними как раз в нашей стране проблемы. Всё же, как показывает история, такая мера наказания скорее необходима, нежели нет. Государство, имея в арсенале данный вид наказания, может им пользоваться, – и крайне редко, заменяя его пожизненным заключением, но бывают такие случаи, когда любой гуманист и почти любой противник казни скажет, что этот человек не достоин жить. Дело здесь не столько в наказании (наказаниями преступность не устранишь, ими ее лишь в определенной степени сдержишь), сколько в устранении источников зла, в исправлении той ужасающей обстановки, которая сложилась в российском обществе.

Таким образом, государству пора взяться за выполнение тех принципов, которые заложены в Конституции 1993 года.

Библиографический список

1. Борсученко С. Смертная казнь в России: вопрос открыт // Законность. – 2009. – № 7.
2. Квашиш В. Е. Смертная казнь в современном мире: глобальные тенденции и перспективы. – М. : ЮРАЙТ, 2008.
3. Андреева В. Н. Проблемы назначения наказания в виде смертной казни и пожизненного лишения свободы // Российский следователь. – 2001. – № 6.
4. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. – М., 2002. – С. 439.
5. Шергенг Н. А., Лобода О. В. Дискуссионный вопрос: смертная казнь в современной России // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 1 – С. 40–41.
6. Сидоров В. Кого исправляет смертная казнь // Российская юстиция. – 1999. – № 7.
7. Сахаров А. Д. Письмо в организационный комитет по проблеме смертной казни. URL: <http://www.Sakharov-center.ru/asfed/auth>
8. Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории Советского государства // Смертная казнь. За и против. – М., 1989. – С. 130.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РФ)

З. О. Цораев

**Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания, Россия**

Summary. This article describes the problem of death penalty attachment in Russian Federation's law system. Death penalty issue is very widely discussed in our society. I have chosen this topic because I find it very interesting.

Key words: Death penalty; human; life.

Проблема защиты прав человека во внутригосударственном и международном праве приобретает всё большее значение. Важнейшим правом человека, без реализации которого бессмысленно говорить обо всех других правах, является право на жизнь. Одним из наиболее сложных и противоречивых элементов права на жизнь является проблема смертной казни. Право на жизнь представляет собой абсолютную ценность мировой цивилизации, образует первооснову всех других прав и свобод, складывающихся в этой сфере, ибо все остальные права утрачивают смысл в случае гибели человека. В современном мире большинство государств уже либо законодательно, либо фактически отменили смертную казнь. Всё более укрепляется и

развивается тенденция, в соответствии с которой ежегодно два – три государства отменяют этот вид наказания.

Проанализируем последовательно правовые и социальные аспекты применения смертной казни в России. Что касается правовой возможности реализации данного вида наказания, то огромную роль в процессе отмены и ограничения смертной казни играет международное право. В настоящее время целый ряд универсальных и региональных международных договоров регулирует ограничение и отмену смертной казни.

Так, Всеобщая Декларация прав человека ООН от 1948 года построена на основополагающем принципе, согласно которому в основе прав человека лежит достоинство, присущее каждому человеку. Этого достоинства, а также вытекающего из него права на свободу и равенство, не может быть лишён никто. Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Хотя Декларация не обладает силой международного договора, обязательного для исполнения, она получила всеобщее признание [1]. Многие государства включили ссылки на Декларацию или её положения в свои основные законы или конституции. Не стала исключением и РФ. Многие пакты, конвенции и договоры по вопросам прав человека, заключённые после 1948 года, основываются на её принципах.

Статья 20 Конституции РФ также гласит: каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

16 мая 1996 года Президент РФ Б. Н. Ельцин в соответствии с рекомендациями Парламентской Ассамблеи Совета Европы подписал указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением РФ в Совет Европы».

И уже в 1997 году Россия подписала (хотя и не ратифицировала) Протокол № 26 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который гласит: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорён к смертной казни или казнён. Отступления от положений настоящего Протокола не допускаются».

Теперь, что касается Конституционного Суда РФ. В постановлении Конституционного суда РФ от 02.02.1999 № 3-П по вопросу применения смертной казни в РФ отмечается, что каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, в любом случае должно быть ре-

ально обеспечено право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

С момента вступления в силу данного Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории РФ каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трёх профессиональных судей или судом с участием присяжных заседателей.

Осенью 2009 года вновь внимание общественности было приковано к вопросу смертной казни. В связи с тем, что с 1 января 2010 года суды присяжных стали функционировать в Чеченской Республике, последнем субъекте РФ, где они не были введены, Верховный суд РФ обратился с запросом о разъяснении Постановления 1999 года по вопросу применения смертной казни в РФ. В своём определении от 19.11.2009 года №21344 Конституционный Суд РФ определил следующее: назначение смертной казни в России невозможно. В качестве аргумента прозвучало следующее утверждение: в течение 10 лет в Российской Федерации действует комплексный мораторий на смертную казнь. За это время сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер и рассчитанной лишь на некоторый переходный период. Поэтому введение 1 января 2010 года суда присяжных на всей территории Российской Федерации не создаёт возможность назначения смертной казни.

Кроме того РФ с 1986 года участвует ещё и в Венской конвенции «О праве международных договоров», которая запрещает предпринимать какие-либо действия, лишающие протокол №6 его объекта и цели.

Эти, а также многие другие обязательства перед мировым сообществом не позволяют вновь приговаривать к высшей мере наказания и применять ее.

Не менее важным представляется изучить социальную сторону применения смертной казни в России.

Дискуссии о необходимости отмены или введения смертной казни возникают в обществе периодически и свидетельствуют о смягчении или ужесточении нравов.

Аргументов у сторонников смертной казни немало! Один из них заключается в том, что страх смерти будто бы удержит злодея от совершения преступления. Однако опыт разных стран свидетельствует, что страх смертной казни не снижает уровень преступности. Угроза смерти не остановит человека, решившего отомстить преступнику за убийство близкого человека!

Это самый сложный вопрос – о соразмерности наказания и преступления. Можно ввести смертную казнь хоть за все преступления, количество их не уменьшится! Смертная казнь не уменьшает преступность – это научно обоснованный ФАКТ!

Проблема не в преступниках, а в том, что их порождает.

Гораздо эффективнее заниматься предотвращением преступлений. Правильнее бороться не с последствиями, а с причинами преступности – не «косить сорняки», а выкорчёвывать «корни»!

С другой стороны, добросовестные налогоплательщики не хотят, чтобы преступник жил и существовал за их счёт. Но кто вам сказал, что процедура смертной казни и приведение приговора в силу обойдётся дешевле, чем пожизненное заключение? Следует отметить, что приговорённые к смертной казни лица подают апелляции, а защищать их приходится государственным адвокатам, которым платят из казны. Немало денег уходит на охрану смертников и содержание места, где происходят казни. Возьмём, к примеру, США, где целый ряд штатов отказался от смертной казни ввиду экономического кризиса. Активисты подсчитали, что содержание человека в камере смертников на 70% дороже, чем в обычной – если пожизненное содержание преступника за решёткой стоит около \$740 тыс., то смертный приговор может обойтись штату в \$1,26 млн [2].

Согласно опросам общественного мнения, три четверти (74 %) россиян полагают вынесение смертных приговоров преступникам в принципе допустимым – в противовес 15 % респондентов, считающих такую меру наказания недопустимой [3]. Интересно, а задумывается ли кто-нибудь над тем, что представляет из себя государство? А ведь государство – это мы: это я, это вы, это общество в целом! Государство лишь инструмент в руках народа, инструмент, через который мы осуществляем свою власть! Значит, лишая жизни человека, мы все причастны к его убийству!

Можно посмотреть и с другой стороны. Убитые горем родители, родственники всегда желают лишь одного: чтобы преступник(и) понёс(ли) самое суровое наказание. Но является ли смертный приговор самым суровым видом наказания? Думается, гораздо более действенным способом, чем смертная казнь, является пожизненное заключение. Оно переносится куда более

тяжело! Вечная жизнь в тюрьме, где человек и мечтать не может о простых быденных вещах! Бессмертная казнь – вот более суровое наказание!!!

Многочисленные психологические эксперименты доказывают, что при определённых условиях каждый человек может стать злодеем и преступником.

Так, знаменитый эксперимент «Стэнфордская тюрьма», проведённый в 1971 году американским психологом Филиппом Зимбардо, доказал, что жёсткие социальные роли заключённых и тюремщиков могут превратить совершенно нормальных людей в садистов и палачей. 24 добровольца разделили на тюремщиков и заключённых, которые должны были выполнять свои роли. Через 6 дней Зимбардо прекратил свой рассчитанный на две недели эксперимент, потому что ситуация вышла из-под контроля – «тюремщики» немотивированно жестоко избивали своих ещё недавних друзей-студентов, которые, будучи в роли «заключённых», нарушали правила тюремного распорядка [4].

Приводя смертный приговор в силу, мы тем самым лишаем приговорённого шанса на раскаяние, шанса, который даётся каждому человеку. Смертная казнь это не наказание (потому что наказание предполагает исправление), это узаконенное убийство. Если человека казнят, то исправить уже ничего будет нельзя.

Надоне убивать преступников, а заниматься предотвращением преступлений, искоренять причины преступности.

Что ж, и в заключение хочется вспомнить слова известного русского учёного, профессора А. Кистяковского, который писал: «Почти все приверженцы смертной казни защищают её не в принципе, а ради временной её необходимости и полезности, ради того, что общество еще не доросло до её отмены» [4].

Библиографический список

1. URL: <http://WINW.un.org/.../humanrts/dec48-98htm>
2. Финанс-Лайт. URL: <http://NewSru.com>
3. Rumbler-Новости [Электронный ресурс].
4. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1136556>

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ С ОВД, ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И РОДСТВЕННИКАМИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЁННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

С. А. Канаева

**Амурский государственный университет,
г. Благовещенск**

**ФКУ ИК-3 УФСИН России по Амурской области,
с. Среднебелая, Амурская область, Россия**

Summary. In article are considered problems to organizations of the interaction corrective institutions with different organ, organization and relative convicted in process of preparation them to liberation. They Are Given general requirements, presented to organizations of the interaction corrective institutions with organ of the internal deals, organ of the local home rule and relative convicted. The Considered tacticians of the work with organ of the internal deals, organ of the local home rule and relative convicted.

Key words: The Organization of the interaction; the subjects of the interaction; preparation convicted to liberation, her(its) problems, purposes and problems; the forms and methods of collaboration.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы социальная работа с осуждёнными является приоритетным направлением деятельности исправительных учреждений. Важную роль в работе сотрудника группы социальной защиты осуждённых исправительного учреждения играет оказание эффективной помощи лицам, у которых срок наказания подходит к концу. В современной пенитенциарной работе при подготовке осуждённых к освобождению значительное внимание уделяется организации взаимодействия исправительного учреждения с органами внутренних дел, органами местного самоуправления и родственниками осуждённых с целью подготовки их к освобождению. Это процесс формирования, поддержки и развития субъектов совместной деятельности, направленный на обеспечение успешной ресоциализации после освобождения осуждённых и их постпенитенциарной адаптации. Данное взаимодействие необходимо, потому что положительный аспект подготовки осуждённых к жизни на свободе в значительной степени зависит не только от успешной работы сотрудников колонии, но и от участия органов государственной власти, органов внутренних дел и родственников осуждённых. Организация взаимодействия – важнейший элемент, условие и этап управления процессом исправления и ресоциализации осуждённых, создающих предпосылки для формирования но-

вой личности, возвращающейся полноценным членом нашего общества.

Актуальность затронутой проблемы определяется также тем, что эта деятельность включает в себя систему мероприятий по предварительному решению вопросов именно бытового устройства лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, восстановление и развитие социально-полезных связей как возведение фундамента их новой жизни на свободе. Анализ практики деятельности уголовно-исполнительной системы показывает, что в вопросах организации взаимодействия исправительных учреждений с органами местного самоуправления, органами внутренних дел и родственниками осуждённых имеются определённые проблемы, негативно влияющие на состояние преступности и уровень её рецидива. Исходя из практического опыта, можно сделать вывод, что данное взаимодействие – наиболее хрупкое звено во всей работе по подготовке осуждённых к жизни на свободе. Если при осуществлении сотрудничества с центром занятости населения, предприятиями и организациями количество получаемых ответов составляют 90–95 % от количества направленных запросов, то при направлении запросов в органы местного самоуправления, органы внутренних дел и родственникам осуждённых количество получаемых ответов не превышает 30 %. Эмпирический опыт показывает, что в ходе организации совместной работы необходимо использовать разнообразные формы взаимодействия: обмен информацией, проведение в колонии совместных мероприятий, таких как «родительский день», «день отряда», проведение встреч, вечеров вопросов и ответов, проведение лекций и консультаций.

Общие требования, предъявляемые к организации взаимодействия исправительного учреждения с органами внутренних дел, органами местного самоуправления и родственниками осуждённых, включают в себя:

- наличие соглашений, договоров, программ о сотрудничестве и взаимодействии;
- открытость, законность;
- обоюдная заинтересованность субъектов;
- реализация профессиональных обязанностей;
- подготовка совместных планов и отчётов о проделанной работе;
- недопущение работы с родственниками, которые могут оказать на осуждённых негативное воздействие: алкоголизм, наркомания бродяжничество, продолжение преступной деятельности.

Органы внутренних дел играют наиболее важную роль в совместной деятельности с исправительным учреждением. Ме-

ханизмами успешной подготовкой осуждённых к освобождению могут являться:

- привлечение сотрудников органов внутренних дел к проведению занятий в «Школе по подготовке к освобождению»;
- правовое информирование и консультирование;
- восстановление утраченных и новых социально полезных связей, возможность совместного проживания (хотя бы в первые месяцы после освобождения);
- выяснение возможности проживания освобождающегося по указанным адресам.

Приоритетными формами взаимодействия исправительно-го учреждения с органами местного самоуправления могут быть:

- мониторинг прав осуждённых;
- противодействие возрастанию криминальной субкультуры в обществе;
- восстановление, поддержание и развитие социально полезных связей осуждённых;
- правовое просвещение осуждённых;
- оказание осуждённым различных видов помощи по удовлетворению ими основных законных интересов;
- организация трудовой деятельности и досуга;
- содействие в обеспечении прав осуждённых на свободу совести и вероисповедания;
- участие в культурном и нравственно-эстетическом воспитании осуждённых;
- вовлечение общественных и благотворительных организаций в работу по оказанию различных видов помощи осуждённым.

Родственники осуждённых – наиболее заинтересованная категория. И это понятно, освободившись, человек будет проживать бок о бок с этими людьми, и хотелось бы, чтобы освободившийся близкий человек не внёс в родной дом часть криминальной субкультуры. Насколько удачно сложится судьба освободившегося родственника, зависит и от них. Осуждённый должен быть уверен, что ему есть, куда ехать, где жить, что его ждут дома, что в семье благоприятный микроклимат и рады его возвращению. Всё это позволит ускорить процесс постпенитенциарной адаптации и ресоциализации. Для достижения этого сотрудникам группы социальной защиты осуждённых исправительного учреждения необходимо:

- войти в контакт с родственниками с целью выяснения их взаимоотношений и возможности проживания освобождающегося;
- провести оценку семейного потенциала с уточнением микросреды;

– содействовать формированию позитивных установок на отношения в семье, с родственниками, на взаимопомощь, поддержку, заботу, защиту.

Для реализации данных задач необходимо провести определённую работу:

– подготовить и отправить письма родственникам с изложением актуальных проблем осуждённого, с целью получения информации от родственников об отношении к вопросу возвращения родственника в семью для дальнейшего совместного проживания;

– организовать встречу с родственниками, прибывающими на короткие и длительные свидания, провести беседы по вопросам предстоящего освобождения их родственника, выяснить возможности совместного проживания, оказания помощи по выходу из трудной жизненной ситуации, если таковая имеется;

– пригласить родственников для участия в мероприятиях, проводимых в колонии (концерты, встречи, «день отряда», «родительский день»);

– организовать встречи освобождающихся с родственниками для дальнейшего их сопровождения к месту жительства.

Процесс взаимодействия исправительного учреждения с органами внутренних дел, органами местного самоуправления и родственниками может быть успешным только при соблюдении основных правил: правильное планирование своей работы, соблюдение технологии, взаимопонимание между сторонами.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (12.12.1993 г.).
2. Европейские пенитенциарные правила. Рекомендация Rec(2006)2 Комитета министров Совета Европы к государствам-членам.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (08.01.1997 г.).
4. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : федер. закон РФ от 21 июля 1993 г. № 1095-1.
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : постановление правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р.
6. О свободе совести и религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ.
7. Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста РФ от 30 декабря 2005 г. № 262.
8. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 (с изменениями от 8 сентября 2006 г.)
9. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : федер. закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРАВОВАЯ ПООЩРИТЕЛЬНАЯ НОРМА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

А. Н. Ивченко

**Слушатель Академии Управления МВД РФ,
г. Москва, Россия**

Summary. This article discusses promotion as a method of criminal law, as an incentive to the correction of positive behaviors. In addition, the author's concept of incentive criminal legal regulation. Analyzes the three-part structure incentive criminal legal regulation as the most logical.

Key words: promotion; crime; incentive; punishment.

Определив общетеоретические проблемы поощрения как позитивного стимула, можно сказать, что перед уголовно-правовой наукой на сегодняшний момент стоят те же самые проблемы.

Ранее, говоря о преступлении, имелось в виду, прежде всего наказание; в последнее время учёными уделяется всё больше внимания исправлению и перевоспитанию лица, совершившего преступление, т. е. целям позитивного воздействия. А это, в свою очередь, привело их к такому методу уголовно-правового воздействия, как поощрение.

На наш взгляд, кроме поощрения, основным методом в уголовном праве можно считать принуждение, которое применяется к лицам, переступившим грань дозволенного. Но тут возникает вопрос: а разве поощрение применяется не к лицам, преступившим эту же грань? Да, безусловно, но только к тем из них, кто испытывает раскаяние и пытается вернуться к честной жизни, предпринимая все возможные для этого действия. В этом-то и состоит смысл уголовного права как такового: без принуждения оно перестаёт быть уголовным, а без поощрения немислимо воспитание граждан в духе уважения законности [10, 83–84].

А что же такое, в принципе, уголовно-правовое поощрение? Это – стимул коррекции поведения, причём, поведения позитивного. Это очень сильный и эффективный стимул, поскольку только он может подвигнуть человека на исправление. При этом он (человек) заранее знает, что его ждёт при достижении определённого результата: поощрение всегда выражается в предоставлении человеку дополнительных материальных и духовных благ и льгот, а он, в свою очередь, совершает действия, выгодные государству и обществу [8, с. 17].

В уголовном праве на основе поощрительных норм возникают специфические правоотношения: юридические факты находятся в прямой связи с преступлением, при этом одно и то же лицо совершает и преступные действия и действия, вызывающие поощрительные уголовные правоотношения (например, примирение с потерпевшим).

Можно сказать, что такое понятие, как «поощрительные нормы» появилось на страницах юридической печати относительно недавно, поэтому до сих пор мнения среди учёных по некоторым аспектам данной проблемы расходятся. Некоторые [2, с. 128] считают поощрительные нормы разновидностью норм права, некоторые [1, с. 59] признают их существование в принципе, но отрицают их как единую группу.

Поощрительная уголовно-правовая норма – это определённое правило поведения, при соблюдении которого, в связи с социально одобряемым поведением лица, смягчается или устраняется уголовно-правовое обременение, которое может выступать, в числе прочего, в виде обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности. Указанные нормы направлены, в основном, но не только, на достижение частной превенции, имея и общепреventивное воздействие: несовершение преступлений, противодействие преступным посягательствам иных лиц, уважение закона, устранение ущерба, нанесённого преступлением и пр.

Вопросы о структуре правовой нормы вообще и о её элементах, в частности, привлекали внимание правоведов за несколько столетий до наших дней [3, с. 337]. Сегодня традиционно считается (хотя высказывается множество мнений как «за», так и «против» такой классификации), что юридическая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Это следует признать рациональным, хотя и не бесспорным: часто структура сводится лишь к двум элементам – диспозиция и санкция, либо гипотеза и диспозиция.

Некоторые считают, что поощрительная норма содержит в себе два элемента: гипотезу – указание на вид поощряемого поведения, и диспозицию, которая обязывает либо управомочивает определенный орган применить поощрение [5, с. 93]. Другие высказывают мнение, что поощрительные нормы состоят из гипотезы, диспозиции (указание на те действия, которые поощряются), поощрения (самостоятельный элемент нормы) и санкции. Причём последняя, по нашему мнению, прямо не формулируется, хотя и предполагается в виде ответственности за неприменение поощрения [7, с. 20].

Не вдаваясь подробно в освещение этого вопроса, отметим лишь, что, на наш взгляд, трёхчленная структура поощрительной уголовно-правовой нормы наиболее логична, а ниже коротко рассмотрим поощрительные нормы Общей и Особенной частей УК РФ.

Поощрительные нормы Общей части УК РФ носят и обязывающий и управомочивающий характер, поскольку предписывают правоохранительным органам руководствоваться содержащимися в них постановлениями.

К поощрительным нормам Общей части УК РФ относятся:

- добровольный отказ от преступления (ст.31);
- обстоятельства, исключающие преступность деяния (ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 39, ч. 1 ст. 41, ч. 1 и 2 ст. 42);
- обстоятельства, смягчающие наказание (п.п. «и», «к» ст. 61);
- институт условного осуждения (ст. 73);
- отмена условного осуждения или продление испытательного срока (ч.1 ст. 74);
- освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч.1 ст.75);
- освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст.76);
- условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ч. 1 и 5 ст.79);
- замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч.1 ст.80);
- снятие судимости (ч. 5 ст. 86) [11].

Поощрительные нормы встречаются в следующих статьях Особенной части УК РФ:

- похищение человека (ст. 126);
- коммерческий подкуп (ст. 204);
- терроризм (ст. 205);
- захват заложника (ст. 206);
- организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём (ст. 208);
- незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222);
- незаконное изготовление оружия (ст. 223);
- незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228);
- государственная измена (ст. 275);
- шпионаж (ст. 276);

- насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278);
- заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307) [6, 51] и многие другие.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. – М. : Юридическая литература, 2010. – Т.2. – С. 59.
2. Баранов В. М. Поощрительные нормы уголовного права. – Саратов : Саратовский государственный университет, 2011. – С. 128.
3. Блэкстон Г. Истолкования англинскихъ законовъ г. Блэкстона, переведенныя по всевысоч. повелѣнію великой законодательницы Всероссийской: в 3 х кн. – М. : Кн. из-во Меренкова П. П., 1780. – Кн.1. – С. 337.
4. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. – М., 1915. – С. 33–38.
5. Галкин В. М. Система поощрений в уголовном праве // Государство и право. – 2012. – № 12. – С. 93.
6. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / отв. редактор А. И. Рарог. – М. : Юридическая литература, 2009. – С. 51, 64, 67, 69, 74, 77, 104, 116, 118, 121, 123, 127, 130, 144, 197, 365, 368, 373, 375, 395, 397, 403, 475, 477, 480, 540.
7. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. – М. : Ось-89, 2011. – С. 20, 25.
8. Ларин А. М. Юридическая конфликтология – новое направление в науке // Государство и право. – 2012. – № 4. – С. 17.
9. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. – СПб., 1867. – С. 143.
10. Пашин С. Понимание преступления // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 83–84.
11. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 5 апреля 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996 г. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПООЩРЕНИЯ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

О. В. Левашова

**Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия**

Summary. The article considers the issues of application of encouraging norms of the special part of the criminal code. Disclosed comment to article 205 (terrorism). Proposals on improvement of legislation.

Key words: promotion in criminal law; release from criminal liability and punishment; terrorist act.

Современное состояние преступности в России характеризуется крайне негативными количественными и качественными

тенденциями. Её высокий уровень (с начала девяностых годов двадцатого столетия) продолжает сохраняться, более того, наблюдается отчётливый сдвиг в сторону организованности, профессионализма, вооружённости преступности. В последние годы в России регистрируется рост преступности. Поэтому противодействие преступности является важнейшей государственной задачей, для решения которой необходимо повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, дальнейшее совершенствование уголовного законодательства, в том числе, правового стимулирования позитивного поведения граждан после совершения преступления, существенным образом сглаживающего содеянное и его последствия.

Отечественные учёные, законодатели и правоприменители предлагают различные варианты решения поставленной задачи в отношении лиц, совершивших преступления впервые, небольшой или средней тяжести, в несовершеннолетнем возрасте, по неосторожности и т. д. Всё большее значение в карательном механизме государства приобретает понятие поощрения – альтернативного способа решения проблемы реализации ответственности в правовом государстве. Цель поощрения должна иметь позитивное содержание, т. е. лицо, своим поведением должно доказать, что оно имеет право на применение данной нормы и заслуживает поощрения.

Содержанием данной уголовно-правовой категории являются законодательно закреплённые правила – основания и условия освобождения от уголовной ответственности, которые представляют собой совокупность, по существу, поощрительных уголовно-правовых норм, применяющихся в случаях, когда нет необходимости прибегать к мерам репрессивного характера. Осуществляя последовательную сбалансированную правотворческую и правоприменительную политику в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах проявления институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, можно плодотворнее противостоять преступности.

С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. отечественный законодатель впервые попытался свести нормы об освобождении от уголовной ответственности в отдельную главу. Однако система этих норм до сих пор не имеет чётких критериев построения и развёрнутого теоретического обоснования. Возможно, поэтому некоторые из нормативных оснований освобождения от уголовной ответственности по воле законодателя вдруг исчезли из уголовного закона либо превратились в основания освобождения от уголовного наказания.

Практически всеми цивилизованными демократическими государствами за соответствующими компетентными органами

признаётся право решать, осуществлять уголовное преследование конкретных лиц или освободить их от уголовной ответственности [1].

При применении того или иного вида освобождения от уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление, государство (в лице правоохранительных органов и суда), тем самым, оказывает ему доверие, по сути, проявляет милосердие и прощение, заменяя уголовную ответственность и возможное наказание (как самое неблагоприятное последствие для лица, совершившего преступление, и максимально жесткое карательное на него воздействие), принципиально иным – поощрительным воздействием, также направленным на исправление виновного, предупреждение совершения новых преступлений, и являющимся правовым стимулом для его положительного поведения после совершения преступления.

Казалось бы, законодатель сделал всё, чтобы лица, впервые совершившие преступное деяние при наличии определённых условий смогли избежать уголовного наказания. Но так ли это хорошо и необходимо? И следует вводить специальные нормы об освобождении от уголовной ответственности в нормы Особенной части УК РФ?

Так, в примечании к ст. 205 УК РФ указано, что лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления или к ст. 206 УК РФ – лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Обстоятельства их совершения таковы, что эти преступления могут нанести непоправимый вред в виде гибели людей, возможно, с большим числом жертв, причинения тяжкого вреда их здоровью, крупного имущественного ущерба.

По нашему мнению, такое согласие законодателя поощрить предупреждение акта терроризма объясняется особой опасностью этого преступного посягательства, в основе которого лежит стремление субъекта запугать граждан, нанести им непоправимый ущерб, в том числе жизни и здоровью, парализовать социально полезную деятельность населения, нормальное функционирование органов власти и управления.

Считаем, что применение нормы об освобождении от уголовной ответственности должно быть обусловлено соблюдением дополнительных требований.

Во-первых, освобождение потерпевшего должно быть произведено без предъявления каких-либо требований или же требования были предъявлены, но виновный освободил потерпевшего до их выполнения. Удержание заложника после удовлетворения предъявленных требований утрачивает всякий смысл, и тогда освобождение потерпевшего не может быть воспринято как положительный поступок, свидетельствующий о желании виновного прийти к компромиссу с государством.

Во-вторых, субъект должен освободить потерпевшего в краткий период времени с момента похищения, в крайнем случае, через 3–4 суток, так как после этого возникают обстоятельства, указывающие на причинение потерпевшему иного вреда, вытекающие из факта незаконного удержания (моральное и физическое давление, условия содержания и др.). Отсутствие в примечании временных рамок возможности положительных действий со стороны виновного, которые будут рассмотрены властями как шаг к компромиссному решению вопроса, не полностью отражает пределы возможных уступок со стороны государства.

То, что в соответствии с примечанием к ст. 206 виновный должен быть освобождён от уголовной ответственности не только при условии добровольного самостоятельного решения об освобождении заложника, но и в случае, когда потерпевший был освобождён по требованию властей, обусловлено особенностями совершения захвата заложника. В отличие от похищения человека, где всё происходит в большинстве случаев тайно, без намерения извещать официальные органы, при захвате заложника не скрываются ни действия, ни мотивы, ни цель совершения такого преступления. Напротив, как правило, такая акция носит показательный характер, цель которой получить какие-либо выгоды, будь то материальные или преследующие удовлетворение требований политического, идеологического, религиозного характера. Например, при захвате заложников 23 октября 2002 г. во время просмотра мюзикла «Норд-Ост» в Москве террористы в качестве условия освобождения заложников потребовали от властей удовлетворения требований политического характера, иначе они угрожали взорвать здание вместе с находящимися там людьми.

В подобных случаях правоохранительным органам известно лицо (группа лиц), совершившее преступление, которому можно предложить компромиссное разрешение ситуации при выполнении им определённых условий (освобождение заложника) в обмен на освобождение от уголовной ответственности.

Возможность применения данного вида освобождения от уголовной ответственности заканчивается с момента, когда виновный в результате действия специальных уполномоченных

органов вынужден освободить заложника, прекратить свои преступные действия.

Следует согласиться с А. Х. Хамагановой, которая указывает на то, что общество столкнулось с новой, набирающей силу угрозой нормальному существованию и развитию. Основным средством борьбы с терроризмом является закон. Уголовный кодекс России должен соответствовать не только реалиям, но в первую очередь международному праву, поскольку терроризм давно перешагнул национальные границы отдельных государств. Именно на это направлены внесенные в Уголовный кодекс изменения и дополнения [2].

Вместе с тем необходимо отметить значение института освобождения от уголовной ответственности. Здесь не приходится говорить о борьбе с терроризмом как с явлением, но признание компромисса со стороны государства возможным и в этом случае сыграет существенную роль в предотвращении последствий террористических актов. Ведь жизнь людей, граждан государства имеет большую ценность, чем политическая программа или отдельное направление государственной политики (в частности, бескомпромиссная борьба с терроризмом). В каждом конкретном случае террористического акта главной целью становится предотвращение опасных последствий, спасение жизней граждан, попавших под удар терроризма.

Процесс развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, к сожалению, не всегда в полной мере отвечает достижению поставленных перед ними целей, потребностям правоприменительной деятельности. Несмотря на интенсивную модификацию законодательных положений об освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного преследования, уголовных дел, остаются вопросы, связанные со следственно-судебным толкованием и применением соответствующих статей УК РФ и УПК РФ, не сложилось единообразной практики прекращения преследования дел по данным основаниям. Практически каждый сотый осуждённый в России был освобождён от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию за ранее совершённое преступление. Увеличение количества этих лиц связано с периодами либерализации, «гуманизации» уголовного законодательства и практики его применения. Большая часть данных лиц вновь совершили корыстные преступления против собственности. За время действия УК РФ более половины лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, были осуждены за вновь совершенные ими преступления, причём тяжкие и/или особо тяжкие.

Таким образом, применение оснований освобождения от уголовной ответственности может проявиться в фальсификации уровня уголовно-правового рецидива лиц, совершивших новые умышленные преступления, поскольку при определении последнего не учитываются умышленные преступления, в связи с которыми виновные лица освобождались от уголовной ответственности. Фактически повторное преступное поведение наличествует, в то время как юридически его нет. По сути, состоявшееся ранее освобождение от уголовной ответственности является обстоятельством, не позволяющим ужесточить наказание за совершение нового умышленного преступления.

Библиографический список

1. Кириллова Н. П. Освобождение от уголовной ответственности в законодательствах зарубежных государств // Закон. – 2011. – №1.
2. Хамаганова А. Х. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера // Адвокат. – 2003.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Л. М. Буслаева

**Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Россия**

Summary. The article is devoted to a problem of branch independence of the international investment law as regulator of the international economic relations, the principles, problems of formation and development of sources of the international investment law are considered.

Key words: the principles of the international investment law; legal communication between the states; the international economic relations.

Выделение международного инвестиционного права как самостоятельной отрасли международного экономического права основано на наличии критериев, которые общеприняты теорией и практикой современного международного права при разработке новых отраслей, подотраслей и институтов. Система международного инвестиционного права охватывает различные институты, принципы, нормы и правила в сфере правового режима иностранных инвестиций. Однако говорить о формировании глобального инвестиционного права, действующего по универсальным юридическим принципам и нормам, пока рано [4, с. 44].

Источники международного инвестиционного права имеют свою определённую специфику, которая выражается в гармоничном сочетании и взаимодействии конвенционных норм с нормами «мягкого права», которые имеют рекомендательный характер. Международно-правовой анализ международных двусторонних, региональных и многосторонних договоров, регулирующих иностранные инвестиции, показывает, что они направлены на консолидацию системы международного инвестиционного права. Хотя самостоятельность инвестиционного права как совокупности принципов, норм и правил, регулирующих иностранную инвестиционную деятельность на территории принимающего государства, была обоснована А. Г. Богатыревым впервые в начале 90-х годов. [1, с. 25–35], прошло немало лет, прежде чем эта концепция нашла более или менее общую поддержку. Количество норм и институтов, непосредственно относящихся к этой области, стало достаточно значительным. Такого же мнения придерживается и В. М. Шумилов, обозначая инвестиционное право наряду, например, с международным торговым правом, международным финансовым правом как отрасль международного экономического права [5, с. 59]. Основываясь на современных достижениях теории и практики международного права, данный вопрос несколько по-иному исследовал Г. М. Вельяминов. Международное инвестиционное право, по его мнению, занимает место в таком разделе международного экономического права, как международное имущественное право [3, с. 49].

Несмотря на значительный опыт, накопленный в сфере правового регулирования иностранных инвестиций, до сих пор отсутствует надлежащий механизм соответствующего международно-правового регулирования. Это, как справедливо считает И. З. Фархутдинов, объясняется в какой-то мере слабой разработанностью темы. Здесь может помочь комплексный аналитический подход к исследованиям в рамках вновь выделенной отрасли в системе международного публичного права и системе международного частного права [4, с. 59].

В научной литературе уже предпринимались попытки обоснования особого международного инвестиционного права. Первый фундаментальный труд по проблемам международно-правового регулирования иностранных инвестиций принадлежит перу известного английского ученого Джорджа Шварценбергера, который опубликовал в 1969 г. в Лондоне монографию «Иностранные инвестиции и международное право», где автор не стал выделять специальное международное инвестиционное право [6]. Другое аналогичное исследование, специально посвящённое международно-правовым аспектам иностранных

инвестиций, было опубликовано в Кембридже в 1994 г. Автором этого научного труда является профессор Национального университета Сингапура М. Сорнараджа. В этой работе обосновывается выделение международного инвестиционного права как самостоятельной отрасли [7].

Что касается современной отечественной юридической правовой литературы, то вопрос о месте законодательства об иностранных инвестициях решается однозначно: практически все авторы, занимающиеся этим вопросом, относят правовые нормы законодательства об иностранных инвестициях к отрасли международного частного права, к подотрасли права собственности в международном частном праве [2, с. 227–259]. Нормы национального законодательства прямо и непосредственно регулируют инвестиционные отношения, т. е. применяется прямой метод регулирования отношений с иностранным элементом, а не коллизионный, который является основным или преобладающим, по мнению большинства учёных – специалистов международного частного права. Юридическая природа иностранных инвестиционных отношений такова, что они нуждаются в особом двухуровневом правовом регулировании, как отмечает М. М. Богуславский, сочетании международно-правового и внутреннего (национального) регулирования [2, с. 268–279].

Говоря о принципах международного инвестиционного права, В. М. Шумилов называет следующие принципы: свободы экспорта инвестиции; защиты инвестиций; ненанесения ущерба инвестициями экономике принимающей страны; недопущения экспроприации (национализации) иностранных инвестиций без соответствующей компенсации; суброгации; устранения двойного налогообложения; недискриминации; наиболее благоприятствуемой нации, предоставления национального режима и др. [5, с. 472–473]. В качестве новых тенденций правового обеспечения международных инвестиционных отношений можно назвать проблемы независимости (суверенитета) и одновременно взаимозависимости государств в исследуемой сфере. В условиях глобализации понятия *независимость* и *зависимость* государств нельзя рассматривать в отрыве друг от друга.

Международное инвестиционное право, будучи правовой основой для участников инвестиционной деятельности, регулирует иностранные инвестиционные отношения, содействуя их изменению в соответствии с новыми условиями, и способствует совершенствованию форм и методов обеспечения правовой защиты публично-правовым и частноправовым методами регулирования. Международное инвестиционное право с точки зрения международного права обладает публичным характером, его нормы создаются на основе добровольного согласования

воль государств, а регулируемые им отношения носят властный характер.

Библиографический список

1. Богатырев А. Г. Инвестиционное право. – М. : Российское право, 1992. – 272 с.
2. Богуславский М. М. Международное частное право : учебное пособие. – М. : Инфра-М, 2010. – 704 с.
3. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс) : учебник. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 478 с.
4. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс : учебник. – М. : Проспект, 2010. – 416 с.
5. Шумилов В. М. Международное экономическое право : учеб. пособие. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 512 с.
6. Schwarzenberger G. Foreign Investments and International Law. – L., 1969.
7. Sornarajah M. The international Law on Foreign Investment. – Cambridge : Press Syndicate of the University of Cambridge, 1994.

О ВОПРОСАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА В РАМКАХ МАГАТЭ

М. З. Г. Кярканруди
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Issues of formation and development of its nuclear program for each of the countries in the international community to Iran are strategic in many ways, especially in terms of economic and political security. This article discusses the history of the formation of the nuclear policy of Iran in terms of international law, basic principles in the ongoing life of the program of peaceful uses of atomic energy.

Key words: Iran's nuclear program; IAEA; regional policy; the United States; the United Nations.

Право Ирана на обогащение урана в мирных целях признаётся Договором о нераспространении ядерного оружия; Иран соблюдает обязательства, данные международным организациям. Подобную работу (по обогащению урана) ведут ещё 12 стран. Иран подчёркивает, что то, что ядерные державы не придерживаются данных ими обязательств, есть источник угрозы для мирового сообщества. Страна, впервые применившая ядерное оружие (США), владеет ещё сотнями ядерных боеголовок. Нужна комиссия по контролю над разоружением по ядерному оружию. Иран и несколько стран, не владеющих ядерным оружием, заявили, что монополия нескольких стран на владение ядерным оружием – это дискриминация. Иран обви-

няет Евросоюз в бездействии в отношении ядерной опасности, идущей с Ближнего Востока. Иран призвал Израиль присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, согласиться на инспектирование ядерных установок страны и т. д. Ближний Восток должен быть объявлен безъядерной зоной [7].

Ряд передовых ядерных государств полностью контролируют ядерные источники энергии и технологии, они лишают права доступа к ним другие государства и углубляют тем самым пропасть между ними и международным сообществом; без производства ядерной энергии в цикле идея использования ядерного топлива в мирных целях является ничем иным, как пустой фразой.

За противостоянием США ядерной программе Ирана стоит его политика на Ближнем Востоке. Некоторые ядерные технологии сегодня позволяют их двойное применение, то есть они могут быть использованы для производства ядерного оружия и в мирных целях, как, например, ядерная программа Индии в 1960 году. Иран с ядерным оружием существенно изменит баланс сил на Ближнем Востоке, ослабит влияние США. Это призовет и другие ближневосточные государства к обладанию ядерным оружием, что, в конце концов, приведет к уменьшению влияния США в регионе [2].

Сейчас нет однозначной позиции в отношении ядерной программы Ирана. Китай, к примеру, поддерживает позицию решить проблему ядерной программы Ирана дипломатическими средствами. В мае 2006 года в качестве одной из сторон Договора по нераспространению ядерного оружия Китай поддержал право Ирана на использование ядерной энергии в мирных целях, но в то же время было отмечено, что надо действовать в соответствии с обязательствами [3]. Франция заявила, что иранская ядерная программа – секретная военная ядерная программа.

Советник министра российского Минатома отметил, что допуск инспекции Договора по нераспространению ядерного оружия на проверку любого устройства в любое время без предварительного уведомления по Дополнительному протоколу, который подписан Ираном, позволяет передачу под контроль МАГАТЭ ядерные объекты, и переговоры между Ираном и Россией по поводу выдачи и погашения урана для США являются нежелательными. Кстати, такие требования к развитию атомной энергетики и переработке урана в ядерное топливо в отношении Бразилии США не предъявляются. В декабре 2009 года Россия заявила, что ядерная программа Ирана должна быть решена дипломатическим путём [4].

Великобритания, Франция, Германия, США, Китай и Россия – это те государства, которые участвуют в переговорах с Ираном. Великобритания была страной, которая отметила необходимость обеспечения Ирана современной ядерной программой и обогащённым топливом. Китай, Франция, Германия и Россия представили 3 резолюции в Совет Безопасности ООН, которые были впоследствии утверждены.

Израиль, который не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия и с большой долей вероятности владеет им, часто заявляет, что не верит в выполнение Ираном ядерной программы. Израиль планирует напасть на Иран, заявив, что Иран разработал цели нападения. Майк Муллен, председатель Объединённого Комитета штабных командиров Соединённых Штатов, предупредил Израиль о том, что воздушное нападение Израиля на Иран имеет высокий риск. В США считают, что позиция Израиля в вопросе ядерного оружия осложняет его усилия против ядерной программы Ирана. В Национальном университете обороны имеется также мнение о том, что ядерная программа Ирана формируется прежде всего из-за противостояния ядерному потенциалу Израиля. Иран и Лига арабских государств предложили создание на Ближнем Востоке свободной от ядерного оружия зоны. В мае 2010 года Израиль отметил, что не намерен участвовать в переговорах по свободной от ядерного оружия зоны и подключаться к Договору по нераспространению ядерного оружия. Совет Безопасности ООН также поддерживает идею о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, призвав в 1970 году все государства подписать Договор по нераспространению ядерного оружия [2].

Индонезия, самое большое в мире мусульманское государство непостоянный член Совета Безопасности ООН, в 2008 году не голосовало за резолюцию ООН о санкциях третьей группы в отношении Ирана. Это была одна не голосовавшая «за» страна из 10 непостоянных членов. Президент Индонезии в марте 2008 года сказал: "Ядерная программа Ирана имеет мирный характер и не должна быть политизирована» [6].

20 июня 2006 года международные организации в Бакинской декларации по ИКТ заявили, что что единственный способ решить проблему ядерного Ирана – это переговоры без предварительных условий для восстановления и укрепления сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами [7].

Подытоживая сказанное, следует напомнить, что в декабре 2006 года Совет сотрудничества стран Персидского Залива призвал к созданию на Ближнем Востоке безъядерной зоны и признал право государств на использование ядерной энергии в мирных целях. Движение неприсоединения отметило, что в

текущей ситуации монополизация ядерными державами права на владение ядерным оружием есть "дискриминация", и они будут принимать меры по ускорению процесса ядерного разоружения.

16 сентября 2006 года на саммите в Гаване (Куба) 118 членов, представителей стран, входящих в Движение неприсоединения, в письменной декларации заявили о поддержке ядерной программы Ирана, которая носит мирный характер. Это Движение составляет 55 % населения мира. 11 сентября 2007 года Движение неприсоединения возражало против вмешательства инспекторов Организации Объединенных Наций через Совет Безопасности и любой из западных стран в ядерную транспарентность Ирана [5].

Вопрос о ядерной программе Ирана для Азербайджана, в котором, по крайней мере, заинтересованы США, а также ЕС и др., увеличивает значение и самого Азербайджана для Ирана. Важность этой ситуации для Соединённых Штатов состоит в том, что невмешательство и односторонняя позиция по этому вопросу соответствует их интересам. В случае возможного военного вмешательства в дела Ирана геополитическое значение Азербайджана возрастет, но, с другой стороны, вряд ли страна на это согласится. По крайней мере, такой шаг приведёт к обострению ситуации в регионе. Иран будет поддерживать Азербайджан в этом вопросе, и хочет добиться в мусульманской стране по крайней мере нейтралитета. С точки зрения гуманитарных интересов в случае военной интервенции в Иран в массовом порядке тысячи людей будут убиты и станут беженцами. Это трудно предотвратить, и это явится причиной гуманитарного кризиса в Азербайджане. Сопровождение военной интервенции в Иране атомной бомбой может стать началом региональной экологической катастрофы [1, с. 571]. Об этом не стоит забывать.

Библиографический список

1. Гасанов А. М. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана : учебник. – Баку : Азербайджан, 2005. – 752 с.
2. Coughlin Con. North Korea To Help Iran Dig Secret Missile Bunkers // the Daily Telegraph, December. – 2005. – № 6. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news> 3
3. Charbonneau Louis. N. Korea Provides Nuclear Aid to Iran–Intel Reports // Reuters. – 2005. – July, 6.
4. UN Findings Support Iran Nuke Claims // Associated Press. – 2005. – August, 20.
5. URL: <http://www.iaea.org>
6. URL: www.un.org 16
7. URL: www.az.apa.az/news.php?id=175254

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

3–4 декабря 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-13.03.13)

5–6 декабря 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

В 2014 году

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты**» (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция II «**Развитие творческого потенциала личности и общества**» (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников**» (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Региональные социогуманитарные исследования. История и современность**» (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты**» (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации**» (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования**» (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Психология XXI века: теория, практика, перспектива**» (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция «**Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания**» (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция «**Инновации и современные технологии в системе образования**» (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Экологическое образование и экологическая культура населения**» (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства**» (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях**» (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Национальные культуры в социальном пространстве и времени**» (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты**» (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность**» (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика**» (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований**» (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза**» (К-03.27.14)

27–28 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

Международная научно-практическая конференция «**Язык и политика**» (К-03.28.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Личность и социальное развитие**» (К-03.28.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании**» (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия**» (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики**» (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)**» (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Информационно-коммуникационное пространство и человек**» (К-04.15.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения**» (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики**» (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции**» (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Самореализация потенциала личности в современном обществе**» (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования**» (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи**» (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Проблемы современного образования**» (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Новые подходы в экономике и управлении**» (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы**» (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Проблемы становления профессионала**» (К-09.25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации**» (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Иностранный язык в системе среднего и высшего образования**» (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**» (К-10.10.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы**» (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Проблемы развития личности**» (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему**» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии**» (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества**» (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directoryofopenaccessjournals, что обеспечивает нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный со-

трудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам А. К., преподаватель кафедры русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Насимов М. О., кандидат политических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям университета «Болашак», директор Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и

должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

Образец оформления статьи

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described

in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.:Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес
Домашний или сотовый телефон
E-mail
Научные интересы
Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? Да/нет (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу (в 2013 году)**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKOVYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Academia Regum Civilium – Высшая школа политических и общественных наук
Пензенская государственная технологическая академия

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы III международной научно-практической конференции
15–16 октября 2013 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 02.10.2013. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 12,97 п. л.
Усл.-печ. л. 12,06 п. л.
Тираж 100 экз.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412) 56-25-09